

РАШИНСАЙНС

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2020

Казань - 2020

УДК 08
ББК 72
К4 94

К4 94 Казанская наука. №2 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. – 146.

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 – 75730).

Журнал размещен в открытом бесплатном доступе на сайте www.kazanscience.ru.

Журнал включен ВАК РФ в перечень научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» № Е11209.

Главный редактор А.Р. Шагимуллин

Редакционная коллегия

*Р.Ф. Бекметов – к.филол.н., доцент; В.В. Кондратьев – д.пед.н., профессор;
Н.С. Найденова – д.филол.н., доцент; А.М. Саяпова – д.филол.н., профессор;
Р.Р. Хуснуллина – д.филол.н., профессор.*

В журнале отражены материалы по теории и практике направлений науки, наиболее интенсивно развивающихся в настоящее время. Представлены труды ученых и специалистов вузов, институтов РАН, организаций, учреждений и предприятий, представителей органов власти.

Материалы журнала будут полезны преподавателям, научным работникам, специалистам научных предприятий, организаций и учреждений, а также аспирантам, магистрантам и студентам.

УДК 08
ББК 72

ISSN 2078-9955 (print)
ISSN 2078-9963 (online)

© Рашин Сайнс, 2020 г.

СОДЕРЖАНИЕ

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

<i>Е.А. Ерохина</i> УСАДЕБНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-1860-Х ГГ. КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ «УСАДЕБНОГО МИФА»	7
<i>Л.А. Нигматуллина</i> ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ С ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ НА ПРИМЕРЕ РОМАНА РЭЯ ДУГЛАСА БРЕДБЕРИ «451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ	11
<i>М.С. Савина</i> ПОЭТИКА ТРИВИАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ У. АНДАШЕВА «РАСТОПТАННЫЙ ЦВЕТНИК»	14
<i>М.С. Савина</i> ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ХХІ В. В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ КЫРГЫЗСТАНА: ПОЭТИКА «NON-FICTION»	17

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

<i>А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров, Ф.Б. Рахматова, Л.Ф. Минязева, В.А. Перминова, Э.Г. Усманов, И.Р. Юсупов</i> ВКЛАД В ЖУРНАЛИСТИКУ РОССИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ (АНАЛИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЖУРНАЛИСТЫ РОССИИ. ХХ—ХХІ»)	21
---	----

10.02.01 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

<i>О.А. Глущенко</i> СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ДОНОРСТВА КРОВИ	24
<i>Н.С. Дьякова, Т.А. Маркова</i> МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ЯЗЫКОВЫХ ОШИБОК СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	28
<i>С.В. Минибаева, А.А. Минеева</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РАДИА ХАБИРОВА	31
<i>Э.В. Фомин</i> ЧУВАШСКИЕ АНТРОПОНИМЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ	34
<i>О.О. Хасанова</i> ДЕКОНСТРУКЦИЯ СИНТАКСИСА КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ Э. ВЕРКИНА «ДРУГ-АПРЕЛЬ»	37

10.02.04 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

<i>Р.Е. Богачев, Е.В. Шемаева, Н.Б. Кудрявцева</i> СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУН И ЕГО СЕМАНТИКА	40
<i>Н.Ж. Гумерова</i> КОНТЕКСТ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ	43
<i>К.А. Журавская, А.Е. Кузнецова</i> РОЛЬ ПЕЙЗАЖНОЙ ДЕТАЛИ В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА «CHEMISTRY»	47
<i>К.А. Журавская, А.Е. Кузнецова</i> ОБРАЗЫ РАЛЬФА И ДЕДА В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА «CHEMISTRY»	50
<i>Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	53
<i>Н.А. Ладонина</i> ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ НЕСОГЛАСИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ «СТУДЕНТЫ-НОСИТЕЛИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»)	57
<i>Л.Н. Мирошниченко, Е.Н. Мусаелян, О.Н. Ярыгина, А.В. Марков</i> ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В СПОРТИВНОЙ ОБЛАСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА	60

З.А. Мотыгуллина, Л.А. Нургалиева, Э.А. Хабибуллина, А.Ю. Гиниятуллина СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ	63
Е.С. Руденко, Н.Н. Абуева, З.Б. Темирханова ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОНЕТА ГЕНРИ ГОВАРДА "BRITTLE BEAUTY"	66
А.В. Семкова, В.А. Войтов ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ГОРНОМУ ДЕЛУ)	69
Сунь Е КОНЦЕПЦИЯ «ТРАДИЦИЯ» Ю.Н. ТЫНЯНОВА	72

10.02.19 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

Л.А. Алиева, Л.Г. Гаджиева, Ю.А. Лагутина ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ У УЧАЩИХСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ	77
В.В. Батицкая, Е.П. Игнатьева ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИ- ЧЕСКОГО АНТРОПОНИМА КАК ЗНАКА КУЛЬТУРЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	80
Т.Н. Боргоякова, К.Н. Бурнакова УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМЫ НА -ИР И ЕЁ СОЧЕТАНИЯ В ФУНКЦИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ	83
Л.И. Василькова МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ КАК ВЕРБАЛЬНОГО СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ» (НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)	86
Л.Г. Гаджиева, Л.А. Алиева, Ю.А. Лагутина МАСДАР В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ГЕРУНДИЕМ	89
Д.Р. Гилязова, А.С. Титлова МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА	93
Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ	97
Е.И. Кривошеева ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЯПОНСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК	100
Д.Ц. Очиржапова, Н.Г. Пушкарёва, Л.Д. Раднаева, Н.С. Талдыкина ФОНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ	103
С.Е. Писаренкова, А.А. Писаренков «СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» И ИДЕОЛОГИЯ: МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА	107
А.С. Писарихина ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ	111
Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева, С.Д. Цыренжапова, Е.А. Шагланова КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУКОВ. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	114
Р.Н. Сафин, В.С. Маркелов ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАЗАНСКОЙ ЯЧЕЙКИ ПАРТИИ ИСЛАМСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛ-ИСЛАМИ»	118
Н.А. Сидорова ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТИР КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ	121
Д.Х. Хуснутдинов, Р.К. Сагдиева, И.С. Насипов, Г.Г. Асхадуллина ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕЖДОМЕТИЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА	125
М.В. Шурупова К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ- КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ	128
Янь Кай ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	131

АННОТАЦИИ

136

THE RELEASE MAINTENANCE

10.01.01 – PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LITERATURE

<i>E.A. Erokhina</i> MANOR SPACE IN I.S. TURGENEVA 1850-1860-X. AS A RESOURCE FOR FORMING A "MANOR MYTH"	7
<i>L.A. Nigmatullina</i> READING COMPETENCIES FORMATION USING INTERTEXTUAL INTERACTION TEXTS IN RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH CLASSES WITH THE USE OF RAY BRADBURY'S "FAHRENHEIT 451"	11
<i>M.S. Savina</i> THE POETICS OF THE TRIVIAL IN THE NOVEL BY WILLIAM ANTASHEVA "TRAMPLED THE FLOWER GARDEN"	14
<i>M.S. Savina</i> LITERARY TRENDS OF THE TWENTY-FIRST CENTURY IN RUSSIAN-LANGUAGE PROSE IN KYRGYZSTAN: POETICS "NON-FICTION"	17

10.01.10 – PHILOLOGICAL SCIENCES – JOURNALISM

<i>A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.F. Usmanov, R.E. Safarov, F.B. Rakhmatova, L.F. Minyazev, V.A. Perminova, E.G. Usmanov, I.R. Yusupov</i> CONTRIBUTION TO RUSSIAN MEDICAL JOURNALISM WORKERS (ANALYSIS OF ENCYCLOPEDIA «JOURNALISTS RUSSIA. XX — XXI»)	21
--	----

10.02.01 - PHILOLOGICAL SCIENCES – RUSSIAN LANGUAGE

<i>O.A. Glushchenko</i> SEMIOTIC ANALYSIS OF POLYCODE TEXTS OF SOCIAL ADVERTISING OF BLOOD DONATION	24
<i>N.S. Diakova, T.A. Markova</i> MULTIMEDIA CORPUS OF LANGUAGE ERRORS OF STUDENTS-FOREIGNERS AS A SOURCE OF STUDYING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY	28
<i>S.V. Minibaeva, A.A. Mineeva</i> FEATURES OF THE SPEECH IMAGE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN RADIY KHABIROV	31
<i>E.V. Fomin</i> CHUVASH NAMES OF RUSSIAN ORIGIN	34
<i>O.O. Hasanova</i> DECONSTRUCTION OF SYNTAX AS ONE OF THE TECHNIQUES OF MEANING GENERATION IN E. VERKIN'S NOVEL «FRIEND-APRIL»	37

10.02.04 - PHILOLOGICAL SCIENCES – GERMANIC LANGUAGES

<i>R.E. Bogachev, E.V. Shemaeva, N.B. Kudryavtseva</i> THE SYMBOLIC MEANINGS OF RUNES AND THEIR SEMANTICS	40
<i>N.Zh. Gumerova</i> CONTEXT AS A CONDITION OF A FICTION WORK COMPREHENSION	43
<i>K.A. Zhuravskaya, A.Y. Kuznetsova</i> THE ROLE OF LANDSCAPE DETAILS IN GRAHAM SWIFT'S "CHEMISTRY"	47
<i>K.A. Zhuravskaya, A.Y. Kuznetsova</i> RALPH'S AND GRANDFATHER'S IMAGES IN GRAHAM SWIFT'S "CHEMISTRY"	50
<i>Yu.A. Zeremskaya, O.V. Solodovnikova</i> PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOR COMPONENT "RED" IN THE MODERN ENGLISH LANGUAGE	53
<i>N.A. Ladonina</i> PARTICULAR FEATURES OF REALIZATION OF THE NEGATIVE POLITENESS STRATEGY IN THE COMMUNICATIVE ACTS OF DISAGREEMENT (WITHIN THE SOCIAL GROUP OF STUDENTS-NATIVE SPEAKERS OF ENGLISH)	57
<i>L.N. Miroshnichenko, E.N. Musaelian, O.N. Yarygina, A.V. Markov</i> LINGUISTIC BORROWING AS MEANS OF TERM FORMATION IN SPORTS AREA OF THE GERMAN LANGUAGE	60

<i>Z.A. Motygullina, L.A. Nurgalieva, E.A. Khabibullina, A.Y. Giniyatullina</i> TYPOLOGY OF THE WORD STRESS IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES	63
<i>E.S. Rudenko, N.N. Abueva, Z.B. Temirkhanova</i> THE INTERPRETATIONAL VARIANTS OF HENRY HOWARD'S SONNET "BRITTLE BEAUTY"	66
<i>A.V. Semkova, V.A. Voytov</i> TRANSLATION PECULIARITIES OF INTERNATIONAL WORDS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS (ON THE MATERIAL OF TEXTS OF MINING)	69
<i>Sun Ye Y.</i> TYN'YANOV'S CONCEPT OF TRADITION	72

10.02.19 - PHILOLOGICAL SCIENCES – LANGUAGE THEORY

<i>L.A. Alieva, L.G. Gadzieva, Yu.A. Lagutina</i> INTERFERING PHENOMENA IN TEACHING ENGLISH LITERARY PRONUNCIATION IN A NATIONAL SCHOOL	77
<i>V.V. Batitskaya, E.P. Ignatieva</i> FUNCTIONING OF ENCYCLOPEDIA ANTHROPONYM AS A SIGN OF CULTURE IN SEMIOTIC SPACE	80
<i>T.N. Borgoyakova, K.N. Burnakova</i> USE OF THE FORM FOR -IR AND ITS COMBINATIONS IN THE FUNCTION OF THE PRESENT TENSE	83
<i>L.I. Vasilkova</i> MANIPULATIVE POTENTIAL OF POLITICAL EUPHEMISMS AS A VERBAL TOOL OF IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF "DOUBLE STANDARDS" (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN MEDIA)	86
<i>L.G. Gadzieva, L.A. Alieva, Yu.A. Lagutina</i> THE MASDAR IN THE LAK LANGUAGE VERSUS THE ENGLISH GERUND	89
<i>D.R. Gilyazova, A.S. Titlova</i> MANIPULATIVE INFLUENCE AND CONFLICTOGENITY OF POLYCODED INTERNET TEXT	93
<i>E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova</i> ACTUALIZATION OF ADDRESS CATEGORY IN SCIENTIFIC COMMUNICATION	97
<i>E.I. Krivosheeva</i> THE PROBLEM OF LINGUOCULTURAL EQUIVALENCE IN THE PROCESS OF ADAPTATION OF JAPANESE TEXTS IN THE RUSSIAN LANGUAGE	100
<i>D.Ts. Ochirzhapova, N.G. Pushkar'ova, L.D. Radnaeva, N.S. Taldykina</i> PHONETIC PROPERTIES OF ENGLISH VOWELS	103
<i>S.E. Pisarenkova, A.A. Pisarenkov</i> "FAMILY VALUES" AND IDEOLOGY: FAMILY AS A METAPHORICAL MODEL IN LIBERAL AND CONSERVATIVE WORLD VIEW	107
<i>A.S. Pisarikhina</i> TYPES OF MODALITY IN THE MODERN GERMAN LANGUAGE	111
<i>L.D. Radnaeva, B.V. Socktoeva, S.D. Tsyrenzhapova, E.A. Shaglanova</i> QUALITATIVE AND QUANTITATIVE SOUND CHARACTERISTICS. ACOUSTIC ASPECT	114
<i>R.N. Safin, V.S. Markelov</i> CONCLUSIONS OF LINGUISTIC EXPERTISE ON THE ACTIVITIES OF THE KAZAN CELL OF THE PARTY OF THE ISLAMIC LIBERATION "HIZB UT-TAKHRIR AL-ISLAMI"	118
<i>N.A. Sidorova</i> VALUES AS A REFERENCE POINT FOR COMMUNICATIVE ACTIONS	121
<i>D.H. Husnutdinov, R.K. Sagdieva, I.S. Nasipov, G.G. Askhadullina</i> EMOTIVE FUNCTION OF TATAR LANGUAGE IN CREATION OF A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD	125
<i>M.V. Shurupova</i> ON THE SPECIFICITY OF INTERNET COMMUNICATION LANGUAGE	128
<i>Yan Kai</i> THE MAIN AREAS OF LINGUISTICS	131
ABSTRACTS	136

10.01.01– ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

10.01.01

Е.А. Ерохина

Череповецкий государственный университет,
Гуманитарный институт,
Кафедра отечественной филологии,
Череповец, katty_basova@mail.ru

**УСАДЕБНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТЯХ И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-1860-Х ГГ.
КАК РЕСУРС ФОРМИРОВАНИЯ «УСАДЕБНОГО МИФА»**

В статье рассмотрены повести, которые можно отнести к ресурсу, сформировавшему «усадебный миф» писателя 1850-60-х годов. Центральными образами имения в текстах Тургенева становятся господский дом и сад. Также в работе анализируется время как категория, неразрывно связанная с пространством. Вместе они составляют идиллический хронотоп произведений Тургенева. Учитывая значимость образа усадьбы в творчестве писателя, можно говорить об «усадебной повести» как особом жанре с характерными чертами.

Ключевые слова: «усадебный миф», тоpos, хронос, функция, «усадебная повесть».

Дворянская усадьба – особый феномен русской действительности. Она была не только одним из наиболее характерных явлений культуры и истории России, но и ярким литературным образом, вокруг которого сформировался миф дворянского гнезда.

«Непревзойденным классиком» [13, с. 301] усадебной повести В. Г. Шуклин называет И. С. Тургенева, который обратился к этому жанру в середине XIX века и достиг художественного совершенства.

В рамках статьи рассмотрим шесть повестей Тургенева, действие которых происходит в усадьбе: «Дневник лишнего человека» (1850), «Три встречи» (1852), «Два приятеля» (1854), «Затишье» (1854), «Фауст» (1856) и «Бригадир» (1868). Именно эти повести в большей мере, на наш взгляд, можно отнести к тому ресурсу, который сформировал «усадебный миф» И.С. Тургенева 1850-60-х годов.

Вслед за Е.Е. Дмитриевой и О.Н. Купцовой рассмотрим мифологему, где усадьба – русское дворянское гнездо, которое представляет собой культурное пространство в естественном, природном ландшафте [См. об этом: 2]. Как пространственный образ усадьба включает в себя дом и сад (с аллеями, прудами, дорожками, скульптурами, растениями). Идейным и композиционным центром имения в художественном тексте был господский дом.

В повестях Тургенева 1850-60-х годов мы не встретим богатых, больших, каменных домов, как это будет в романах писателя. Здесь чаще всего изображены «домики» или «домишки». Главный герой повести «Два приятеля», Борис Андреевич Вязовнин, по приезде в деревню находит свое имение «расстроенным, усадьбу запущенной, дом чуть не в развалинах» [6, с. 321]. У его соседа, Петра Васильича Крупицына, дела обстояли еще хуже: «домик» его, «небольшой и ветхий, скорее походил на простую дворовую лачужку, чем на жилище помещика. По соломенной крыше, кругом пробуравленной воробыиными и галочными гнездами, рос зеленый мох; из двух осиновых срубов, некогда сплоченных и прилаженных, один откинулся назад, другой покачнулся вбок и врос в землю; словом, плох был дом Петра Васильича снаружи, плох изнутри» [6, с. 325]. Павел Александрович В., герой повести «Фауст», говорит о своем жилище: «Домишко мой, уже давно ветхий, теперь чуть держится, весь покривился, врос в землю» [10, с. 90], заключая, что постарел не только он сам. В прологе повести «Бригадир» появляется образ усадьбы, которыми, как отмечает

повествователь, «двадцать пять - тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина» [5, с. 39]. Ее главное задние - «...господский дом, одноэтажный, на кирпичном фундаменте, с зеленоватыми стеклами в узких рамах, с покатою, некогда крашеной крышей, с балкончиком, из которого выпадали кувшинообразные перила, с кривым мезонином, с безголосой старой собакой в яме под крыльцом» [5, с. 39]. В повести «Затишье» читаем: «В одном из двух маленьких домиков жил сам Михаил Николаич» [8, с. 387]. Таким образом, в повестях Тургенева этого периода доминирует устойчивое описание маленьких, небогатых усадебных домов, что во многом определяет жизнь, быт подобных усадеб; является косвенной характеристикой их владельцев.

Иногда Тургенев «заходит» еще дальше, намечая тему разорения дворянских имений, угасания усадебной жизни. Такое заброшенное и нежилое дворянское гнездо мы видим в повести «Три встречи». Главный дом усадьбы в селе Глинное предстает перед читателем «низеньким и неказистым», с «наглухо заколоченными окнами» [9, с. 217]. При создании образа дома писатель использует такой поэтический прием, как метафора, сравнивая его со «слепым стариком, вышедшим погреться на солнце» [9, с. 217].

Продолжением дома, неотъемлемой частью усадебного ансамбля являлся сад. Непременными атрибутами сада у Тургенева были тенистые липовые и яблоневые аллеи, большие и малые пруды, посыпанные песком дорожки, садовые скамейки, порой отдельное росшее и столь важное для хозяев дерево. И дальше – рощи, поля с овсом и гречихой, леса (то, что составляет уже естественный ландшафт).

Образ сада пронизан у Тургенева положительными эмоциями; у героев он чаще всего вызывает светлые чувства. Именно их испытывает герой повести «Дневник лишнего человека» Чулкатурин. После смерти отца он, еще мальчиком, переезжает с матерью в Москву, потому что их имение было продано с молотка за долги: «Так-таки решительно все, исключая одной деревушки, той самой, в которой я теперь вот доживаю свое великолепное существование» [7, с. 171], - сообщает главный герой. Вспоминая об усадьбе, Чулкатурин говорит: «Я, признаюсь, даром что был тогда молод, а погрузил о продаже нашего гнезда; то есть по-настоящему я грустил только об одном нашем саде» [7, с. 171].

Чулкатурин пишет в своем дневнике: «С этим садом связаны почти единственные мои светлые воспоминания; там я в один тихий весенний вечер похоронил лучшего своего друга, старую собаку с кудым хвостом и кривыми лапками - Триксу; там, бывало, спрятавшись в высокую траву, я ел краденые яблоки, красные, сладкие новгородчины; там наконец я в первый раз увидел между кустами спелой малины горничную Клавдию...» [7, с. 171]. Воспоминание о саде вызывает у него цепь ассоциаций, связанных с детством, юностью, пережитыми тогда чувствами. Эмоции, переполняющие Чулкатурину при воспоминании о саде настолько сильны, что он непосредственно обращается к нему: «О мой сад, о заросшие дорожки возле мелкого пруда! о песчаное местечко под дряхлой плотиной, где я ловил пескарей и гольцов! и вы, высокие березы, с длинными висячими ветками...» [7, с. 171].

Изображение сада в произведениях писателя глубоко лирично; подобно музыке и живописи, он наполнен звуками и красками. Так, в повести «Три встречи» событию, когда рассказчик слышит пение прекрасной незнакомки и неожиданно понимает, что именно этот голос он слышал два года назад в Италии, предшествует подробное описание сада: «Неподвижно лежал передо мною небольшой сад, весь озаренный и как бы успокоенный серебристыми лучами луны, - весь благовонный и влажный; разбитый по-старинному, он состоял из одной продолговатой поляны. Прямые дорожки сходились на самой ее середине в круглую клумбу, густо заросшую астрами; ... Молодые яблони кое-где возвышались над поляной ... Всё дремало, всё нежилось вокруг...» [9, с. 218].

Герой Тургенева проникается этой атмосферой, ощущает ее чутко и тонко. Рассказчик пытается передать свои чувства и эмоции в тот момент: «Сердце во мне томилось неизъяснимым чувством, похожим не то на ожиданье, не то на воспоминание счастья; я не смел шевельнуться...» [9, с. 219], [См об этом: 3, 4, 11, 12, 13].

Таким образом, сад у Тургенева – не фон, на котором разворачивается действие повести, а один из ее героев. Он – неотъемлемая часть каждого дворянского гнезда Тургенева (как и господский дом), что свидетельствует о значимости этого образа. Помимо того, что сад является частью усадебного ансамбля, он выполняет психологическую функцию, отображая чувства героев, их мысли и переживания. Не случайно, являясь «пространством любви» [2], сад становится «свидетелем» встреч и бесед героев. Такое свидание мы видим в четвертой главе повести «Затишье» (Марьи Павловны и Веретьева).

Основываясь на учении М.М. Бахтина о хронотопе, отметим, что пространство неразрывно связано со временем [1]. По отношению к повестям Тургенева можно говорить об идиллическом хронотопе [См. об этом: 1, с. 373-379]. Его характерными признаками является замкнутость усадебного мира, отгороженность искусственно созданного идиллического «рая» от невзгод внешнего мира. Время в усадьбе текло размеренно и зависело от естественной смены времен года.

У Тургенева идиллический хронотоп выражается, прежде всего, в особом отношении к усадебному времени и пространству: жизнь в усадьбе, события, которые там происходят, неотделимы от конкретного пространственного уголка, где жили отцы и деды, будут жить дети и внуки. И все же Тургенев предпочитал изображать жизнь не в повседневном и растянутом во времени течении, а в острых, кульминационных ее ситуациях. Поэтому в повестях писателя четко определяются хронологические рамки: описываемые события чаще всего длятся не более полугода («Дневник лишнего человека», «Три встречи», «Затишье», «Фауст»); в то же время вместе с экспозицией и эпилогом они могли занять несколько лет и даже десятилетий («Два приятеля», «Бригадир»).

Важной особенностью усадебного «хроноса» была постоянная память о прошлом, живое присутствие традиции, о которой напоминали портреты, старая мебель, библиотека, семейные предания. Все это приучало мыслить ретроспективно и сентиментально. По мнению В.Г. Щукина, «поэтика усадебной повести — это поэтика воспоминания» [12, с. 580]. К повестям такого рода – «о далеком прошлом» – относится «Бригадир». Мотив воспоминания появляется с самого начала повествования: «Читатель, знакомы ли тебе те небольшие дворянские усадьбы, которыми двадцать пять – тридцать лет тому назад изобиловала наша великорусская Украина?» [5, с. 39] – и далее раскрывается в словах рассказчика: «Вот такую-то усадьбу пришлось мне посетить лет тридцать тому назад ... дела давно минувших дней – как изволите видеть» [5, с. 40]. События, составляющие основное содержание повести, относятся к еще более далекому прошлому – XVIII веку.

Учитывая аспекты, затронутые в статье, проанализированные повести И.С. Тургенева 1850-60-х годов, несомненно, стоит отнести к тому ресурсу, который сформировал модель «усадебного мифа» писателя. Значимость образа усадьбы в произведениях Тургенева позволяет сделать вывод об особом месте жанра «усадебной повести» в его творчестве.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М., Искусство, 1979. – 445 с.
2. Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н.. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай. — М. ОГИ, 2003 – 528 с.
3. Муратов А. Б. Тургенев – новеллист. 1870-1880-е гг. Л., 1985.
4. Пустовойт П. Г. И. С. Тургенев – художник слова. М, 1980. С. 376.
5. Тургенев И.С. Бригадир / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1981. – Т. 8. – 542 с.
6. Тургенев И.С. Два приятеля / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1980. – Т. 4. – 687 с.
7. Тургенев И.С. Дневник лишнего человека / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1980. – Т. 4. – 687 с.
8. Тургенев И.С. Затишье / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1980. – Т. 4. – 687 с.
9. Тургенев И.С. Три встречи / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1980. – Т. 4. – 687 с.
10. Тургенев И.С. Фауст / Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. - М. Наука, 1980. - Т. 5. – 543 с.
11. Шаталов С. Е. Художественный мир И. С. Тургенева. М.: Наука, 1979.
12. Щукин В.Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Щукин В. Российский гений просвещения: Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 608 с.
13. Щукин В.Г. Поэзия усадебной прозы // Из истории русской культуры. Т.5 (19 век). М., 1996. – 848 с.

10.01.01

Л.А. Нигматуллина канд. педагог. наук

Казанский государственный архитектурно-строительный университет,
экономический факультет,
кафедра иностранных языков,
Казань, nigmatullinal1971@mail.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ ПОСРЕДСТВОМ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ С ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ
НА ПРИМЕРЕ РОМАНА РЭЯ ДУГЛАСА БРЕДБЕРИ
«451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»**

В данной статье поднимается проблема особенностей современного текстового пространства, взаимодействий различных текстов между собой. Сведения подаются о малоизученном новом направлении в лингвистике – интертекстуальности на примере романа Рэя Дугласа Бредбери «451 градус по Фаренгейту».

Ключевые слова: *интертекстуальность, лингвистика, культура речи, читательская компетенция, детальный анализ, лингвокультурология, текстовое пространство, лексика, функции речи.*

Язык – неотъемлемая часть нашей общественной жизнедеятельности. Речь – также, неотъемлемая часть социального бытия людей; необходимое условие существования человеческого общества. Подсчитано, что примерно 70% того времени, когда человек бодрствует, он посвящает говорению, слушанию, чтению, письму – 4 основным видам речевой деятельности. С точки зрения значения в жизни человека, можно выделить следующие основные функции речи, неразрывно связанные между собой: 1.речь используется в процессе трудовой деятельности; 2.речь является средством познания (приобретение новых знаний); 3.речь – средство воздействия на сознание, выработка норм поведения; 4.речь – средство удовлетворения личных потребностей человека. Устное общение – самая сложная часть жизни современного молодого человека. Простейшее и всеобщее требование – это говорить четко. Уметь донести мысль до слушающего, лаконично, не говоря ни слова лишнего, но и не упуская совершенно необходимых для уяснения смысла слов, - это и есть культура речи. Культурой речи должен владеть каждый человек, особенно готовящийся влиться в сложный мир профессиональной деятельности, полный конкуренции, агрессивный и жестокий. Поэтому пристальное внимание ученых к речи, а именно, к культуре речи выпускников высших учебных заведений - остается одной из важных задач современности.

Из-за исторических и территориальных условий язык не един, и поэтому он является частью культуры каждой страны. Взаимодействие культуры и языка создает фундаментальные понятия лингвистики.

Если культура определяет темы, на которые рассуждает человек, то язык определяет, как он об этом скажет. Благодаря такой отрасли языкознания как лингвокультурологии мы можем обратить внимание не только на грамматическое, морфологическое использование языка, но и на его культурные особенности. Чтобы понять значимость лингвокультурологии в нашей жизни, обратимся к лингводидактике, которая в свою очередь исследует вопросы расширения языковых знаний при помощи изучения иностранных языков. Ибо культурные особенности более заметны, когда мы говорим на языке, носителем которого не являемся. Однако не нужно забывать, что изучение культуры родного языка, а также его лексики играет немаловажную роль в нашей жизни.

Лексика современного человека отличается подвижностью, так как сильно зависит от внешних факторов. Лексикология исследует новые слова, обозначает старые, вышедшие из употребления словарные единицы, а также следит за появлением новых значений. Однако следует заметить, что все лексические изменения не происходят в один миг, а носят длительный характер. Также важно учитывать, что лексика национального языка находится в постоянном взаимодействии с лексикой иностранных языков. Лексика меняется постоянно и невозможно подсчитать количество слов в том или ином языке. Именно поэтому возникает необходимость в таком разделе языкознания как лексикология.

В современном мире Интернет играет огромную роль в развитии языка. Люди способны придумывать новые слова и добиваться их актуальности, не прикладывая особых усилий. Именно из-за этого случаются, так называемые, коммуникативные неудачи. Они проявляются в том, что между людьми происходит непонимание словесных значений. Это связано с изменением аутентичных форм языка на орфографическом, орфоэпическом, фонологическом и лексическом уровне. Также актуальна проблема заимствования иностранных слов. Существует множество примеров того, как иностранные слова входят в наш обиход, когда при этом мы имеем аналоги в нашем родном языке. Чрезмерное употребление слов без учета их значения ведет к потере самобытности языка.

Также важно следить за сдвигами в культуре речи языка. Это относится к смене значений слова, актуальность употребления тех или иных конструкций.

В языке художественной литературы происходят значительные изменения, что во многом создает современное общественное настроение, формирует массовое сознание, современную речевую культуру и отношение к самой речи. Задача современности - посредством введения в учебный процесс не только новых пособий, включающих тексты выдающихся мастеров слова, а и создание художественных текстов, включающих прямые цитаты, отсылки, аллюзии и интертекстуальное взаимодействие с мировыми бестселлерами, что побудит в дальнейшем к прочтению произведений в полном объеме. Нужно отметить, что сам термин интертекстуальность не получил еще единого определения, так как, несмотря на то, что ученые, занимающиеся данным разделом филологии (Е.А. Юрковская, Н.А. Фатеева, И.В. Арнольд, В.А. Руднев, И.П. Смирнов, М.Н. Кожина, А.А. Андреева, П.Х. Тороп, Н.В. Петрова, В.М. Мокиенко, К.П. Сидорова, Е.А. Попова, В.Б. Гудков сходятся в том, что тексты содержат в своей «ткани» ниточки из других текстов, подходы к этому явлению самые разные.[2.1]

Художественная литература на сегодняшний день не должна утрачивать роль законодателя норм русского литературного языка. Ориентиром остается нравственные ценности, интерес к родному слову, своего рода языковым эталоном. Должно сформироваться понимание, что владеть русским языком не только нужно, но и престижно.

Введение в канву учебных занятий анализ текстов выдающихся мастеров слова и проведение читательских конференций не только сможет повысить речевую культуру и сформировать читательские компетенции у студентов, но и позволит повысить речевую культуру и престиж русского языка в целом.

Примером может служить произведение Рэя Дугласа Бредбери «451 градус по Фаренгейту», в котором не только поднимаются важные проблемы человечества, что является безусловным достоинством книги, но есть отсылки к великим произведениям или к интертекстуальному взаимодействию.

В тексте романа содержится 114 интертекстуальных обращений (интекстов) к различным произведениям, а именно, 20 цитат, 42 аллюзии, 52 реминисценции. Поскольку главная тема романа – это свобода познания, ведь пожарные сжигали книги именно для того чтобы не позволить людям развиваться выше уровня человека-потребителя, то без межтекстовых взаимодействий данное произведение представить просто не возможно. Случаи использования цитат в романе можно разделить на две основные группы. В первую группу войдут интексты, которые имеют отношение к антагонисту главного героя, Капитану Бити, который использовал оружие врага для борьбы с ним же, то есть цитировал известные

произведения литературы, чтобы доказать их никчемность и даже вред.[2.2]

Sweet food of sweetly uttered knowledge,' Sir Philip Sidney said. But on the other hand: 'Words are like leaves and where they most abound, Much fruit of sense beneath is rarely found.' Alexander Pope. What do you think of that?" "I don't know." "Careful," whispered Faber, living in another world, far away. "Or this? 'A little learning is a dangerous thing. Drink deep, or taste not the Pierian spring; There shallow draughts intoxicate the brain, and drinking largely sobers us again.' Pope. Same Essay. Where does that put you?" Montag bit his lip. "I'll tell you," said Beatty, smiling at his cards. "That made you for a little while a drunkard. Read a few lines and off you go over the cliff. Bang, you're ready to blow up the world, chop off heads, knock down women and children, destroy authority. I know, I've been through it all." [2, с.85]

В романе часто упоминаются имена писателей и поэтов, что обусловлено спецификой романа, например Эдна Сент-Винсент Миллей, Уолт Уитмен, Уильям Фолкнер, Алигьери Данте, Джонатан Свифт, Уильям Шекспир, Софокл, Луиджи Пиранделло, Бернард Шоу, Джон Мильтон, Генри Дэвид Торо, хотя, безусловно, встречаются и другие известные политические и социальные деятели, такие как римский император Марк Аврелий, древнегреческий философ Платон, отцы-основатели США, Томас Джефферсон и Бенджамин Франклин, древнеримский полководец и император Юлий Цезарь и т. д. [5, с. 245]

Художественный текст, и это было проиллюстрировано на примере романа «451 градус по Фаренгейту», представляет собой мозаику, часть элементов которой принадлежат другим, более ранним текстам. Знакомство и детальный анализ которых не только помогут повысить речевую культуру и сформировать читательские компетенции у студентов, а также позволит повысить речевую культуру и престиж русского языка в целом.

Список литературы

1. Гашимов Э.А. Современные проблемы лингвокультурологии и его роль в лингводидактике // <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=8230>
2. Гаврикова Ю.С. Художественный текст как арена для интертекстуальных взаимодействий и как их источник (на примере романа «451 градус по Фаренгейту» Р. Бредбери) // Молодой ученый. — 2011. — №7. Т.1. — С. 146-148. — URL <https://moluch.ru/archive/30/3432/> (дата обращения: 13.02.2020).
3. Мальцева А.Д., Трегубова О.А. Актуальные вопросы культуры речи // Современные научные исследования и инновации. 2015. № 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2015/11/59220> (дата обращения: 25.03.2019).
4. Петровская Л.Ю., Никифор Г. Проблема культуры речи в современном обществе // Молодой ученый. — 2016.
5. Фатеева Н.А. Интертекст в мире текстов. Контрапункт интертекстуальности. - М.: КомКнига, 2007. – 282 с.

10.01.01

М.С. Савина канд. филол. наук

Кыргызско Российский Славянский Университет,
кафедра истории и теории литературы,
Бишкек, bgusavin@mail.ru

ПОЭТИКА ТРИВИАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ У. АНДАШЕВА «РАСТОПТАННЫЙ ЦВЕТНИК»

В статье проведен анализ художественной структуры романа У. Андашева «Растоптанный цветник». Выявлен ряд художественно-стилистических средств, использованных автором, для создания тривиального текста. Изучена символика заглавия, этимологически близкая романтическим клише, выявлена вторичность и предсказуемость сюжета, неоригинальность образной структуры, аксиологическая вторичность идейной доминанты текста. Определены основные тенденции, влияющие на формирование авторских стратегий создания текста, такие как следование ожиданиям читателей и издателей и включение писателя в экономические взаимоотношения с читателем, потребителем литературной продукции. Названы имена современных писателей Кыргызстана, которые работают в стилистике и жанровых формах массовой литературы. Обозначена новая тенденция формирования писательского амплуа «создатель литературного текста». Выводы статьи, основанные на аналитическом рассмотрении романа как продукта массовой литературы в общем контексте массовой культуры, подтверждают тезис о том, что тексты масскульта представляют собой часть общественного сознания и назрела необходимость их изучения как существенной составляющей современной культуры.

Ключевые слова: массовая литература, информационное общество, книжный рынок, писательское амплуа, тривиальность, сюжет, образ, топика текста.

В эпоху информационного общества, которую в глобальном масштабе переживает человечество, возникают новые направления массовой культуры. Информационное общество способствует формированию оправданного единым информационным полем ощущения единства человеческой цивилизации в ее многообразии. Глобальный мир становится в этих условиях и результатом, и протеическим, т.е. порождающим элементом. Массовая культура, функционирующая как объединительный фактор, воздействует на все сферы жизни и деятельности людей различных этно-социальных общностей. Кыргызстан не остается в стороне от этих тенденций, и новое время демонстрирует, что продукты, порожденные массовой культурой, все в большей степени внедряются в сознание современников. Отечественная наука живет в сомнениях, стоит ли воспринимать всерьез порождения массовой культуры. Тем не менее, продукты и средства масскульта – массовая литература, кино, телевидение, периодика, Интернет и др., оказывают значительное влияние на современного человека.

В ситуации стандартизированного мышления эстетический и этический уровень продуктов массовой литературы подвергается скептической оценке с точки зрения его гуманистической ценности. О. Хаксли, например, полагает, что массовая культура, «наполовину состоит из банальностей ... наполовину – из великих и бесспорных истин, о которых говорится недостаточно убедительно ... отчего они кажутся ложными и отвратительными» [6, с.485].

Однако же нельзя отказаться от аналитической оценки продуктов массовой культуры, отвергая которую, мы отвергаем современность. Посредством инструментария литературоведческой науки представляется вполне возможным оценить современное состояние литературного процесса, в котором довольно большую нишу занимает массовая литература.

Современная массовая литература в Кыргызстане многообразна и многоформатна. Это и женская проза (И. Лайлиева, Е. Алли и др.), и авантюрно-приключенческий роман (К. Акматов, А. Кубат и др.), детектив в его жанровых разновидностях (В. Кадыров, К. Акматов, А. Зеличенко и др.), различные жанры малой и крупной прозы с выраженными тенденциями масскульта, в некоторых случаях ироническая рефлексия над ним (Д. Ащеулов, Т. Мадылбай и др.). В массовой литературе, так же, как и в высокой, конструируются модели мира, представления о времени и людях. Ценность произведения искусства заключена в его оригинальности и отсутствии ориентированности на читательский спрос, и общественное мнение настроено на освобождение от диктата рыночных отношений в искусстве. Однако «рынок подчиняет себе все... текст вовлекается в работу некоего коллективного хозяйственного механизма» [2, с. 480]. Специфика языков массовой культуры и высокой культуры осмыслена Р. Бартом: «Наша культура... зиждется на разделении двух видов языковой деятельности: с одной стороны, это слушание, или же деятельность понимания, общая для всей нации, а с другой... язык желания, и он-то разделен» [2, с. 519].

Одним из демонстративных примеров массовой литературы новейшего литературного процесса Кыргызстана можно назвать роман Улана Андашева «Растоптанный цветник» [1]. Сюжет и образная структура этого романа в полной мере подтверждает тезис о том, что эстетика масскульта не приемлет непознанного. Одним из характерных признаков массовой литературы, явленных в романе, стала клишированность форм и средств художественного освоения реальности. Уже начиная с самого заглавия невозможно не осознать заданные клише художественного языка. Цветок, как образ, несущий в себе символику жизни, отмечен характеристиками молодости, свежести, красоты. Аллегория заглавия не оригинальна, ее можно проанализировать как клишированный образ романтической эстетики.

Сюжетно-композиционная структура романа логически незамысловата и в полной мере реализует установку на соответствие ожиданиям массового читателя. Поочередно в хронологической последовательности предстают истории семей из разных уголков земли. В центре каждой истории стоит герой, на которого семья возлагает особые надежды – единственный горячо любимый сын. Родители, желая своему ребенку благополучного будущего, отправляют его учиться в Европу, в университет Пантеон-Сорбонна. Существенное место в иерархии ценностных установок массовой литературы имеет неоспоримое стремление родителей героев построить финансовое и бытовое благополучие семьи, защитить свою частную собственность. Причем в этой направленности массовая литература выполняет еще одну функцию, которую по ряду критериев можно определить как функцию самоузнавания. Эпигонский, пассивно-отражательный характер массовой литературы, нацеленность на сглаживание противоречий действительности действует в двух направлениях. Первое направление – формирование у читателя позитивного взгляда на мир, и это можно расценить как положительную функцию массовой литературы. Другая направленность связана с издержками пассивного мировосприятия, при котором возникает упрощенное представление о реальности, незыблемости и изначальной и неоспоримой справедливости существующего миропорядка и пропагандируемых ценностей.

Четверо молодых людей, приехавших в Париж из разных географических точек – США, Алжира, Вьетнама и небольшого французского городка, в своей жизненной истории повторяют друг друга как копии, становясь смысловыми близнецами. Им предстоит повзрослеть, испытать любовь, но по несчастливому стечению обстоятельств жизни их обрываются при столкновениях беснующейся на стадионе толпы. Здесь совершенно четко отразилась еще одна отличительная черта массовой литературы. В отличие от литературы «познания», она построена по принципу вторичности, в эпигонском ключе, со знаком минус в области новизны и оригинальности освоения действительности. Стилистая, сюжетно-композиционная, идейная организация романа воплотила стереотипные взгляды массового читателя. В нем утверждаются тривиальные истины о семейных ценностях, честности в дружбе, верности в любви, патриотизме и т.д.

Читатель получает возможность усвоения готовых и банальных истин, не раздражающих его комфортабельное пребывание в статусе потребителя. Литературный текст обретает качества, сходные с любым другим товаром широкого потребления – удобство, комфорт, создание ощущения высокого качества жизни. С точки зрения массового читателя, знакомого с противоречиями жизни по собственному опыту, местом, где человек может обрести счастье, может служить другая страна. Путешествие – один из обкатанных сюжетных ходов в массовой литературе, как совершенно верно отметила М.А. Черняк. [7, с. 91-105]. Прием «остранения» (В. Шкловский) применяется авторами с целью сокрытия неточностей и нестыковок. Именно таким приемом воспользовался автор романа, помещая своих разноплеменных героев в художественное пространство топики Парижа.

Основная идея романа получает свое кульминационное звучание в эпилоге, где житейская мудрость родителей помогает им пережить боль невозможной утраты, в каждой семье появляется мальчик, которого нарекают именем потерянного сына. Еще одна тенденция массовой литературы получила в этом романе свое отражение: конфликт получил справедливое разрешение, «ширпотреб и с морально-нравственной стороны безупречен, и политически корректен, и социально благонадежен... проявляет ориентиры, дает «грамотные» указания на каждый день... и в итоге облагораживает» [5, с.49]. Развязка сюжета лаконично приводит к краткому описанию судеб персонажей. В целом вырисовывается картина *happy enda*.

Перспективы развития массовой литературы в Кыргызстане довольно обширны. «Повторение, стыдящееся самого себя, – такова массовая культура в ее выродившейся форме: повторяют содержание, идеологические схемы, способы затушевывания противоречий; зато беспрестанно варьируют внешние формы, ни на минуту не прекращается выпуск новых книг» [2, с. 495]. Один из основных принципов массовой литературы – производство продукции согласно запросам потребителя, т.е. читателя, создается ситуация, по выражению Д. Сибрука, «глобального супермаркета» [4, с. 9]. Автор уходит от амплуа «пророка» (Пушкин), «учителя» (Толстой), все более обретая облик «создателя литературного продукта». И чем более успешный, популярный, а значит и коммерчески успешный продукт создает автор, тем более он попадает в прокрустово ложе аксиом свободных экономических отношений, одна из которых – «спрос рождает предложение», превращает автора в «светского льва, свадебного генерала разных премиальных церемоний» [8, с. 221]. Пожалуй, единственный в кыргызской литературе голос в защиту творческой свободы писателя и человека от диктата экономической выгоды принадлежит Ч. Айтматову, гражданская инвектива которого отчетливо прозвучала в его последнем романе «Когда падают горы» [3, с. 62-66]. Остается выразить мнение, что единственным адекватным шагом в осмыслении современных реалий и факторов литературного процесса может быть глубокое и адекватное изучение механизмов взаимодействия всех субъектов, участвующих его формировании.

Список литературы

1. *Андашев У.* Растоптанный цветник: Роман. – Б.: «Турар», 2011.
2. *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
3. *Савина М.С.* Антитеза «высокого» и «низкого» в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы: (Вечная невеста)»// Вестник КРСУ. – 2019. – Т. 19. - № 10.
4. *Сибрук Д.* Nobrow. Культура маркетинга. Маркетинг культуры. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2012.
5. *Соколов Е.* Аналитика масскульту. – СПб, 2001.
6. *Хаксли О.* Искусство и банальность// Называть вещи своими именами. Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. – М., 1986.
7. *Черняк М.А.* «Библиотравелог» в новейшей прозе для подростков: к вопросу о жанровой трансгрессии в современной литературе// Уральский филологический вестник. Серия: Русская литература XX-XXI веков. 2014. № 4.
8. *Щербинина Ю.В.* Время библиоскопов. Современность в зеркале книжной культуры. – М.: Форум: Неолит, 2016.

10.01.01

М.С. Савина канд. филол. наук

Кыргызско Российский Славянский Университет,
кафедра истории и теории литературы,
Бишкек, bgusavin@mail.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ XXI В. В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПРОЗЕ КЫРГЫЗСТАНА: ПОЭТИКА «NON-FICTION»

В статье рассматриваются литературные тенденции русскоязычной прозы Кыргызстана в информационную эпоху. Исследуется новое стилистическое направление в реализме – «проза non-fiction». «Невыдуманность» сюжетных ходов, включение прецедентных текстов и реалий узнаваемой повседневности являются одними из характерных стилистических приемов прозы «non-fiction».

Ключевые слова: *массовая литература, «non-fiction», автор, литературный продукт, прецедентный текст, стилистика, документализм.*

Информационная цивилизация устанавливает новые законы искусства как средства познания мира. В этих условиях становится значимой такая характерная черта современного текста, как включение в его ткань общеизвестных исторических фактов, сведений, знаний, т.е. тех явлений, которые можно назвать прецедентными для данной информационно-культурной, территориальной, государственной общности. Обновляется тематическая направленность, осваиваются новые средства освоения действительности. Ответ на актуальный вопрос: «Какой должна быть современная литература?» целиком и полностью основывается на современном способе познания мира. В этом движении кроется особый «протеизм» реализма, о котором писал Д.С. Лихачев, его способность к самообновлению [6, с. 133]. Современная литература, базирующаяся на реализме, который пережил период своего наивысшего расцвета, претерпевает трансформации, которые в самом общем плане можно охарактеризовать как функционально-стилистические.

Эпоха массовой культуры порождает тексты массовой литературы. Механизмы создания и восприятия текстов обусловлены установками массового сознания. Сознание и горизонт ожиданий массового читателя, программируемые средствами массовой информации, общим культурным фоном эпохи, довольно стандартизированы. И литературные тексты эксплуатируют эти запрограммированные элементы. Элементами художественного текста становятся биографии известных личностей эпохи, общеизвестные события, оставившие след в сознании читателя, в роли главных действующих лиц автор выбирает фигуры выдающихся современников [9, с. 65-69]. Возникает определенная стилистика прозы без вымысла, общепринятое определение которой – «non fiction», т.е. без вымысла – открывает характерные особенности этого направления. Формат прозы non fiction довольно активно разрабатывается современными писателями Кыргызстана. К данному стилистическому направлению прозы можно отнести ряд произведений современной русскоязычной литературы Кыргызстана: остросюжетный роман И. Лайлиевой с социальной проблематикой «Мигранты, или Everything is possible», авантюрно-приключенческая повесть В. Кадырова «Золото Иссык-Куля», детективные очерки А. Зеличенко, повесть А. Ахматова «Меч и перо» и др. Для того, чтобы привлечь внимание к сюжетному движению, авторы достоверно, с детальной точностью, изображают картину современности, выстраивают повествование, в котором фигурируют узнаваемые детали повседневности, включают элементы публицистических газетных текстов.

Осмысление современности в литературном творчестве ставит перед писателем ряд проблем. И самые насущные из них – самоопределение автора в теме и творческом методе. С одной стороны, о чем и как надо писать сегодня? Ответ однозначен – «о времени и о себе», в манере, свойственной эпохе. С другой стороны, то, что принадлежит только современности, с ней и умирает. И в этой ситуации принятия решения о самоопределении живет каждый современный автор. Например, Лев Лосев (единственный «официальный» биограф И. Бродского), надеющийся, что его литературный труд не станет достоянием «Летейской библиотеки, как злобно Набоков сказал» [7]. Один из самых успешных авторов современного периода Б. Акунин, высказал довольно безапелляционное мнение, что беллетрист всегда живет в режиме диалога с читателем, более того, пытается ее просчитать, приняв на себя функцию развлекать публику [1, с. 66]. Литература претерпевает стилистические изменения, пересматриваются взгляды на роль писателя и читателя. Понятийное наполнение такого значимого в искусстве понятия как «автор», в массовой литературе меняет свою природу соответственно с социокультурными требованиями времени. Массовая литература, как один из факторов постиндустриального общества, настроенного на зарабатывание денег производством товаров и услуг, в том числе и информационных [11], служит коммерциализации литературного процесса. Массовая культура в целом, как и ее часть – массовая литература – «сканируют массу» [10, с. 183], используя стратегию имитации ожидаемых и узнаваемых потребителями масс-культуры моделей поведения героев, событий и художественно-исторических реалий, тем самым преподнося читателю готовые рецепты восприятия текста. Окончание большой литературной и исторической эпохи сопровождается появлением «пишущего читателя», который исходно являясь непрофессионалом в словесности, перерождается в писателя: «они сами хотят творить, и если не хватает воображения, на помощь придет читательская память и искусство комбинации, приобретаемое посредством упражнений и иногда развиваемое настолько, что мы с трудом отличим их от природных настоящих писателей. <...> Произведения этих писателей иногда могут быть чрезвычайно примитивными по своей постройке».[5, с. 89]

Таким образом, зарождается ситуация, при которой в общественном сознании зреет установка, позволяющая «просвещенному читателю», не удовлетворенному собственной пассивной ролью, взяться за литературное творчество. Это детерминировано универсальностью информационного общества – весь мир – большая информационная общность, что ведет к стиранию ментальных и культурных границ между человеческими индивидами, каждый из которых знает, видит, потребляет один и тот же информационный продукт. Так возникает глобальное пространство культуры, постоянно подпитываемое и программируемое, задающее единые ценностно-смысловые ориентиры [8, 62-67].

Довольно ярким иллюстративным примером указанных качеств современной массовой литературы может служить повесть Асана Ахматова «Меч и перо» [2]. Автор отдельно выстроил три непересекающиеся сюжетные линии. В первой части – «Меч» – повествуется о путешествии великого воина Чингизхана к берегам Иссык-Куля в поисках вечной жизни. Эта часть соответствует горизонтам ожиданий читателя, знакомого с легендой о пребывании великого завоевателя на кыргызской земле. Вторая часть «Перо» построена на интерпретации прецедентной биографии Ч. Айтматова. Исходным текстом, послужившим источником вольного пересказа, послужила мемуарно-биографическая книга Р. Айтматовой, сестры великого писателя, «Белые страницы истории. Мои воспоминания» (2009). Совпадение образов, художественных деталей, последовательности описываемых событий не оставляет сомнений в тексте-источнике. Автор предлагает читателю переработанный, упрощенный вариант повествования о выдающемся кыргызском писателе, эксплуатируя его фоновые знания. Прецедентная биография становится стилистическим средством прозы pop-fiction. Поданная в эпигонском ключе, вариация повествования о детских годах не нарушает сложившийся в сознании массового читателя образ великого писателя.

В третьей части повести, озаглавленной «Дождь», стилистика non-fiction создается посредством воспроизведения в тексте событий кыргызской революции 2010 г. Хронотоп этих событий хорошо известен, освещен и растиражирован средствами массовой коммуникации. Сцены противостояния митингующих и милиции у Белого дома повторяют новостные сюжеты, ставшие известными благодаря средствам массовой коммуникации всему миру. Автор как будто бы самоустраивается, его текст – сама реальность. Фигура автора такого типа может быть охарактеризована высказыванием Р. Барта: «Скриптор, пришедший на смену Автору, несет в себе не страсти, настроения, чувства или впечатления, а только такой необъятный словарь, из которого он черпает свое письмо <...> жизнь лишь подражает книге, а книга сама соткана из знаков» [4, с. 389]. Читатель получает сигнал-зацепку: «Тебе это знакомо, ты здесь бывал, может быть, ты сам участвовал в этих событиях или был их очевидцем». Сознание реципиента приковывает узнаваемая реальность.

Все три части, разделенные в сюжетно-композиционной структуре, находят свое единство в эпилоге, где сходятся три временных континуума – прошлое, настоящее и будущее. Так выстраивается связь времен, каждое из которых представлено знаковой фигурой: Чингизхан – Чингиз Айтматов – младенец Чингиз. Каким он будет? Что его ожидает? Разрушителем или созидателем ему суждено быть? Это вопрос, который скрепляет всю ткань текста, это главная идея, к которой обращена повесть – какой путь выберет себе кыргызский народ? А. Ахматов выражает свою позицию в уверенности, что «намыс» – «достоинство» – станут движущей силой кыргызского общества. Значительную идейно-эмоциональную нагрузку в этой повести выполняет публицистичность, являющаяся неотъемлемой чертой прозы non-fiction.

В какой-то мере целевую ментальную установку автора прозы без вымысла, выражающуюся в направленности на реалистичность, историзм, достоверность можно было бы сравнить со смиренной ролью древнего летописца, который повествовал о событиях, участником или зрителем которых был сам. Именно участие скриптора наделяло текст его главной силой – силой правды. Особенной заслугой летописца было соблюдение всех подробностей описываемых событий, он не допускал малейшего искажения и возможности выражения собственной позиции. Но в XXI в. автор уже не так наивен и безыскусен, он использует элементы non-fiction в соответствии с собственной интенцией, встраивая достоверные и реалистичные элементы в беллетристический сюжет. Российский исследователь Г.Д. Ахметова отмечает, что в прозе non-fiction даже ненормативность лексики, неприглядность художественных реалий наблюдающиеся в повседневности, «обусловлены именно документализмом повествования – подчёркивают достоверность, истинность» [3]. Отсюда, прием документализма в его новой модификации создает иллюзию правдивости в созданном и «выдуманном» тексте.

Таким образом, повседневность, узнаваемость деталей становятся стилистическим приемом, вполне органично вписывающимся в реалистический метод, нацеленный на приближение средства выражения к предмету изображения. Включение узнаваемых исторических событий в художественный хронотоп и приближение к документализму являются характерными приемами прозы non fiction, одного из популярных стилистических направлений в современной литературе не только в русскоязычном литературном дискурсе, но и в глобальном литературном контексте.

Список литературы

1. Акунин Б. Интервью // Русский Newsweek. – 2005. – № 4.
2. Ахматов А. Меч и перо (Обратная сторона луны): Повесть. – Б.: «Турар», 2011.
3. Ахметова Г.Д. Творческая стилистика (изучение живого литературного текста)// <http://zabvektor.com/wp-content/uploads/250319020333-ahmetova.pdf>
4. Барт Р. Смерть автора // Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. - М., 1989.
5. Белецкий А. Об одной из очередных задач историко-литературной науки (изучение истории читателя) // Введение в литературоведение: Хрестоматия/ Под. ред. П.А. Николаева, В.Е. Руднева, В.Е. Хализева и др. – М.: Высш. шк., 1997.
6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. – М.: Наука, 1979.
7. Лосев Л. Моя книга // Лосев Л. Стихотворения. – Знамя. – 1989. - № 11.
8. Савина М.С. Антитеза «высокого» и «низкого» в романе Ч. Айтматова «Когда падают горы: (Вечная невеста) // Вестник КРСУ. 2019. Том 19. № 10.
9. Савина М.С. Трансформация прецедентных текстов в романе Турусбека Мадылбая «Феникс»//Вестник КРСУ. 2012. Т. 12. № 5. С.66
10. Соколов Е.Г. Аналитика масскульта. – СПб.: С.-Петербургское философское общество, 2001.
11. Legotin F.Y., Kocherbaeva A.A., Savin V.E. Prospects for Crypto-Currency and Blockchain Technologies in Financial Market // Revista ESPACIOS, 2018. – № 39.

10.01.10 – ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ЖУРНАЛИСТИКА

10.01.10

¹А.У. Киньябулатов канд. мед. наук, ²С.Г. Аксёнов д-р экон. наук,
³В.Ф. Усманов канд. педагог. наук, ¹Р.Э. Сафаров канд. мед. наук, ¹Ф.Б. Рахматова,
¹Л.Ф. Минязева, ¹В.А. Перминова, ¹Э.Г. Усманов, ¹И.Р. Юсупов

¹Башкирский государственный медицинский университет,
факультет медико-профилактический с отделением микробиологии,
кафедра общественного здоровья и организации здравоохранения с курсом ИДПО,
Уфа, azatur3@yandex.ru,

²Уфимский государственный авиационный технический университет,

³Бирский филиал Башкирского государственного университета

**ВКЛАД В ЖУРНАЛИСТИКУ РОССИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ
(АНАЛИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЖУРНАЛИСТЫ РОССИИ. XX—XXI»)**

Справочно-энциклопедическое издание «Журналисты России. XX—XXI» (энциклопедия) — единственное издание в Российской Федерации, которая содержит биографические данные о журналистах, внёших вклад в развитие российской журналистики. 1000 страниц биографий журналистов со всей России, изданное в Издательском доме «Журналист», где наименьшее представительство среди них это медицинские работники.

Ключевые слова: журналист, энциклопедия, медицинские работники, врачи.

Справочно-энциклопедическое издание «Журналисты России. XX—XXI», которое вышло в свет в 2013 году в Издательском доме «Журналист», оно стало первым биографическим изданием о журналистах Российской Федерации и СССР. Редакционный совет: сопредседатели Б.Л. Богданов и Г.П. Мальцев, главный редактор Н.Н. Михайлов, ответственный секретарь Ю.Н. Антоновская и члены редсовета провели огромную работу в течение трех лет. Необходимо было собрать биографии по определенным критериям. В последующем надо было составить персоналии и отобрать из присланных текстов, которые не всегда отвечали требованиям, а также были неполные, обрывчатые и др. конкретную информацию о журналисте, что само по себе очень трудоёмкая работа. Из исторического экскурса отечественной журналистики мы знаем, что к началу 30-х годов журналистика в СССР превратилась в мощную идеологическую отрасль. В стране издавалось 10 тысяч газет на 80 языках с разовым тиражом 37 миллионов экземпляров. А это около 100 тысяч журналистов-газетчиков, с сотрудниками журналов и радио — и того больше [1; с.6]. Многие из них достойные быть включенными в «Энциклопедию». В годы политических репрессий в СССР было уничтожено более 1300 журналистов. В годы Великой Отечественной войны 565 журналистов погибло на фронтах, почти все они включены в «Энциклопедию». Конец XX — начало XXI века — новая страница в истории российской журналистики, которая еще требует осмысления. Переход к рыночным отношениям нелегко дался отечественной прессе. Многие издания потеряли свои бывшие многомиллионные и многотысячные тиражи, многие просто исчезли с медиакарты страны [1; с.6]. Освобождение от государственной цензуры, рождение независимой и частной прессы, массовый уход аудитории от печатных СМИ к электронным, развитие интернет-изданий — все это качественно изменило привычный «ландшафт» медиа-отрасли. Общественное сознание последние два десятилетия формируют уже главным образом электронные СМИ, прежде всего — телевидение. Естественно, и «властителями умов» чаще всего становятся тележурналисты — Владимир Повзнер, Евгений Киселев, Леонид Парфенов, Алексей Пивоваров, Марина Максимовская и другие, биографии которых, естественно, включены в

«Энциклопедию» [1; с.7]. Растет популярность культурологической, религиозной, детской и подростковой прессы, но как мало на этом поприще медицинских работников, которые на современном этапе развития российского общества должны объединиться и примерно в 5-10 раз увеличить свое количество в Союзе журналистов РФ. Самая известная из врачей — Малышева Елена Васильевна [1; с.522]. Доктор медицинских наук, профессор. После окончания Кемеровского ГМИ и аспирантуры Института общей патологии и патофизиологии при АМН СССР работала в медицинских организациях. С 1997 года руководитель, автор и ведущая программы «Здоровье» на ОРТ. Автор более 50 научных трудов. Награждена орденом Дружбы, знаками «За заслуги перед отечественным здравоохранением» и «Отличник здравоохранения РФ».

Несмотря на то, что на телевидении врачи ведут популярные программы, например: 1) советский и украинский врач-педиатр, писатель Евгений Олегович Комаровский, ведущий телепередачи «Школа доктора Комаровского», ведущий радиопрограммы «Микстура шоу» на Русском радио, ведущий рубрики «Спросите доктора Комаровского» в программе «Навигатор. Новости» на детском телеканале «Карусель»; 2) Александр Леонидович Мясников — начинал работу в качестве телеведущего программы «Врача вызывали?» и вел медицинскую рубрику в программе Владимира Соловьёва на радио «Вести FM». С 2010 года по настоящее время Мясников — Главный врач Московской городской клинической больницы №71 (с июня 2015 года — Городская клиническая больница им. М.Е. Жадкевича). Заместитель председателя Общественного совета при Министерстве здравоохранения Российской Федерации. Член Общественной палаты города Москвы. С 2013 года — ведущий программы «О самом главном с доктором Мясниковым» на телеканале «Россия 1». В июне 2017 года получил звание «Заслуженный врач города Москвы». Автор книг о здоровье; 3) невролог-психотерапевт Гарик Юрьевич Мартirosян — российский шоумен, юморист и телеведущий, сопродюсер, художественный руководитель и «резидент» шоу Comedy Club на ТНТ, продюсер телевизионных проектов и многие другие (не имеет к здравоохранению никакого отношения, если не рассматривать юмор, как позитивный фактор, улучшающий общее самочувствие) — не представлены в «Энциклопедии».

Медицинская журналистика в Российской Федерации еще должна «сказать своё слово». Необходимо готовить новое поколение молодых членов Союза журналистов РФ в её региональных отделениях, которые в ближайшие 5—10 лет выйдут на объяснение национальных проектов (например «Здравоохранение») для населения. Именно разъяснительная работа с населением должна стать непосредственной работой любого практического врача. Необходимо объяснение населению, а также написание, наглядное изображение новых терминов, методов диагностики и лечения, вакцинации и др. мер профилактики, чтобы не допускать запущенных случаев онкопатологии, сердечно-сосудистых заболеваний, травматизма и т.д. Именно новые члены Союза журналистов должны стать проводником правильной и своевременной информации, которой сегодня крайне не хватает на всех каналах телевидения, СМИ, интернет-пространстве. По данным НИУ ВШЭ, деньги на медицину россияне тратят всё чаще. Сегмент платной медицины выходит из тени, из нелегального сектора — в официальный, и объём платежей становится всё более прозрачным. Сколько же денег россияне тратят на медицинские услуги? Сколько пациентов обращаются к знахарям, табибам, заговорщикам, целителям, не имеющих даже первичного медицинского образования? Сколько финансов обращается в «параллельном» (бабушки, костоправы, знахари, травники и др.) с официальным здравоохранением? Поэтому подготовка членов Союза журналистов РФ из числа врачей, фельдшеров, которые учились в средних и высших специальных образовательных учреждениях (медицинские университеты и колледжи), крайне необходима. Сегодня рассматривается три основных направления при подготовке врачей, на примере Первого Московского государственного медицинского университета имени И.М. Сеченова: 1) врач-исследователь, 2) практический врач и 3) врач-руководитель-организатор здравоохранения. Это даёт основание, что сегодня необходимо готовить медицинских журналистов именно в этих трех направлениях. Причем, реалии

сегодняшнего дня таковы, что особенно требуются подготовленные журналисты для детей и стариков. Возникает вопрос: «Где их готовить? И кто их должен готовить?». Безусловно, подготовку медицинских журналистов, необходимо, осуществлять из числа обучающихся образовательных учреждениях высшего образования медицинского или биологического профиля, путем привлечения их в написание первых статей для малотиражных газет внутри самого образовательного учреждения, с последующем вовлечением обучающихся в научно-исследовательскую работу (сначала краеведение, потом история науки и техники и т.п.) [3]. Публикация статьи о нейрохирурге, организаторе здравоохранения, историке медицине из Башкортостана — Азате Урановиче Киньябулатове — стало редким исключением в «Энциклопедии» [1; с. 379]. Он был включен за подготовку к изданию семитомной «Башкирской энциклопедии». В Республике Башкортостан, например, членов Союза журналистов СССР и РФ, имеющих медицинское образование около 10 человек, причём некоторые не поддерживают творческой и активной связи с Союзом журналистов Республики Башкортостан и Российской Федерации [2]. Поэтому подготовка молодых журналистов из числа обучающихся образовательных учреждений высшего образования медицинского или биологического профиля — должно стать основной задачей регионального отделения Союза журналистов РФ на ближайшее десятилетие в Республике Башкортостан (2020—2030 гг.).

Выводы:

- 1) В «Энциклопедии» журналистов представлено незначительное количество медицинских работников, поэтому в переиздании необходимо расширить их представительство.
- 2) Необходимо в ближайшее десятилетие (2020—2030 гг.) проводить подготовку медицинских журналистов во всех регионах Российской Федерации из обучающихся образовательных учреждениях высшего образования медицинского или биологического профиля (с первых курсов).
- 3) Ввести обучающийся курс медицинской журналистики при обучении врачей-руководителей (организатор здравоохранения).

Список литературы

1. Журналисты России. XX—XXI: Справочно-энциклопедическое издание. - ИД «Журналист», М., 2013, 1000 с.
2. Киньябулатов А.У., Зиятдинов Р.З., Шарафутдинова Н.Х., Фаюшин А.З., Ахмадиева Г.Р., Салемгареев И.И. Вклад врачей-членов Союза журналистов СССР, России и Республики Башкортостан в историю медицины // Казанская Наука. Казань, 2014, №7. – С.22-24.
3. Киньябулатов А.У., Шарафутдинова Н.Х., Азаматов Р.Ш., Гимадова Э.Г., Дьякова Н.А., Карпова Е.С., Ефремов И.С. Краеведение как базисная основа в преподавании истории медицины Башкортостана. Казанская наука. 2016, №11. – С.148-150.

10.02.01 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – РУССКИЙ ЯЗЫК

10.02.01

О.А. Глушенко д-р филол. наук

Северо-Западный институт управления – филиал
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте Российской Федерации»,
факультет социальных технологий,
кафедра журналистики и медиакоммуникаций,
Санкт-Петербург, oag.kam@mail.ru

**СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ
СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ДОНОРСТВА КРОВИ**

В статье проанализированы структурно-семантические и прагматические особенности визуального и вербального компонентов в поликодовых текстах социальной рекламы донорства крови. Определены направления совершенствования текста в таком формате рекламы.

Ключевые слова: *креолизированный текст, социальная реклама, семантика.*

Социальная реклама донорства крови является частью корпуса некоммерческой рекламы, которая (в соответствии с федеральным законом «О рекламе») не имеет ограничений в форме и способе распространения, но должна быть направлена исключительно на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства. Объект продвижения в рекламе – безвозмездное донорство, которое представляется как благородный и сознательный поступок гражданина, достойный уважения и подражания. Сверхзадача такой рекламы – не только информирование общества о потребности в крови и ее компонентах, но и популяризация донорского движения в системе гражданского воспитания.

Мы поставили перед собой цель – выявить структурно-семантические особенности организации визуального и вербального компонентов в поликодовых текстах социальной рекламы донорства крови, проанализировать прагматический потенциал текстов. Такой комплексный семиотический анализ текстов позволит нам охарактеризовать потенциал развития отдельного сектора социальной рекламы. Эмпирический материал представлен 200 российскими и зарубежными плакатами и постерами XXI века о донорстве крови. Материал собран путем сплошной выборки из открытых интернет-источников. Мы ограничились поликодовыми текстами с вербальными и визуальными знаками. Анализ контента рекламы о донорстве крови позволил сделать ряд выводов.

1. Весь визуальный контент рекламного послания можно распределить по характеру отражения референтной ситуации: 1) иконическая иллюстрация (изображен акт сдачи крови или его основной фрагмент – рука донора в момент кровосдачи с введенной в вену иглой и капельница с гемаконом); 2) символическая иллюстрация (изображены различные предметы и ситуации, которые в той или иной степени ассоциированы со сдачей крови: сердце, рука, капли крови, гемакон, тактильный контакт людей и др.). Иллюстрации второго типа (около 90% в нашем материале) позволяют максимально использовать метафорический ресурс текста для раскрытия семантики изображения и реализации творческого потенциала разработчиков рекламы.

2. Способы разнообразить иконический знак традиционным способом однотипные: можно варьировать облик донора, изобразить не человека, а супергероя, обновить интерьер палаты или внешний вид медицинских приспособлений, поэтому новизна, индивидуальность в большинстве таких текстов реализуется именно в словесном компоненте. Из нетривиальных решений мы выделим два. Во-первых, можно преодолеть локальную привязку иллюстрации и ввести живого человека в рекламный дискурс. В этом плане интересен опыт Китая: на пакете изображена лишь часть базовой ситуации (гемакон с капельницей), за счет продуманной диспозиции знака на пакете рука человека «встроена» в изображение, сама иллюстрация «оживает» (пакет деформируется), со стороны кажется, как будто человек в движении сдает кровь, и она уже наполнила гемакон (рис. 1). Эта нетипичная подача рекламы увеличивает объем целевой аудитории, а рекламный посыл запоминается.

Во-вторых, расширение референтной ситуации позволяет обогатить контекст социальной рекламы. С одной стороны, можно изобразить не одного, а нескольких доноров в момент сдачи крови – это позволит передать идею популярности донорства, вовлечения в него множества добровольцев. С другой стороны (и это нам видится более перспективным), можно совместить разные референтные ситуации и усложнить идею контекста. Например, в чилийской рекламе агентства Panda Communication изображена модно одетая молодежь, которая стоит в очереди на кровосдачу, ожидая, когда закончится сеанс донации у красивой и стильно одетой девушки-донора (совмещен сценарий осмысленного ожидания и сценарий донации). Выражение лиц и позы у людей в очереди разные, все ожидающие разбиты на группы, но это не делает их разобщенными, потому что их взгляды устремлены в одну сторону – на девушку-донора, при этом всех объединяет мотивация и социальная тенденция: быть донором – это модно, значит, помогать другим – это модно (рис. 2).

Рис. 1 – Нужны добровольцы – <https://avidium.ru/9-samyx-rasprostranennyx-zabluzhdenij-o-donorstve-krovi/>

Рис. 2 – Социальная тенденция: даешь кровь – даешь жизнь – <https://avidium.ru/9-samyx-rasprostranennyx-zabluzhdenij-o-donorstve-krovi/>

3. В блоке символических иллюстраций представлены изображения отдельных или взаимосвязанных объектов (сердце, капля крови, гемакон, рука или ладонь, песочные часы, красная нить или капельница, мяч или предмет круглой формы, спасательный круг, цветок, дерево и др.) или существ (люди, фантастические герои, виртуальные существа, олицетворяющие людей с татуировками животные и др.). Всевозможные комбинации объектов и существ обеспечивают постоянное обновление визуального контента (человек держит антропоморфическое сердце, протягивает к нему руки, обнимает; человек держит ребенка на руках или ведет его за руку и т.п.). Нетипичным решением вопроса о привлечении внимания аудитории будет использование интерактивной технологии, при которой человек (получатель рекламы) должен физически взаимодействовать с поликодовым текстом (например, перевернуть рекламный щит, прикрепить деталь плаката, зарядить телефон через разъем в плакате, заполнить емкость и т.д.), тем самым получатель рекламы становится активным участником рекламного дискурса.

Рис. 3 – Реклама «Сдай кровь. Заполни чью-то жизнь» в Бразилии – <https://www.pinterest.ru/pin/466967055104163639/>

Рис. 4 – Реклама «Спасая чью-то жизнь сейчас, спасешь свою позже» в Китае – <https://vk.com/donorsearch/print>

Рис. 5 – «Плакат для зарядки крови» в Бразилии – <https://vevotpl.com/media/p4dov37JqNAp>

4. В зависимости от способа организации визуального посыла, от задействованных механизмов восприятия материала все изображения можно разделить на два вида: 1) социальная реклама, опирающаяся на традиционные механизмы восприятия; 2) социальная реклама с провокационно-шоковым визуальным контентом. Разработчики рекламы эксплуатируют страх крови (рис. 6, 7) и табуированный стереотип вампира (рис. 8), чтобы, во-первых, смутить массового потребителя рекламы и тем самым запомниться ему (в этом случае сама реклама может стать информационным поводом), во-вторых, привлечь внимание таргетированной таким способом молодежной целевой аудитории. На иллюстрациях натуралистическое изображение крови в большом количестве (кровь на асфальте или на одежде, изливающаяся из гемакона кровь, размазанная или стекающая по стене кровь, заполняющая емкость кровь и т.п.) не только чтобы вызвать чувство отвращения, но и запомниться за счет агглютинации с другими образами в подсознании.

Рис. 6 – Реклама Фонда Доноров в Санкт-Петербурге в 2018 г. – <https://fonddonorov.ru/news/103-fond-donorov-vypustil-novuyu-sotsialnuyu-reklamu>

Рис. 7 – Реклама «Успеть до дождя...» в Сингапуре – <https://1soc.ru/pages/view/13>

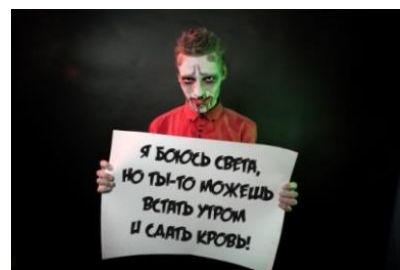

Рис. 8 – Плакаты для акции Фонда Доноров в Санкт-Петербурге 31.10.2017 – https://piter.tv/event/V_Peterburg_e_vampiri_prizvali_lyudej_stat_donorami

В провокационно-шоковой рекламе визуальный компонент требует достаточного для раскрытия смысла распространения текстом, мотивировку ассоциативной связи картинки и текста.

5. Типы связи текста во взаимодействии с изображением различаются по способности текста выразить полноту смысла: 1) независимый от иллюстрации самодостаточный текст; 2) иллюстрация и текст детерминируют, дополняют друг друга. В первом случае вербальный компонент способен выразить необходимый смысл и без сопровождающей иллюстрации, например: «От своевременной помощи донора зависит, насколько полноценной будет жизнь спасенного человека»; «Стань донором! Помогите спасти жизнь!». Семантическая автономность текста позволяет максимально варьировать визуальный контент, а также

использовать устойчивый текст (или его часть) в серии иллюстраций (например, в серии плакатов Фонда Доноров «Регулярно сдавать кровь просто»): «Героями становятся. Регулярно сдавать кровь так же просто и естественно, как ходить в кино по выходным // как навещать своих родных // как пить по утрам свой любимый кофе // как делать зарядку по утрам // как принимать по утрам душ // как покупать свежий хлеб». Во втором случае креолизованный текст зависит от картинки, вступает с ней в отношения дополнительности (в терминологии М.В. Терских [2]), например, иллюстрация в провокационно-шоковой рекламе (рис. 8) со стекающими красными струями сопровождается поясняющим визуальную метафору текстом: «*Blood collection suffers during the rainy season*» (Сбор крови страдает во время сезона дождей).

6. С точки зрения связи вербального компонента с обозначаемой ситуацией можно разграничить метафоризированные и безобразные тексты. Основу развернутой метафоры, активирующей и логические связи, и эмоционально-чувственные образы, составляет сближение, сравнение и даже контраст понятий и процессов: «Жизнь в каждой капле»; «Мы с тобой одной крови. Я донор»; «Пожертвуй кровь – пожертвуй жизнь»; «Не время проливать кровь – время ею делиться».

7. Целевая характеристика рекламного посыла реализуется в 5-ти моделях: 1) текст-призыв, в котором побуждение сформулировано прямо или косвенно: «Стань донором! Поделись возможностью жить»; «Помочь без лишних слов»; 2) текст-внушение, который обращен к морально-этическим категориям, чувству долга или чувству сострадания: «Тело без крови тоже холодеет»; 3) провокационное утверждение или сравнение: «Кормить насекомых может каждый! Сдать кровь может только Человек!»; «Не только вампирам требуется кровь. Десятки тысяч детей в России нуждаются в переливании крови»; 4) текст-объяснение пользы и безопасности донорства: «Донорство абсолютно безопасно и безвредно для здоровья человека. Ваша кровь окажет неоценимую помощь больному человеку, поможет спасти чью-то жизнь»; 5) текст-вопрос, близкий к выделяемому Л.М. Дмитриевой [1, 126] тексту-загадке: «Каждый может стать героем. А ты?»; «А если бы кровь была нужна ему?» (текст под портретом Джона Леннона, А.С. Пушкина и др. известных людей).

Итак, пространство поликодовых текстов социальной рекламы донорства крови характеризуется тенденцией к расширению: во-первых, появляются новые визуальные символы и обновляется комбинация известных знаков, меняется метафорическая основа текстов; во-вторых, все шире используется эксперимент в рекламном дискурсе, нетрадиционный подход к организации визуального контента; в-третьих, усложняется контекстная рамка рекламы донорства за счет наложения референтных ситуаций, введения смежных концептов. Современная социальная реклама донорства способна не только продвигать идею безвозмездной сдачи крови, но и работать для сплочения общества вокруг позитивных идей (кровь нивелирует идеологические, этнические и т.п. различия между людьми, взаимная помощь и любовь к ближнему удерживает общество от распада и т.п.).

Список литературы

1. Дмитриева Л.М. Социальная реклама [Электронный ресурс]: учебное пособие / Л.М. Дмитриева [и др.]. – Электрон. текстовые данные. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. – С. 126.
2. Терских М.В. Взаимодействие вербального и визуального компонентов в метафоризированных текстах социальной рекламы // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – 2017. – № 3 (16). – С. 76-84.

10.02.01

¹Н.С. Дьякова канд. филол. наук, ²Т.А. Маркова канд. педагог. наук

Вологодская государственная молочнохозяйственная академия им. Н.В. Верещагина,

¹кафедра философии и истории,²кафедра иностранных языков,

Вологда, diakova_ns@mail.ru, mar_ta.vologda@mail.ru

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ЯЗЫКОВЫХ ОШИБОК СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Статья посвящена описанию возможностей применения лингвистических корпусов при решении проблем коммуникативной и академической адаптации иностранных обучающихся. Описан опыт создания как русских, так и иноязычных лингвистических корпусов. Раскрыты возможности применения корпуса языковых ошибок в процессе решения важных исследовательских и педагогических задач.

Ключевые слова: *корпусная лингвистика, электронная база языковых ошибок, вторичная языковая личность, студент-инофон.*

Корпусная лингвистика в наши дни переживает настоящий бум. На протяжении ряда последних десятилетий учеными по всему миру создаются электронные национальные лингвистические корпуса [3], [6], [7], [8], [9], которые отражают все многообразие родного языка, это: Национальный корпус русского языка, корпус английского языка (Британский национальный корпус (British National Corpus (BNC), корпус современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English (COCA), национальный корпус американского английского (American National Corpus (ANC), франкоязычный корпус (American and French Research on the Treasury of the French Language (ARTFL-FRANTEXT) Lexicum), немецкоязычный корпус (Das Deutsche Referenzkorpus (DeReKo), корпус испаноязычных текстов (Corpus de Referencia del Español Actual (CREA) и мн. др. Создание электронных корпусов способствует развитию и упорядочиванию различных направлений филологического знания, позволяет отразить историю языка, его грамматику, функционально-типологические характеристики, стать источником для изучения и обучения [3, с.72].

Особого внимания заслуживают лингвистические корпуса, которые ставят перед собой задачу фиксации и анализа речевых ошибок, например: корпус английских ошибок (Russian Error-Annotated Learner English Corpus), корпус русских учебных текстов (КРУТ) – это коллекция текстов на русском языке, написанных студентами разных вузов. Принципиальной задачей КРУТ является фиксация речевых ошибок и возможность осуществления поиска ошибок по их типам. На наш взгляд уже созданные и формирующиеся корпуса языковых ошибок могут быть эффективно использованы в процессе решения таких исследовательских и педагогических задач, как: изучение разных типов билингвизма, при использовании русского языка как второго (неродного); исследование особенностей усвоения русского языка студентами-инофонами и формирования коммуникативной компетентности в бытовой, учебной, научной и профессиональной сферах общения; организация обучения в полиэтнических группах; организация индивидуальных адаптивных траекторий обучения студентов-инофонов; диагностика коммуникативных проблем и разработка методических рекомендаций в части их устранения как условий для успешной социальной, культурной и академической адаптации иностранных обучающихся.

Наш интерес к проблемам языковой адаптации иностранных обучающихся вызван тем, что Вологодская область является одним из самых этнически однородных регионов России. По данным Всероссийской переписи населения 2010 года национальный состав Вологодской области представлен 97,3 % русскими, и лишь 2,7% составляют другие национальности, где 0,7% – украинцы и 0,3% – белорусы [1]. При этом приток иностранцев (главным образом из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии) ежегодно растет. Молодые люди, прибывающие в Вологодскую область с целью получения высшего образования, сталкиваются с серьезными барьерами культурного, социального, академического и, главное, коммуникативного характера. Ведь их уровень владения русским языком зачастую не превышает элементарного [2, с. 69]. Безусловно эти проблемы касаются не только иностранцев, но и принимающей стороны (вуза) в части организации профессионального обучения. Важную роль в сложившейся ситуации может сыграть изучение уровня коммуникативной компетентности студентов-инофонов, разработка базы данных, включающей классификацию языковых ошибок, допускаемых иностранными обучающимися, с последующим формированием мультимедийного корпуса языковых ошибок.

В настоящее время научным коллективом Вологодской ГМХА осуществляется попытка формирования электронной базы текстов (как устных, так и письменных), созданных студентами-инофонами в процессе обучения (конспекты, эссе и другие виды письменных работ, стенограммы устных сообщений в учебных ситуациях, живой разговорной речи). Сбор языкового материала предполагает также социолингвистический анализ информантов (возраст, уровень владения языком, длительность проживания в России). Объектом изучения является устная и письменная речь студентов-инофонов, особой возрастной категории, в которой обучение языку происходит параллельно с получением новой информации на иностранном языке. В связи с чем работа ведется в двух направлениях фиксация и интерпретация речевых aberrаций студентов-инофонов и формирование мультимедийного корпуса текстов, учебной, научной и профессиональной направленности, что в комплексе позволит разрабатывать модели языковой адаптации студентов-инофонов. Собранный и систематизированный языковой материал, оформленный в виде открытой электронной базы данных может стать, на наш взгляд, источником научных и методических изысканий в области построения моделей языковой адаптации студентов-инофонов. Вторичная языковая личность, которую представляют собой студенты-иностранцы, является объектом изучения лингводидактики. Представление о ней было введено в научный обиход Ю.Н. Карауловым [4]. Исследователь ставил проблему корреляции языковой личности с национальным характером. В настоящее время под вторичной языковой личностью подразумевается человек, изучающий язык, охарактеризованный на основе анализа произведенных им текстов, с точки зрения использования в них средств данного языка для отражения окружающей действительности (картины мира) и для достижения определенных целей в этом мире. Формирование языковой личности студента-иностранца представляется одной из главных целей обучения иностранному языку [5]. Изучением данного вопроса также занимались С.М. Андреева, Е.А. Викентьева, А.С. Демышева, Е.А. Ермакова, Л.В. Пельц, Е.И. Пассова, И.Ф. Птицына и другие.

Создание описываемого лингвистического корпуса – это трудоемкий и сложный процесс. Объем такого корпуса должен быть достаточно большим, чтобы решать поставленные задачи, так объем КРУТ составляет около 3,1 млн. слов. Значимым вопросом является проектирование архитектуры мультимедийной базы данных. Не менее важный вопрос – это систематизация языкового материала, требующая применения методов контекстуального, дистрибутивного и компонентного анализа, выбор существующего подхода, наиболее полно описывающего специфику языковых aberrаций студентов-инофонов. В настоящее время производится разбор различных классификаций языковых ошибок (М.Р. Львова, Т.А. Ладыженской, Н.Е. Сулименко, М.С. Соловейчик, А.В. Текучева, С.Н. Цейтлин, А.А. Залевской, Е.В. Рахилиной и др.), формируется электронный корпус текстов, проводится их анализ на предмет установления некорректного выбора единиц в

конкретных условиях функционирования (например, ошибки в устной и письменной речи: грамматические и синтаксические «*мой группа 713*», «*у меня небольшой семья*», «*три сестра*», «*в ветеринарный факультет*», «*на Вологда*»; орфографические «*абед*», «*фискультура*», «*балница*», «*мияч*», «*боксийски*», «*фудбол*»; лексические «*сейчас он занимается русский язык*», «*где дом цифра 12?*», «*я хочу тебе хорошо отдохнуть*»; стилистические «*извини, учительница*» и мн. др.)

В заключении отметим, что в мировой и отечественной научной практике наблюдается устойчивый интерес к созданию электронных баз данных. Изучение русского и международного опыта разработки баз данных и лингвистических корпусов позволит создать оптимальную модель мультимедийного корпуса и, с применением методов компьютерного программирования, реализовать ее.

Список литературы

1. Всероссийская перепись населения – 2010. Том 4. [электронный ресурс] – режим доступа: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/Documents/Vol4/pub-04-04.pdf
2. Драчева, Ю.Н. Использование языкового опыта студентов-иностранцев при обучении РКИ / Ю.Н. Драчева, Н.С. Дьякова // Казанская наука. – 2018. – № 6. – С. 69–71.
3. Драчева Ю.Н. Мультимедийный корпус региональных текстов "Жизненный круг": к проблеме архитектоники оболочки / Ю.Н. Драчева, И.В. Морозова // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – №3. – С.72–75.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М., 1987. – 261 с.
5. Халеева, И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халеева. – М., 1989. – 236с.
6. Aston, G. (1995). Corpora in language pedagogy: Matching theory and practice. In G. Cook, & Seidlhofer, B. (Eds.), Principle and practice in applied linguistics: Studies in honour of H.G. Widdowson (pp. 257-270). Oxford: Oxford University Press.
7. Jichun, P. (2015), A Corpus-based Study on Errors in Writing Committed by Chinese Students. Linguistics and Literature Studies 3(5): 254-258, 2015. DOI: 10.13189/lls.2015.030509. - режим доступа: <http://www.hrpub.org/download/20150831/LLS9-19304367.pdf>
8. Sun, Y.-C. (2000). Using on-line corpus to facilitate language learning. Paper presented at the Annual Meeting of the Teachers of English to Speakers of Other Languages, British Columbia, Canada.
9. Yoon, H., & Hirvela, A. (2004). ESL student attitudes toward corpus use in L2 writing. Journal of Second Language Writing, 13(4), 257-283.

10.02.01

С.В. Минибаева канд. филол. наук, А.А. Минеева

Башкирский государственный университет,
Стерлитамакский филиал,
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Стерлитамак, sveta.minibaeva@yandex.ru; thebiofairy@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РАДИЯ ХАБИРОВА

В статье представлены результаты проведенного контент-анализа выступлений Главы Республики Башкортостан Радия Хабирова. В результате исследования делается вывод о дихотомичности вербального образа политика: одна сторона – политик, стремящийся к единению с народом и выполнению своих недавних обещаний, другая – хороший семьянин. При этом анализ общественно-политических речей показал, что исследуемая языковая личность является цельной, ибо реализуются стратегические образы «Человек дела» и «Руководитель команды».

Ключевые слова: языковая личность; речевой портрет; речевой имидж; речевое поведение; вербальный образ; политический дискурс.

Предлагаемая статья представляет собой часть системного исследования и описания речевого имиджа целого ряда политиков, среди которых Президент РФ В. В. Путин, министр иностранных дел С. В. Лавров, президент РБ Р. Ф. Хабиров и другие. Следует отметить, что дискурсивный подход к изучению языка и его реализации – речи – актуален в рамках формируемой в науке на сегодняшний день антропоцентрической парадигмы.

Исследование, результаты которого легли в основу предлагаемой статьи, проведено в рамках актуального лингвистического направления, связанного с изучением общественно-политических коммуникаций. В речевом дискурсе находит отражение языковое сознание и миропонимание отдельно взятого индивидуума. Речь политического деятеля представляет собой комплекс приемов воздействия, как лингвистических, так и психологических, на большую группу адресатов. Осознавая силу своей власти и меру ответственности, политики стремятся сформировать определенный образ для усиления влияния с помощью арсенала языковых единиц, которые уже эффективно проявили себя на практике. Следует признать, что выбор лингвистических средств в той или иной коммуникативной ситуации достаточно полно характеризует языковую личность. Интерес к человеку ознаменовался в науке введением и раскрытием в трудах Ю. Н. Караулова научного понятия «языковая личность»: «Под языковой личностью я понимаю совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов)» [2, с. 3]. Такое понимание языковой личности сохраняется до сих пор, оно актуально и для нашего исследования.

Когда на политическую арену выходит новая языковая личность, то к ней тут же приковывается внимание лингвистов, психологов, социологов и др., что обусловлено интересом, проявляемым к тому, как поведет себя данная личность в новых для нее условиях. И здесь у политика два пути: первый – найти для себя объект для подражания и следовать этому образу в своих речах, второй – найти свой индивидуальный стиль, сформировать свой имидж. Большинство политиков стремится пойти по второму пути, чтобы выделиться из достаточно большой когорты политических деятелей и стать запоминающейся личностью.

Объектом для анализа был выбран политик, вербальная риторика которого не становилась объектом научного интереса, что делает предлагаемое исследование актуальным и своевременным, а также определяет его новизну, заключающуюся в заполнении лакуны, связанной с комплексным изучением и описанием языкового имиджа Р. Ф. Хабирова.

Целью статьи является рассмотрение характерных черт и форм речевого имиджа Р. Ф. Хабирова, причем акцент сделан, прежде всего, на вербальный образ. Более частные задачи связаны с необходимостью рассмотрения речевых стратегий, которые реализуются политиком, а также используемых им лексико-семантических и грамматических средств.

Не так давно в Республике Башкортостан произошли значительные перемены, которые обусловлены политическими рокировками: Рустэм Хамитов заявил о сложении полномочий главы Башкирии. Его место занял Радий Фаритович Хабиров. Вектору деятельности вновь избранного президента свойственны общественно-политическая мобильность, а также смелость в принятии решений. Риторика Президента РБ характеризуется дихотомичностью, позволяющей говорить о двусторонности речевого имиджа: с одной стороны в его речах реализуется речевая стратегия «Президент РБ», с другой – «Хороший семьянин». Наш лингвистический интерес вызывают речи общественно-политической направленности.

В качестве эмпирической базы для исследования речевого имиджа Р. Ф. Хабирова выбраны самые ранние стенограммы: Стенограмма встречи с Владимиром Владимировичем Путиным (26 августа 2019 г.) [1], Стенограмма вступления в должность всенародно избранного Главы Республики Башкортостан (19 сентября 2019 г.) [3], Выступление с Посланием Государственному Собранию – Курултаю Республики Башкортостан (18 декабря 2019 г.) [4].

В целом для Р. Хабирова характерно частотное использование глаголов, что придает его речам динамичность и позволяет ему реализовать вербальную стратегию «Человек дела»: *демонстрируем, обращаем, занимаемся, понимаем, реализуем*. Как видим, говорящий использует те же речевые стратегии, что и в проанализированном ранее лозунге.

Речевая цельность, заключающаяся в демонстрации объединения стилей речи в общении политика с его коллегами, а также с народом, обуславливается стремлением быть понятым всеми группами населения. В ходе разговора активно используются профессионализмы и разговорные слова: «в *«белую»* выходим» [1], «*перешли на другие цифры*» [1], «*другие регионы уже «насытились», а мы – потихонечку*» [1]. Цитирование слов жителей Башкортостана используется как показатель единения лидера и народа: «*Селяне так и говорят: вы, говорят, держитесь там, держите эти санкции, потому что на самом деле это правда работает*» [1].

Вербальным свидетельством единения, командной работы выступает и употребление местоимения *мы* и производных от него: «*Мы для себя приняли решение, абсолютно всё чётко фиксируем. То есть те цифры, которые мы даём и по рождаемости, и по смертности, они у нас очень объективные. Эту ситуацию мы потихонечку начали выправлять*» [1].

Радий Хабиров – носитель башкирского языка. Такой факт не может не отразиться на его речи. Например, глава республики с целью единения использует свои знания, строя речь на двух языках: выступление [3] он начинает с восклицательной фразы на башкирском языке «*Хөрмәтле депутаттар! Хөрмәтле ватандаштар!*», далее следует перевод: «*Уважаемые депутаты! Уважаемые жители республики!*». Речь завершается также двуязычным лозунгом: «*Алга, Башкортостан! Вперёд, Башкирия!*» [3]. Р. Хабиров цитирует фразу бывшего президента Татарстана Минтимера Шаймиева, ставшую афоризмом, и тут же дополняет ее, придавая свой, новый смысл: «*Наши соседи и друзья очень правильно говорят: «Без булдырабыз». А я хочу сказать собравшимся – «Без якишырак булдырабыз!» Наверное, переводить не нужно... Кстати, пусть это будет нашим девизом!*» [4]. Как видим, президент Башкортостана реализует в своих речах стратегический образ «Руководителя команды»: для него, судя по речам, важно создать единую команду, возглавить ее и добиться успеха. Идея единения лежит в основе речевого дискурса Р. Хабирова.

В выступлениях Президента РБ встречаются и новомодные англицизмы, делающие его коммуникатором молодежи: «Я считаю, что именно такая молодёжь сумеет сделать наш Башкортостан, как любят иногда говорить наши заокеанские партнёры, *«greatagain»!*» [4]. Говорящий иронично относится к их употреблению: «Возможно, кто-то разочарован, что я ни разу не ввернул модные словечки типа *«форсайт»*, *«эджайл»*, тысячи других» [4].

В речевом дискурсе Радия Хабирова используются сакраментальные для народа образы, и прежде всего, образы семьи, матери, отца, труда: «*Но я буду трудиться. Как трудились мои отец и мама. Как трудятся мои соратники. Я буду требователен к себе, а также к тем, кто выбрал для себя профессию служить людям. Я буду нетерпим к лени, бездушию, безынициативности и вороватости*» [3]. Общественно-политический деятель предстает как личность, для которой важны семейные устои и традиции. Кроме того, это заинтересованный в своем деле человек, стратег, целеполагатель.

Анализ показал, что речь президента республики изобилует изобразительно-выразительными средствами: эпитетами (*дружная работа, современный подход и др.*), метафорами (*сделать генеральную уборку, башкирские Рудольфы Джулиани, теория разбитых окон, ручной режим и др.*). Яркости и красочности речей Р. Хабирова служит использование фразеологизмов: «мы тоже будем *носить инвесторов на руках*» [4], «...немало скромных тружеников, *мастеров своего дела*, которые *без лишних слов совершают невозможное*» [4].

Таким образом, речевой портрет Рафия Фаритовича Хабирова в рамках речевой стратегии «Президент РБ» и стратегических образов «Человек дела» и «Руководитель команды» складывается из нескольких составляющих, наиболее важные среди них: вербально выраженная идея единения, богатый ряд изобразительно-выразительных средств, использование многоязычия и др.

Список литературы

1. Встреча с врио Главы Башкирии Радием Хабировым [Электронный ресурс] // Президент России. События. 26.08.2019. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/61374> (дата обращения: 15.02.2020).
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Издательство ЛКИ, 1987. С. 3.
3. Радий Хабиров вступил в должность Главы Республики Башкортостан [Электронный ресурс] // Глава Республики Башкортостан. Новости. 19.09.2019. URL: https://glavarb.ru/rus/press_serv/novosti/126492.html (дата обращения: 15.02.2020).
4. Радий Хабиров обратился с Посланием Государственному Собранию – Курултай Башкортостана [Электронный ресурс] // Республика Башкортостан. 18.12.2019. URL: https://resbash.ru/articles/politika/radiy_khabirov_obratilsya_s_poslaniem_gosudarstvennomu_sobraniyu_kurultayu_bashkortostana-20446/ (дата обращения: 15.02.2020).

10.02.01

Э.В. Фомин канд. филол. наук

Чувашский государственный институт культуры и искусств,
кафедра гуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Чебоксары, yeresen@yandex.ru

ЧУВАШСКИЕ АНТРОПОНИМЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Статья посвящена изучению чувашских имен русского происхождения, существующих в фонетически адаптированном виде. В современном восприятии они являются архаичные реализации русских православных имен. Внешней основой, побудившей формирование данного пласта имен следует признать переход чувашского народа в христианство, в результате чего чувашский дохристианский именовослов в полном объеме был замещен православными именами. Имена при заимствовании были подвергнуты фонетическому, словообразовательному и семантическому освоению.

Ключевые слова: личные имена, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

Чувашские имена русского происхождения обычно этимологически прозрачны. Однако нередко встречаются антропонимы, фонетически явно русские, при этом этимологию которых не представляется возможным установить без специальных изысканий. Надо думать, именно поэтому к изучению чувашских личных имен русского происхождения приступили лишь в настоящее время [1; 2; 3; 4]. Кроме того, данная проблема нашла отражение в работах, посвященных чувашским поэтонимам [6; 7].

Представляется, что анализ преобразований, характерных антропонимам при языковых контактах, – наилучший материал для ведения контактологических исследований прежде всего фонетического уровня.

Чувашский антропонимический словарь – этимологически сложное явление. Он состоит из двух пластов: имен дохристианской эпохи, по преимуществу состоящих из имен чувашского, арабского, иранского и татарского происхождения (*Тимёркке* [т'им'ёр'к':э] < чув. *тимёр* [т'им'ёр] 'железо', *Несихва* [н'эз'ихва] < араб. *Назиф(а)* 'чистый, безгрешный'; *Тевлет* [т'эв'л'эт'] < иран. *Давлят* 'счастье, богатство', *Акташ* [акташ] < тат. *ак таиш* 'белый камень'), и православных имен, с одной стороны, представленных в очувашенной форме, с другой – в русской (*Алтатти* [алдат':й^{pl}] – *Авдотья*, *Ванюк* [ван'ук] – *Иван*, *Евлен* [жэв'л'эн'] – *Елена*, *Марине* [мар'ин'э] – *Марина*). Православные имена в чувашской интерпретации – своего рода переходный слой имен между дохристианскими и православными антропонимами в их русском звучании.

Русские имена при освоении чувашским языком подвергались изменениям на фонетическом, дериватологическом или семантическом уровнях. Трансформации нередко сочетались между собой, формируя неожиданные реализации исходных антропонимов (примеры см. ниже).

Фонетическая адаптация русских имен под требования чувашского языка – основной метод их очувашивания. Практически все имена в определенной мере проходят через субституционные процессы. Главные субституционные процессы направлены на замещение звонких согласных русского языка, а также [ф] и [с] артикуляционно наиболее близкими соответствиями, ср.: *Артемий* → *Урттюм* [урт':ум], *Гаврила* → *Кавърле* [кавърл'э], *Дарья* → *Тарье* [тар'јэ], *Федор* → *Хёветёр* [х'эв'эд'ёр], *Христина* → *Хришти* [хр'ишт'й].

При освоении русских имен кроме того наблюдаются такие фонетические процессы, как вставка протезы (*Родион* → *Артиван* [ьрд'иван], *Спиридон* → *Ёспритун* [ьсп'ридун]); инфикация (*Иуда* → *Иютя* [ијудь], *Илларион* → *Лариван* [лар'иван]); афереза (*Елизар* → *Лисар* [л'изар], *Иулита* → *Улитта* [ул'ит:а]); метатеза (*Артемий* → *Утремен* [утр'эм'эн'],

Евгений → Эхвени [эх'в'эн'и]); синкопа (Доримедонт → Търмитун [търм'идун]); Филипп → Хлип [хл'ип]); диереза (Гаврила → Карила [кар'илá]); апокопа (Анастасия → На́ста́с [на́ста́с], Вячеслав → Вичча́сла [в'ич:асла́]).

Указанные явления по-разному сочетаются между собой, в целом усложняя структуру очувавшихся русских имен, ср.: Константин → Ка́стук [къ́стук], где наблюдается переход *о ~ а* и диереза *н*; Ксенофонт → Ы́нахвун [сы́нахвун], где имеет место аффераза *к*, звукопереходы *е ~ ы*, *о ~ у*, субституция *ф ~ хв*, апокопа *т*.

Значительная роль в освоении русских антропонимов чувашским языком принадлежит ударению. Оно в чувашских вариантах, как правило, переносится на конечный слог, ср.: Григо́рий → Ке́ркури [к'ьргур'и́], Дани́ла → Тани́ле [тан'ил'э́], Афанáсий → Ухванéс [ухван'э́с], Ва́ся (Васи́лий) → Ва́сçа [ва́сçа́], Да́рья → Та́ри [тар'и́], Кла́вдия → Кла́вье́ [клав'е́], На́таля → На́тта́ [нат:а́], Феодо́сия → Хвету́сçа́ [хв'эдус:а́]. Сохранение ударения на исходном слоге встречается редко: Ге́расим → Кара́чым [кара́сьм], О́сип → Ё́сип [ё́зип], Про́хор → Пруххáр [прух:х'ар]. Перенос ударения на первый слог наблюдается в исключительных случаях: Макси́м → Ма́кçам [ма́кçьм].

Заметной особенностью русских имен, перешедших в чувашский язык, является многовариантность, реализуемая в пределах допустимой звуко сочетаемости, ср.: Михаил → ¹Милак [м'ила́к], ²Ми́сук [м'и́зук], ³Михала́ [м'и́уала́], ⁴Михали́ [м'и́уали́^б], ⁵Михалкка́ [м'и́уалк:а́], ⁶Миха́ля [м'и́уал'а́], ⁷Михали́ [м'и́уали́^б], ⁸Миха́люк [м'и́уал'ук], ⁹Миха́лькка́ [м'и́уал'к:а́], ¹⁰Михе́ле [м'и́у'эл'э́], ¹¹Михе́лю [м'и́у'эл'у́], ¹²Михи́ [м'и́у'и́], ¹³Миху́к [м'и́у'ук], ¹⁴Михха́ [м'и́х:а́], ¹⁵Михха́й [м'и́х:а́й], ¹⁶Михха́йла [м'и́х:а́йла́], ¹⁷Михха́ль [м'и́х:а́л'а́], ¹⁸Миххи́ [м'и́х'и́], ¹⁹Михху́к [м'и́х'ук], ²⁰Ми́иша [м'и́ш:а́]. Наблюдаемая вариативность личных имен в чувашском языке в первую очередь объясняется их исходной разнообразной реализацией в самой русской среде (Ми́ша, Ми́шенька, Ми́шка, Ми́шуля, Ми́шуня, Ми́ха, Ми́хай, Ми́ханя, Ма́хася) и в следующую очередь – специфичными чертами принимающих чувашских диалектов.

Широкие пределы вариативности имен создают условия, при которых они начинают вступать в омонимичные отношения между собой, например: Ми́сук¹ [м'и́зук] – Ми́хаил, Ми́сук² – Ни́колай; Э́лика¹ [эл'ик:а́] – Але́ксей, Э́лика² – Але́ксандр; Ма́люс¹ [мал'у́с] – Ме́лания, Ма́люс² – Ма́рия; На́тюк¹ [над'ук] – На́дежда, На́тюк² – На́талия.

Активное **словообразовательное освоение русских имен** чувашским языком производилось через аффиксацию.

В чувашском языке имеются специальные аффиксальные и апеллятивные средства имяобразования (см. подробнее в: 5, с. 20–32). Наиболее востребованы в освоении русских имен следующие аффиксы:

-*(к)ка* / -*(к)ке*: Ели́нка [јэл'инк:а́] 'Елена', Емелккe [јэм'эл'к'э́] 'Емельян', Кара́кка [кара́к:а́] 'Герасим', Симкка́ [с'имк:а́] 'Семен';

-*ук* / -*у́к* / -*юк* / -*ок* / -*ёк*: Ва́сçук [ва́сçук] 'Василий', Лю́пук [л'убу́к] 'Любовь', О́тёк [од'о́к] 'Евдокия', Пе́тюк [п'эд'ук] 'Петр';

-*уç* / -*у́ç* / -*юç*: Ка́ттюс [кът':у́с] 'Екатерина', Ла́врус [лавру́с] 'Лаврентий', Ухру́с [ухру́с] 'Ефросиния';

-*уш* / -*у́ш*: Ля́вуш [л'аву́ш] 'Лев', Па́влуш [павлу́ш] 'Павел', Пе́труш [п'этру́ш] 'Петр';

-*ика* / -*ике*: Кантра́шка [кандрашкá] 'Кондратий', Си́нушка [синушкá] 'Зинаида', Хвету́шка [хв'эдушкá] 'Федор'.

В дериватологическом освоении имен наблюдается необычная ситуация: очувашивание русских антропонимов происходит через использование русских же суффиксов, на чувашской почве лишенных деминутивной семантики, ср.: Емел́ька (Емел́ьян) → Емелккe [јэм'эл'к'э́], Катю́ша (Екатери́на) → Ка́ттюс [кът':у́с], Ермо́шка (Ермола́й) → Ярму́шка [јармушкá].

Семантическое освоение русских имен связано с обращением к народной этимологии и сводится к подбору ассоциативных чувашских аналогов дохристианской эпохи, а в некоторых случаях – к сопоставлению с апеллятивной лексикой и приспособлением под них заимствуемых имен на фонетическом и деривационном уровнях, ср.: *Кăсыян* [къзы́ян] ‘Касьян’ – *кăсăя* [къзы́ја] ‘синица’, *Мăккăль* [мъ́к:ъл] ‘Николай’ – *мăкăль* [мъ́гъл] ‘шишка’, *Улатимёр* [улад’им’ёр] ‘Владимир’ – *ула тимёр* [ула_д’им’ёр] ‘пестрое железо’, *Кулькка* [кул’к:ă] ‘Акулина’ – *кулькка* ‘голубь’.

Русские имена в чувашском контексте могут выступать не только в качестве христианских, но и языческих. Материалы словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина свидетельствуют о том, что квалификация имени обуславливается религиозным сознанием его носителя, ср.: *Наття* [нат’:ă] 1. Наталья. 2. Анастасия. 3. Надежда. 4. языческое имя; *Якрав* [якра́в] 1. христианское имя Евграф. 2. языческое имя.

В ряде случаев в заимствовании русских антропонимов чувашским языком наблюдается необычный подбор параллельных имен, например: *Отюк* [одо́к] = *Антон*, *Тяккăм* [т’ăк:ъм] = *Максим*, *Юлпике* [јулб’иг’ё] = *Христина*. Вероятно, в приведенных примерах отразилась традиция сочетать неофициальное дохристианское имя с официальным православным, данных одному и тому же человеку при рождении и крещении.

Таким образом, русские имена, проникая в чувашский язык через устное посредство, подвергались различным изменениям – главным образом фонетическим, иногда словообразовательным, реже семантическим. В результате исходные имена могли преобразиться до неузнаваемости. Впрочем, такого рода трансформации позволили сложиться неповторимой системе чувашских антропонимов православного происхождения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Чувашской Республики в рамках научного проекта № 18-412-210002 р_а.

Список литературы

1. Леонтьева А.А. Возможные экстралингвистические ассоциации при заимствовании личных имен // Ономастика Поволжья. – Уфа, 2006. – С. 58–64.
2. Леонтьева А.А. Русские личные имена в чувашском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20 / Чуваш. гос. ун-т. – Чебоксары, 2006. – 21 с.
3. Леонтьева А.А. Семантические изменения при заимствовании личных имен // Вестник Чувашского университета. – 2006. – № 3. – С. 235–243.
4. Леонтьева А.А. Чувашская адаптация иноязычных личных имен, пришедших через русское опосредование (субституции фонем и аллофонов) // Чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. – Чебоксары, 2005. – С. 170–175.
5. Федотов М.Р. Словарь чувашских нехристианских личных имен. – Чебоксары, 1998. – 148 с.
6. Фомин Э.В., Иванова А.М. Чăваш поэтонимёсен пуххи. – Шупашкар, 2016. – 83 с.
7. Фомин Э.В. К проблеме транслитерации чувашских поэтонимов // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. – Симферополь, 2018. – С. 586–591.

10.02.01

О.О. Хасанова канд. филол. наук

Башкирский государственный университет (Стерлитамакский филиал),
филологический факультет,
кафедра русского языка,
Стерлитамак, hasaolga@yandex.ru

**ДЕКОНСТРУКЦИЯ СИНТАКСИСА
КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ
В РОМАНЕ Э. ВЕРКИНА «ДРУГ-АПРЕЛЬ»**

В статье представлены результаты изучения синтаксиса романа Эдуарда Веркина «Друг-апрель». Использование автором конструкций нерегламентированного синтаксиса становится одним из важнейших приемов смыслопорождения художественного текста.

Ключевые слова: *синтаксис, Эдуард Веркин, художественный текст.*

Синтаксические особенности художественного текста уже давно изучаются учеными. Однако исследователи справедливо отмечают, что литература постмодернизма развивается по другим принципам и законам, отличным от закономерностей развития классической литературы: «Устройство художественного текста конца XX-начала XXI вв. основано на его синтаксисе» [Чувакин 2008: 505], «Произведения русских постмодернистов характеризуются поиском новых способов синтаксического оформления, что, как правило, сопровождается нарушением нормы» [Щербань, Фоменко 2007: 692]. По мнению Н.Г. Бабенко, деструктивность нормы, а также «нарочитая ломка традиционных способов организации художественного текста приводит к возникновению новых смыслов моделей текстопорождения и выражения концептуальных смыслов» [Бабенко 2019: 78]. Данный факт обуславливает актуальность изучения функционирования синтаксических единиц в текстах, созданных на рубеже столетий и позже.

Наше внимание привлёк не изученный с лингвистической точки зрения роман современного писателя Эдуарда Веркина, одного из самых ярких авторов книг для подростков, неоднократного лауреата литературных премий и конкурсов. Роман Э. Веркина «Друг-апрель» показывает становление и взросление мальчика Ивана, которому приходится бороться с обстоятельствами и суровыми законами жизни. Мальчик живет в мире, где нет никаких нравственных ориентиров, где не знают, что хорошо, а что плохо.

Язык произведения изобилует тропами, окказионализмами, прецедентными текстами. Однако самым ярким, на наш взгляд, приемом смыслопорождения становится разрушение синтаксической нормы (заметим, что точкой отсчета при осмыслении понятий «норма» и «антинорма» считаем модели синтаксических конструкций, представленные в классической грамматике русского языка). В тексте Э. Веркина антинорма становится нормой, так же, как и в мире, в котором приходится выживать главному герою. Можно утверждать, что хаотичность и бессвязность синтаксических конструкций позволяет эксплицировать подтекстовые смыслы: деконструкция синтаксиса становится метафорой беспросветной жизни главных героев, живущих на заброшенном железнодорожном разъезде. В связи с этим следует подчеркнуть, что нарушение синтаксической нормы в романе «Друг-апрель» выполняет важные прагматические функции – способствует повышению экспрессивности текста и эксплицирует скрытые смыслы, а значит, становится важным приемом смыслопорождения.

Проанализируем важные, на наш взгляд, синтаксические особенности произведения. С точки зрения организации предложения текст характеризуется лаконичностью, сегментированными синтаксическими конструкциями. Используя данные лингвопрофиля, мы выяснили, что в романе около 7300 предложений, в среднем 21 предложение на страницу текста.

Большая часть конструкций – простые распространенные, которые могут осложняться рядами однородных членов, гораздо реже причастными и деепричастными оборотами. Сложные предложения малочисленны. Возникающая в некоторых контекстах асимметрия «простая-сложная конструкция», на наш взгляд, служит выражению идеи дисгармоничности мира, в котором живут герои романа.

Самым продуктивным приемом в тексте является парцелляция. Экспрессивная, выделительная и модальная функция данного приема не вызывают сомнений. Сильные внутрифразовые парцелляции (при анализе типов парцеллированных конструкций мы опираемся на классификацию И.А. Сырова [Сыров 2005: 131]) в романе основаны на выделении в самостоятельную синтаксическую единицу как главных, так и второстепенных членов предложения: *«Ей жаловались. Сестры тех, кого он побил. Подруги тех, кого он побил. Иногда даже родители»* (254) (здесь и далее цит. по Веркин Э. *Друг-апрель*. – М.: ЭКСМО, 2014. – прим. автора), *«На кухне жестяно грохнуло, и начался скандал. Как-то неожиданно, безо всяких переходов, как лавина»* (27).

Представленные выше виды конструкций представляют собой бессоюзный тип сильной межфразовой парцелляции. Союзный тип сильной внутрифразовой парцелляции также часто используется автором, в этом случае в качестве отдельной синтаксической единицы выступает однородный член (главный или второстепенный) простого предложения: *«Он сидел на крайнем стульчике и смотрел в пол. И думал»* (17), *«Он отвечал редко, невпопад или вообще смеялся. Или отворачивался»* (23), *«А взрослые, когда кажутся себе умнее, всегда добреют. И денег дают»* (50).

Активно используется автором и сильная межфразовая парцелляция: *«Нет, можно было дожидаться и у бабушки, но у бабушки Ивану не нравилось. Потому что бабушка была почти слепая и все время заставляла его читать вслух журнал «Здоровье»»* (23), *«Она хлюпала. Когда ела суп и когда пила чай»* (57), *«Это его не очень занимало, просто хотелось понять. Что такое между ними»* (138).

Особого внимания с точки зрения акцентуации смыслов заслуживают конструкции с несколькими парцеллятами: *«Они все были посторонними. И только мешали. Всегда, с утра до вечера»* (20), *«Они добирались до дома и пили чай из термоса. Обычно с оладьями. Иногда с самодельными ирисками»* (23), *«А потом они пили чай. Прямо на крыльце. До самой темноты»* (283).

В романе «Друг-апрель» имеет место и смешение внутрифразового и межфразового парцеллирования: *«Даже девочки – они тоже боялись. И завидовали. Потому что с ним она могла ничего не бояться. Потому что такого, как он, больше не было»* (99). Конструкции подобного рода создают особое напряжение в процессе восприятия текста, что повышает степень эмоционального воздействия на читателя.

Нередки случаи усложнения парцелляции абзацированием – в этом случае базовая часть и парцеллят размещаются в разных абзацах. Подобная конвергенция приемов часто служит выражению напряжения и тревоги внутреннего мира персонажа:

«Как можно меньше думать.

Потому что так быстрее» (44).

Отметим, что между такого рода абзацами имеется сильная смысловая связь.

Конструкции сегментированного синтаксиса выполняют еще одну важную функцию – позволяет передать поток сознания персонажа. Ср.: *«Может, это глаз сколопендры. Сколопендра – это жук. Хорошо, наверное, быть жуком. Или лучше мышью. Спрятаться между бревнами в стене и жить»* (5).

Наличие эллиптических конструкций – еще одна важная синтаксическая особенность романа Веркина, при этом часто сжатие происходит до слова или словосочетания: *«Аксен обернулся. Тюлька сидел на рельсе. В руке обрезок арматуры»* (6) или *«Аксен спустился к берегу. Попробовал. Холодная»* (8). Следует отметить, что подобная деформация структуры синтаксической конструкции касается ее линейной протяженности, уменьшения количества в ней словоформ, информативное же значение остается без изменений, что и позволяет

восполнить недостающий компонент и сделать высказывание ясным в смысловом отношении.

Усиливают синтаксическую неграмматичность текста конструкции с репризой – повтором одного и того же члена предложения различными формами: *«Глупые, они попытались его дразнить»* (17).

Следует отметить и случаи разрушения пунктуационной нормы, которое также имеет прагматическую направленность и служит выражению авторских интенций. Так, для произведения характерно нетрадиционное оформление прямой речи: *«И как прицепится – парень, купи книжки, парень, купи книжки, первый раз такой тут встретился»* (26). Экспрессивное прагматическое воздействие оказывает нетрадиционное использование тире: *«Аксён всегда хотел поваляться в ванне, как в кино, чтобы – с фиолетовой пеной, с прозрачными шариками, с солью. Только не получалось никак, в Ломах ванны ни у кого не было»* (35). Авторский знак в данном контексте акцентирует внимание читателя на желании мальчика, а в совокупности с информативным наполнением следующего предложения усиливает трагичность положения главного героя.

Таким образом, приемы нерегламентированного синтаксиса являются главным способом смыслопорождения в романе Э. Веркина «Друг-апрель». Языковая антинорма становится нормой в произведении писателя и выражает хаотичность, катастрофичность распадающейся России, становится метафорой жизни главных героев.

Список литературы

1. Бабенко Н.Г. Язык и поэтика русской прозы в эпоху постмодерна. – М.: «ЛИБРОКОМ», 2019. – 304 с. [с. 2].
2. Веркин Э. Друг-апрель. – М.: ЭКСМО, 2014. – 352 с. [с.3-6].
3. Сыров И.А. Способы реализации категории связности в художественном тексте. Монография. М.: МПГУ, 2005. 277 с. [с. 3].
4. Чувакин А.А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX- XXI вв. // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. Вып.24 / Отв. ред. С.Е. Родионова. – Уфа, РИЦ БашГУ, 2008. – С.505-514. [с. 1].
5. Щербань Г.Е., Фоменко С.Г. О некоторых синтаксических особенностях русских постмодернистских текстов рубежа XX- XXI веков // Русский язык: исторические судьбы и современность. III международный конгресс исследователей русского языка: труды и материалы. – М., 2007. – с. 692. [с. 1].

10.02.04 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

10.02.04

¹Р.Е. Богачев канд. филол. наук, ¹Е.В. Шемаева канд. филол. наук,
²Н.Б. Кудрявцева канд. филол. наук

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
педагогический институт, факультет иностранных языков,
¹кафедра иностранных языков,
²кафедра немецкого и французского языков,
Белгород, romabog2@gmail.com, nkud@bsu.edu.ru

СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУН И ЕГО СЕМАНТИКА

В статье рассматривается вопрос символического значения некоторых знаков рунического алфавита древних германцев. Анализируется их репрезентация в древнеанглийском, древнеисландском и древненорвежском, а так же проявление значений этих символов в русском языке.

Ключевые слова: *руническое письмо, символическое значение, древнеанглийский язык.*

Рассматривая варианты символических значений рун, которые были бы противоположны по значению руническому знаку OS, можно прийти к нескольким ключевым символам. Если посмотреть на культурологические особенности, то германским сверхсущностям, выраженным концептом противостояли великаны, которые представляли собой персонифицированные выражения всяческих природных катастроф (огненные и ледяные), голод, нужду – то есть собирательный образ всего отрицательного. В это семантическое поле входит несколько знаков: Kaup – язва, болезнь; Hagall – голод, град; и Nauðr – нужда. Понятно, что не все эти значения сохранились в таком виде, уже при сравнении норвежской, исландской и англосаксонской рунических песен можно найти отличия.

В предыдущей статье мы рассмотрели значения этих символов в древнеисландском и исландском языках, чтобы посмотреть на семантику знаков с точки зрения диахронии. Сейчас мы посмотрим на семантику этих знаков в разных языках. Но прежде, чем мы перейдем к анализу этого значения, обратим внимание на одно слово, которое встречается в норвежской и исландской рунической песне. Это слово bölván. Тем более, что в исландском это слово тоже есть, хотя тут оно представлено однокоренным bölok. Однако если мы посмотрим древнеисландский словарь, то без труда обнаружим там это слово:

bölván, f. curse, imprecation.[4]

Русское слово «болван» этимологически рассматривают, как элемент старославянского, тем более, что в славянских языках это слово тоже существует. Но вот саму этимологию предлагают рассматривать от тюркского «балуан», или «балабун» и персидского «pahlavan», общее значение этих слов – «герой». Потому данная теория сейчас активно оспаривается. Посмотрим на это слово с другой стороны. Основное значение этого слова в старославянском (как и во всех славянских языках, где оно встречается) было именно «массивная глыба неопределенных очертаний, идол, болван», то есть зачастую так называли идола на чужом для рода капище, поскольку идолом называли только своего божка, а все чужие по сути были болванами. Соответственно, чужой бог мог наслать проклятие, собственно тут мы и усматриваем общность корня, но не со словом «дерево», как предлагается в некоторых источниках, а со словом «проклятие».

Теперь рассмотрим собственно значение «нужда». Слово явно имеет индоевропейские корни, поскольку если мы посмотрим на это слово в русском языке, то у Даля мы найдем слово «Нуда»:

НУДА ж. неволя, принуждение, крайнее стеснение, гнет; худое житье; || немочи телесные, особенно кожные, свороб, чесотка, короста, смол. ниж. перм. || тошнота, длительная дурнота. В нуде живучи, помянешь Бога. Я нудую пошел, неволей. Рад жить и худо, коли изняла нуда. Изнимает на чужбине нуда, чесотка. Натощак нуда донимает, знать от глистов. || Мученье, доука; комар, мошка, слепень, овод, тамб. арх. Такая нуда, скоту некуда деваться. Нуда стоит третью неделю, пенз. жара, духота, марит. || Нуда, об. кто нудит, понукает, погоняет.[2]

То есть прямая параллель с норвежским и исландским вариантами.

Если мы попробуем найти это слово в англосаксонском варианте в тексте Беовульфа, то нас может ожидать неудача. Например, в тексте под нормализацией Бенджамина Слейда такого слова найти не удастся. Однако нужно помнить, что в древнеанглийский период написание слов часто зависело от области, где оно было написано.

Посмотрим на строчку 2454 в Беовульфе

yrfeweardas þonne se án hafað þurh deaðes nýd daéda gefondad

Страж наследия который у него был через смерти жребий вынужден пройти

Бенджамин Слейд дает такой вариант перевода:

yrfeweardas þonne se án hafað þurh deaðes nýd daéda gefondad guardian

of inheritance, when the one he has through Death's compulsion experienced deeds;

То есть «принуждение или насилие смерти». Мы опять можем увидеть определенный синкретизм в том, что в данном случае человек слаб перед смертью и роком, только вот в христианстве Бог побеждает смерть, а в рамках скандинавского пантеона богов все бессильны перед роком.

На самом деле вариантов репрезентации данного концепта в древнеанглийском достаточно много, что затрудняет его анализ. Вот что дает нам Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary на вариант **níd**:

Nid - neád, néd, neód, niéd, nýd, es ; n.: e ; f. I. necessity, inevitableness Neód (néd, Lind. Rush.) ys ðæt swycdómas cumon necesse est ut veniant scandala, Mt. Kmb. 18, 7 : Homl. Th. i. 514, 33. Gif ðæt nýd ábædeþ cum ipsa necessitas compellit, Bd. 1, 27; S. 497, 1. Nemne hwylc nýd máre ábædde

И второе значение там же:

Add: I. violence, force, compulsion, exercised by or upon persons Hé cwæð □ wære mid gafoles neáde (neóde, v. l.) geþrafod sum geleáffull wer fidelis vir quidam necessitate debiti compulsus. Gr. D. 157, 22. Hé wæs beótiende □ hé wolde mid nýde (violenter) gán in þá cyrican.

В самом тексте «Беовульф» это достаточно частотный элемент, хотя разные формы имеют и разную частотность, многое зависит и от нормализации. Например, с корнем **neád** встречается одно прилагательное:

Hæreþes dohtor næs hío hnáh swá þeah né tó gneáð gifa Géata léodum.

Haereth's daughter was not mean though nor too grudging of gifts to the people of the Geats.

В данном случае мы даем в нормализации и переводе Бенджамина Слейда. Примем во внимание этот вариант как «завистливый», а так же посмотреть на то, что нам дает Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary:

gnéð; adj. Sparing, frugal, stingy, scanty, small; parcus Næs hío to gneáð gifa she was not too sparing of gifts, Beo. Th. 3864; B. 1930. He self lifde on gneáðum woroldlife án tunece wæs his gegerela and ðæt wæs hcéren and beren hláf wæs his gereorde he himself lived a frugal life in the world, one tunic was his raiment, and barley bread was his food. [3]

Получается, что все варианты синонимов показывают, что это прилагательное определяет предмет как «находящийся в нужде». Не в смысле нуждающегося, а в смысле «под влиянием необходимости». Необходимости иметь больше, отсюда и эти значения «скупой, жадный, завистливый».

Мы уже отмечали, что данное значение является ключевым не только для общегерманского койне, о котором говорил Э. Макаев, но и вообще для индоевропейских языков. [1]

Обратим внимание на одно из значений слова «Нуда» в словаре даля – гнет. Это тоже определенным образом синоним, то есть дополнительное значение «давить, давление, под давлением». И тут появляется еще один вариант, слово «Гнев». Сейчас его этимологию возводят от слова «гнить» в старославянском языке. Но по сути, что такое гнить, как не «гнетить» находится под гнетом (времени). Гораздо проще определить его этимологическую принадлежность через прилагательное **gnéađ**:

Гнев – гнет – гнетить – **gnéađ** – **neáđ** – **Naúđ**. Особенно, если принять во внимание второе значение существительного **níd** по словарю Ботворда-Толлера. И тут мы опять выходим на символическое значение рунического знака.

В данной статье мы постарались тезисно изложить основные идеи исследования, которое, на наш взгляд, имеет большую перспективу. Показать возможности, которые дает изучение рунического письма с точки зрения когнитивной лингвистики. Однако оно требует соответствующих усилий и времени.

Список литературы

1. Макаев Э.А. Язык древнейших рунических надписей (лингвистический и историко-филологический анализ). Изд. 2-е, стереотипное / Под ред. М. С. Кожуховой. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – С. 78 (История языков народов Европы.)
2. Толковый словарь живого великорусского языка. Том второй. И — О. — СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1880. – С. 576
3. *An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth.* / Ed. T.N. Toller. – Oxford: Oxford University Press, 1898. – P. 32.
4. *Zoëga G.T.* A concise dictionary of Old Icelandic. – University of Toronto Press, 2004. – P. 21.

10.02.04

Н.Ж. Гумерова канд. филол. наук

Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы,
кафедра английского языка,
Уфа, englingua@mail.ru

КОНТЕКСТ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматривается влияние различных видов контекста на понимание художественного текста; приводятся примеры из произведений Ф.С. Фицджеральда, когда контекст влияет на интерпретацию иноязычного текста; затрагивается понятие фоновых знаний.

Ключевые слова: *вертикальный контекст, лингвистический контекст, экстралингвистический контекст, фоновые знания, понимание, лексическое значение.*

Общепринятой является точка зрения, что человек со средним образованием или даже просто грамотный может читать, воспринимать и понимать на родном языке не только простые, обыденные речевые произведения, но и художественные тексты классиков литературы. В нашей же стране ученые-лингвисты плодотворно продолжают исследовать проблему понимания текста.

Решение данной задачи предполагает, прежде всего, выделение двух аспектов понимания. Первое можно определить как понимание в его прямом и общем значении, здесь читатель имеет дело с образами, тропами и прямыми лексическими значениями слов в тексте. Без этого чтение невозможно. Второй аспект понимания оперирует реалиями, несколькими типами литературных аллюзий и т.д. - информацией историко-лингвистического характера, которая называется вертикальным контекстом текста, автора или всей литературной школы (другой термин для нее – «широкий контекст»).

Контекст обычно понимается как языковое окружение, в котором используется та или иная языковая единица. Контекст определяется как сумма формально фиксированных условий, при которых содержание некоторой языковой единицы приобретает единственный смысл. В данном случае контекстными компонентами являются: 1) языковая единица; 2) единицы, актуализирующие семантическую и грамматическую значимость языковой единицы.

Например, *"I was rather literary in college - one year I wrote a series of very solemn and obvious editorials for the Yale News - and now I was going to bring back all such things into my life and become again that most limited of all specialists, the "well-rounded man" [3].*

Первое подчеркнутое слово может означать «относящийся к литературе» или «литературно образованный». В этом случае реализуется второе значение, так как далее повествователь поясняет: «Я написал серию... передовиц» - эти слова становятся контекстом к слову «литературный», раскрывают его смысловое содержание.

То же самое происходит и с определениями «торжественный и очевидный»: благодаря своему окружению они имеют только значения «серьезный и ясный». Так, только в каком-либо контексте языковая единица реализует то или иное свое значение, более того, она может приобретать дополнительный смысл, не зафиксированный в словарях:

"You can't stop going with an old friend on account of rumours, and on the other hand I had no intention of being rumoured into marriage" [3].

Узкий контекст не выходит за пределы данного текста, даже если изучение этого контекста невозможно без соответствующих лингвистических знаний; он в первую очередь связан со структурой художественного произведения. Иными словами, узкий контекст - это

конструкция данного произведения. Но во многих случаях изучение узкого контекста полезно и необходимо, хотя это и не самый эффективный способ изучения проблемы понимания художественного произведения: для этого важнее широкий контекст. Языковеды оперируют также терминами «лингвистический» и «экстралингвистический» контексты.

Понятие широкого контекста связано с фактами и явлениями, выходящими за пределы данного текста, и их нельзя извлечь из него. Для выявления такого контекста необходимы фоновые знания лингвистического (историко-лингвистического) характера. Это произведения определенной литературной школы, определенного автора, жанра, времени и т.д. Таким образом, для понимания и перевода произведений британского поэта Т. С. Элиота, в которых много аллюзий, историко-лингвистические фоновые знания (экстралингвистический контекст?) имеют большое значение. Классический пример - стихи из «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла и их перевод на русский язык: чтобы они стали понятны русскоговорящему читателю (и в первую очередь - переводчику) нужно знать, что большинство из них являются пародиями на произведения английских поэтов XIX века.

Осведомленность обо всех предыдущих переводах, способность их оценить и использовать их достижения также можно отнести к широкому лингвистическому контексту.

Например, чтобы знать, почему книги Ф. С. Фицджеральда относятся к так называемому веку джаза или к литературе «потерянного поколения», читатель должен знать: во-первых, что его произведения были написаны в двадцатые годы 20 века, когда из спиричуэлс, религиозных гимнов чернокожего населения США сформировалось новое музыкальное направление - джаз, переживавший свое бурное развитие и золотой век. Конечно, джазовые свободные импровизации, сам дух свободы и новизны повлияли на молодое поколение Америки. Но почему тогда погибшее поколение?

Во-вторых, люди вернулись с первой мировой войны, которая тогда была беспрецедентной. Казалось, что такого огромного кровопролития больше не будет. Их шкала ценностей была разрушена, но новая так и не появилась. В их родной стране они были неуместны и никому не нужны. Так, в художественных произведениях отражаются все эти чувства, хотя персонажи разных авторов сильно отличаются друг от друга отношением к жизни, окружающему миру и к самим себе.

Давайте рассмотрим, из чего состоит широкий контекст. Собственно, он не входит в структуру текста, а определяет диапазон его восприятия. Среди основных категорий широкого контекста выделяются литературные аллюзии и цитаты.

Они довольно легко обнаруживаются с помощью единиц горизонтального (или узкого) контекста, сигнализирующих о них: наличие аллюзий и цитат в тексте очень часто достаточно ощутимо и читатель их замечает, хотя и не всегда понимает. Например,

"I bought a dozen volumes on banking and credit and investment securities, and they stood on my shelf in red and gold like new money from the mint, promising to unfold the shining secrets that only Midas and Morgan and Maecenas knew" [3].

Имя Мидаса - намек на греческую мифологию. Он был царем с чудесным даром богов - золотым прикосновением - все, к чему он прикасался, превращалось в золото, пока даже пища не превратилась в золото, так что он мог умереть от голода, и он просил богов забрать их дар обратно.

Имя Моргана - историческая аллюзия. Генри Морган был англичанином, пиратом, очень успешным, который захватил богатую испанскую колонию Панаму или «Золотая Чаша», как называли тогда этот город. Затем он стал законопослушным гражданином и даже губернатором английской колонии в Карибском море.

Меценат - это также историческая аллюзия на человека, жившего в Древнем Риме. Он был богат и любил музыку и искусство, поэтому он помогал деньгами музыкантам и художникам.

"My husband is finishing his first novel, you see..." "It's on the idea of "Ulysses", continued Mrs. McKisco. "Only instead of taking twenty -four hours my husband takes a hundred years. He takes a decayed old French aristocrat and puts them in contrast with the mechanical age" [4].

Здесь мы имеем дело с литературной аллюзией. «Улисс» - роман Джеймса Джойса, одного из авторов, которые создали технику «потока сознания» в художественной литературе. Это многостраничное произведение описывает только сутки из жизни главных героев - Леопольда Блума и Стефена Дедала - что они видят в течение этих 24 часов, их встречи с другими людьми, их чувства и мысли. Работа написана в разных жанрах или функциональных стилях, это целый комплекс смыслов и книгу нелегко воспринимать. Итак, читатель «Ночь нежна» может предположить, что миссис МакКиско собирается совершить нечто великое - превзойти знаменитого писателя! Но вопрос: есть ли в этом вообще необходимость? Ведь концепция, ее новизна довольно полно проработаны в книге Джойса и описание целого столетия было бы непомерным трудом - слишком большим, чтобы публиковать и читать, скучной книгой, и читатель может сделать вывод, что миссис МакКиско не очень талантливая писательница, что придает ее образу существенные характеристики.

Название рассказа Фицджеральда «Возвращение в Вавилон» [5] является библейской аллюзией. С древних времен слово Вавилон стало общим названием для любого места, в котором порок и распущенность находят свое пристанище, единственной целью такого места является бесконечное наслаждение. Название рассказа раскрывает авторскую оценку Парижа – надо полагать не слишком положительную.

Аллюзии и цитаты составляют обширную часть широкого контекста. Этот тип контекста чрезвычайно велик и многогранен, поэтому он играет большую и весьма специфическую роль в английской культуре. В XIX веке тенденция к цитированию была характерна не только для литературных произведений, но и для простых людей: об этом свидетельствуют их воспоминания, дневники, письма. Все это отражено в художественной литературе. Персонажи иногда «играют» цитатами и аллюзиями.

В работах Ф.С. Фицджеральда можно найти различные аллюзии. Само название романа “Tender is the Night” взято из стихотворения «Ода Соловью» Дж. Китса, который был любимым поэтом Ф.С. Фицджеральда. Аллюзии на Библию – “Babylon”, “Simon Called Peter” [3]; на литературу Древней Греции и Рима и классическую мифологию: “Plato and his conception of himself” [3]; английскую литературу.

Важно кто кого цитирует, когда и почему. С одной стороны, чтобы считаться принадлежащим к определенной социальной группе, человек должен осознавать литературные аллюзии и соответственно реагировать на них. С другой стороны, говорящий должен точно знать, когда и где, и какая цитата будет уместна в его собственной речи, в какой форме она должна быть произнесена. Если человек не реагирует на эту цитату, он становится «чужим» в данной социальной группе.

Другой сферой, так называемого широкого (или вертикального) контекста, является мир материальных вещей, реалии. Они очень важны, потому что через них мы воспринимаем нематериальный мир, что иногда трудно: реалии кажутся простыми и понятными почти всем людям и идиотические различия не мешают читателю предположить значение лексем, описывающих объекты другой культуры, поскольку текст (художественный в том числе) осмысливается им как единое целое на основе собственного опыта, знаний, сравнения жизни в своей и чужой стране.

Другими видами широкого контекста являются географические названия, имена собственные. Действительно, такие объекты, как “the white palaces of fashionable East Egg”, “New Haven”, “New Port”, “Princeton”, “Yale”, “Harvard”, “Hotel Ritz”, рассказывают о людях, которые там живут или учатся. Они запускают цепочку ассоциаций в сознании читателя только в том случае, если он знает, например, что Нью-Хейвен - это город в США, где расположен один из старейших университетов, Йель, и что это престижный образовательный институт страны, что отель «Ритц» - один из сети фешенебельных отелей для богатых людей и так далее.

То же самое можно сказать и о фразах на французском языке в английских книгах: в зависимости от узкого контекста это будет говорить о хорошем образовании или претензии на хорошее образование, или «аристократизм», это может говорить о древних связях между Англией и Францией и дает толчок другим бесчисленным ассоциациям.

Некоторые лингвисты выделяют глобальный вертикальный контекст - социальный уклад в целом, все понятия, точки зрения как объект описания данного социального слоя, необходимый для понимания произведений того или иного писателя или произведений данной литературной школы.

Но если знание всех этих видов широкого контекста является необходимым условием понимания художественного текста, то правильнее было бы назвать его фоновым знанием. Конечно, мы имеем здесь дело не с тривиальным фоновым знанием (читатель может не знать каких-то конкретных фактов и явлений - для него это не жизненно необходимо), а с тем, что при чтении одного текста, усваиваются некие факты, затем читатель встречается другой текст того же автора и способен воспринимать, чувствовать некоторые элементы «широкого контекста», а затем приобретает «понимание вертикального контекста» [2] - когда он не только может выделить цитаты, аллюзии и реалии, но и соотнести их с определенным периодом истории, литературной школой, развитием авторской концепции от книги к книге. Таким образом, так называемый «вертикальный» или «широкий» контекст становится филологическим фоновым знанием человека, частью его тезауруса. Поэтому, когда говорят о «вертикальном контексте» произведения, возникает просто путаница терминов, понятий.

Итак, чисто лингвистический контекст понимается главным образом как связь между семантически реализуемым словом и определяющим минимумом. Иными словами, контекст - это сочетание анализируемого слова с такой минимальной, но достаточной вербальной средой, в которой слово актуализирует свое определенное лексическое значение.

Также выделяют лингвистические и стилистические контексты.

В рассказе "The Ice Palace" стилистический контекст всей повести создает важное смысловое усложнение заглавия. Под влиянием широкого контекстуального указания это не только конструкция, где дети играют зимой, но и символ противостояния американского Юга и Севера, опасности утраты человеком своих культурных и исторических корней.

В этом случае большую роль играет текстовая ситуация, понятие которой было разработано в теории Н.Н. Амосовой. Модель полисемии и омонимии лежит в основе этой теории. В речи слово актуализируется в одном из своих значений [1].

Стилистический контекст отличается от лингвистического тем, что он служит не снятию многозначности и идентификации употребляемого варианта слова, а служит его семантическому усложнению и выполняет определенную стилистическую функцию. Есть несколько модельных контекстов для актуализации того или иного значения слова.

Исследование всех видов контекста в художественной литературе, выделяемых современными учеными, выходит за рамки данной статьи. Но важным выводом является то, что успешное понимание, интерпретация художественного текста невозможно без учета, без знания таких контекстов, особенно в подготовке будущих учителей как родного языка и литературы, так и иностранных языков. Некоторые контексты с течением времени становятся фоновыми знаниями для развития умений и компетенций

Список литературы

1. *Амосова Н.Н.* Основы английской фразеологии. предисл. О.И. Бродович. - 2-е изд., доп. - Москва: URSS : Либроком, 2009. - 206, [2] с.
2. *Доблаев Л.П.* Анализ и понимание текста : метод. пособие / Л.П. Доблаев ; Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского. - Саратов, 1987. - 71 с.
3. *Fitzgerald, F.S.* Tender is the Night [Текст] = Ночь нежна / Francis Scott Fitzgerald. - Moscow : Raduga Publishers, 1983. - 400 с.
4. *Fitzgerald F. Scott.* The Great Gatsby. - Penguin Books London, 1994. - 192 p.
5. *Fitzgerald F. Scott.* Selected Short Stories. - Moscow: Progress Publishers, 1979. - 360 с.

10.02.04

К.А. Журавская канд. филол. наук, А.Е. Кузнецова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, k.a.zhuravskaya@mail.ru, alice79@mail.ru

РОЛЬ ПЕЙЗАЖНОЙ ДЕТАЛИ В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА «CHEMISTRY»

В работе представлены результаты изучения роли пейзажной детали в новелле «Chemistry» современного британского писателя Грэма Свифта. Сначала дается определение «детали» по Л.В. Чернец, затем – классификация по А.Б. Есину и Б.Е. Галанову. После обзора проблематики и фабулы, рассматриваются несколько трансформирующихся деталей: «the pond» → «a miniature sea» → «the Irish sea»; «the evergreen shrubs» → «dead willow leaves». Делаются выводы.

Ключевые слова: *английский, декодирование, философский.*

Художественная деталь является частицей сложного, многогранного мира литературного произведения и, наряду с такими его компонентами, как тематика и проблематика, сюжет, время и место действия, персонажи, занимает довольно важное положение в его структуре. Как пишет Л.В. Чернец: «Детализация предметного мира в литературе не просто интересна, важна, желательна, - она неизбежна; говоря иначе, это не украшение, а суть образа. Ведь воссоздать предмет во всех его особенностях <...> писатель не в состоянии и именно деталь, совокупность деталей “замещают” в тексте целое, вызывая у читателя нужные автору ассоциации» [5].

А. Б. Есин предлагает свою разветвленную классификацию деталей. Он делит их на «сюжетные», «описательные, или внешние» и «психологические» [3]. Далее А. Б. Есин подразделяет внешние детали на «портретные», «пейзажные» и «вещные» [3]. Этой же классификации придерживался Б. Е. Галанов [2].

Грэм Свифт (Graham Swift) – английский писатель XX века. Его можно назвать мастером детали. Его новелла «Chemistry», написанная в 1982 году, глубокое философское произведение, содержащее довольно сложную систему символов, которая поддается декодированию в результате тщательного анализа деталей.

Проблематика новеллы неоднозначна, хотя в ее основе лежит понятие «семья». Здесь имеет место и смерть, то, с чем мы должны, но часто не можем смириться, и одиночество человека, и отражение сегодняшних процессов распада, упадка института семьи. Наряду с темой семьи автор уделяет большое внимание и проблеме преемственности поколений.

Все это Г. Свифт показывает на примере одной семьи. К началу рассказа она состоит из четырех членов: Деда, Матери, отчима Ральфа и самого повествователя, который в то время был мальчиком примерно десяти лет.

В новелле прослеживается история этой семьи. Когда-то вместо нее одной существовало две. Дед и бабушка жили в своем доме, а отец, мать и мальчик жили отдельно. Когда мальчику исполняется четыре года, умирает бабушка. Дед тяжело переносит ее смерть. Он очень одинок, и хочет быть ближе к дочери и зятю, но не может покинуть свой дом, где жил когда-то с женой. Дочь с зятем, в свою очередь, тоже отказываются переезжать. Проходит три года. В возрасте семи лет мальчик теряет отца в авиакатастрофе. Мать, находясь в состоянии транса, продает дом и переезжает с мальчиком жить к деду. Проходит год. Но вот появляется Ральф. Между ним и дедом начинается вражда, которая постепенно из ряда стычек, травли выливается в убийство деда.

Но это фабула, только внешняя канва событий. Помимо нее Г. Свифт очень тонко вырисовывает психологическую подоплеку этого преступления, а также придает новелле обобщающий философский характер, часто не без помощи мелких деталей, носящих символическое значение.

Их анализ пойдет по пути от простого к сложному и начнется с разбора пейзажных деталей, служащих, с одной стороны, фоном, на котором разворачиваются события, а с другой – использующихся для создания в произведении «определенной эмоциональной атмосферы», «как форма косвенного психологического изображения, когда душевное состояние героя не описывается прямо, а как бы передается окружающей их природой» [3].

Новелла начинается с описания одной из пейзажных деталей: «The pond in our park was circular, exposed, perhaps fifty yards across. When the wind blew, little waves travelled across it and slapped the paved edges, like a miniature sea» [1].

Для анализа этой детали необходимо вспомнить несколько фактов из новеллы.

Во-первых, именно на этом пруду мальчик становится свидетелем своей первой жизненной утраты – кораблик, который они с дедом испытывали, тонет.

Во-вторых, призрак отца, явившийся мальчику в день убийства, сравнивает потопление этого кораблика с затоплением его аэроплана в результате катастрофы в Ирландском море.

В-третьих, новелла заканчивается почти таким же описанием пруда, придавая композиции обрамляющий характер.

Итак, пруд в новелле проходит ряд превращений «the pond» → «a miniature sea» → «the Irish sea». На этом смысловая интерпретация символа не кончается, она может быть углублена, расширена до границ самой человеческой жизни, которая не мыслима без потерь, и вечности, если учитывать, что «circular» всегда было характеристикой, ее обозначающей.

Однако, помимо философской, может быть обыкновенная трактовка детали как места действия новеллы. Хотя здесь нельзя забывать о том, что это отнюдь не безопасное место действия, ибо вода сама по себе может таить опасность для человека. «Тень моста, полосы перил, и моя тень плоско на воде – как просто оказалось заманить ее, чтобы никуда от меня не ушла. Футов полсотни верных, и если б было чем нажать сверху, окунуть, чтоб захлебнулась <...> Негры говорят, что тень утопленника так при нем и караулит. Блестит вода, играет, будто дышит <...> Вес вытесненной жидкости равен тому-то без того-то. Сведенный к нелепости общечеловеческий опыт, и два малых шестифунтовых утюга тяжелее, чем один большой портновский» [4], – это размышления Квентина, героя романа Фолкнера «Шум и ярость» перед самоубийством. Можно вспомнить утонувшую в реке Офелию. Одним словом, в мировой классической литературе найдется много примеров, в которых вода играет роковую роль.

Природа в новелле является также барометром чувств. По мере того как дочерняя привязанность сменяется полнейшим равнодушием, ранняя осень становится зимой.

Начиная с эпизода на кухне, когда мать мечется, колеблясь, на чью сторону ей встать, природа все еще оказывает сопротивление наступающей осени: «Through the window, half visible in the twilight, the evergreen shrubs which filled our garden were defying the onset of autumn. Only the cherry-laurel bushes were partly denuded – for some reason Grandfather had been picking their leaves» (147).

Далее, после того, как дочь выжила отца из дома, осень стала полноправной хозяйкой положения: «All that autumn was exceptionally cold. The evenings were chill and full of the rustlings of leaves» (150).

В день похорон отца символично появление «gold leaves», напоминающих об основной работе отца – «gold plating»: «The day of Grandfather's funeral had been such a day – hard, dazzling, spangled with early frost and gold leaves» (152). Но дочь не обращает никакого внимания на этот грустный намек: она его просто не замечает. «There – isn't that lovely?» – это самая убийственная ремарка, которая могла появиться в данном контексте. Как будто не было ни убийства, ни смерти, ни осени, ни холода, а только вечная весна...

В конце новеллы все также холодно, а листья становятся «dead willow leaves»: «Dead willow leaves floated on <...> its surface <...> dusk was gathering <...> the air was very cold and little waves were running across the water» (153).

Эпизод с появлением призрака отца в воображении мальчика можно рассмотреть отдельно от этой осенней деградации дочерних чувств, поскольку здесь природа играет более многозначную роль. Дождь как бы вторит «dripping clothes» отца, тем самым подтверждая реальность происходящего. Дождь также усиливает драматизм событий, сигнализируя о том, что происходит что-то очень странное. Дождь может характеризовать и душевное состояние мальчика: «And then it was almost light and rain was dashing against the window as if the house were plunging under water <...> The heavy rain and the tossing branches of rowan tree obscure my view...» (151).

Таким образом пейзажные детали являются не только фоном, на котором разворачиваются события, но также непосредственными их участниками, задающими тон и атмосферу происходящего, отражающими то душевное состояние, в котором находятся герои.

Список литературы

1. Swift G. Chemistry // Contemporary British Stories / Ed. by K. Hewitt. - Oxford: Perspective Publications Ltd, 1994. – С. 142. Здесь и далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
2. Галанов Б.Е. Живопись словом. Портреты. Пейзаж. Вещь. – М.: Сов. Писатель, 1974. – 183 с.
3. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения / Под ред. Е.В. Белова. – М.: Наука, 1998. – С. 76, 75, 82.
4. Фолкнер У. Шум и ярость / Собр. соч. в 6-ти тт. – М., 1985. – Т. 1 – С. 395.
5. Чернец Л.В. Художественная деталь // Русская словесность. – 1997. - №6 – С. 75.

10.02.04

К.А. Журавская канд. филол. наук, А.Е. Кузнецова канд. филол. наук

Санкт-Петербургский государственный университет,
факультет международных отношений,
кафедра иностранных языков,
Санкт-Петербург, k.a.zhuravskaya@mail.ru, alice79@mail.ru

ОБРАЗЫ РАЛЬФА И ДЕДА В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА «CHEMISTRY»

В работе представлены результаты изучения образов Ральфа и Деда в новелле «Chemistry» современного английского писателя Грэма Свифта. Сначала дается определение портрету-впечатлению и психологическому портрету. Ральфа Г. Свифт рисует скорее, как хищное животное, а не как человека. Дед напоминает старика из «Шагреновой кожи» О.Бальзака или мага, имеющего власть над живыми и мертвыми, а также библейского царя Вальтасара.

Ключевые слова: *английский, декодирование, философский.*

Ключевые образы новеллы «Chemistry» английского писателя Грэма Свифта (*Graham Swift*) следует трактовать в духе постмодернизма, поскольку писатель - приверженец этого литературного направления. Из всех форм портретной характеристики здесь превалирует портрет-впечатление, своеобразие которого состоит в том, что портретных черт и деталей здесь «как таковых нет вообще, остается только впечатление, произведенное внешностью героя на стороннего наблюдателя или на персонажей произведения. Важно достигнуть определенного эмоционального впечатления от внешности и сделать заключение о характере...», а также психологический портрет, который «появляется <...> тогда, когда <...> начинает выражать то или иное психологическое состояние, которое персонаж испытывает в данный момент» [4].

Портреты Г. Свифта можно сравнить с портретами Пикассо периода «аналитического кубизма», где человеческое лицо растворяется на сером фоне, а остается видимой только какая-нибудь характерная деталь – ключ, который позволяет разгадать тайну принадлежности портрета, а также – сущности портретируемого.

Наиболее отталкивающий образ в новелле – отчим Ральф: «He was a big man, who ate heartily» [1], «gobbled down his eggs and fried bread» (151), «would drink a lot from the bottles of whisky and vodka» (150). О нем складывается впечатление скорее, как о хищном животном, нежели о человеке. По мере развития сюжета впечатление только усиливается. «Sometimes when Grandfather provoked Ralph I thought Ralf would be capable of jumping to his feet, reaching across the table, seizing Grandfather by the throat and choking him <...> I was often afraid he might hit me. But my Mother somehow kept him in check» (145). Таким образом, уже с самого начала автор дает нам понять, что это животное способно на все, вплоть до убийства. Но... пока его держат в узде: «<...> as we ate supper Ralph suddenly barked, as Grandfather was talking to Mother: “Why don’t you leave her alone?!”

Grandfather looked at him. “Leave her alone? What do you know about being left alone? <...> and Ralf didn’t answer, but his face went tight and his hands clenched on his knife and fork <...> But Ralph only went pale and rigid and stared at Grandfather without moving” (143, 146).

Но вот мать мальчика принимает сторону Ральфа, и он воцаряется в доме, превращая его в берлогу, где только едят, спят и пьют: «The house where Ralph now lorded, tucking it into bigger and bigger meals, was a menacing place» (148).

Отчим действует очень продуманно. Подавив волю матери, он приобретает все большую и большую власть: «The drink made Mother go soft and heavy and blurred and it made Ralph gain in authority. They would slump together on the sofa. One night I watched Ralph pull Mother towards him and hold her in his arms, his big lurching frame almost enveloping her, and Mother <...> looked trapped and helpless» (150).

Конфликт между дедом и Ральфом разрешается убийством деда. Ральф ликует и торжествует, так как теперь он становится единовластным повелителем в доме и семье: «Ralph was with them. He was wearing his dressing gown and pyjamas and slippers over bare feet, and he carried an umbrella. He fussed around the ambulance men like on overseer directing the loading of some vital piece of cargo» (151-152).

Дед, пытавшийся противостоять этой грубой силе зла и насилия, является наиболее сложным образом. Он чем-то сродни бальзаковскому старику из «Шагреневой кожи». Оба говорят философскими афоризмами и даже во внешности есть что-то общее: «Представьте себе, худенького старичка, облаченного в черный бархатный халат <...> На голове у него была бархатная ермолка, тоже черная, из под которой с обеих сторон выбивались длинные седые пряди <...> Халат окутывал тело наподобие простого савана – видно было только лицо, узкое и бледное. Если бы не костлявая, похожая на палку, обернутую в материю, рука <...> можно было бы подумать, что это лицо повисло в воздухе <...> Коварство инквизитора, изобличаемое морщинами, свидетельствовало о глубоком знании жизни. Казалось, человек этот обладает даром угадывать мысли самых скрытных людей и обмануть его невозможно <...> Старик стоял неподвижный, непоколебимый, как звезда, окруженная светлой мглой» [2].

Г. Свифт рисует своего героя более скупыми деталями. Все, что становится известно из описания его внешности: «He was standing in his black overcoat and his grey scarf» (153), «his hands were knotted, veiny and mottled from an accident in one of his chemical experiments» (142-143). Одевание довольно мрачноватое. Воображение сразу рисует его, как средневекового алхимика или мага в черной мантии, одержимого поисками философского камня или эликсира жизни.

Но, помимо скудного описания внешности, существует еще одно, более загадочное, более подходящее для мага, обладающего огромной властью над людьми, описание: «For some reasons it was always Grandfather, never I, who went to the far side. When he reached his station I would hear his “Ready!” across the water. A puff of vapour would rise from his lips like the smoke from a muffled pistol. And I would release the launch <...> As it moved it seemed that it followed an actual existing line between Grandfather, myself and Mother, as if Grandfather were pulling us towards him on some invisible cord, and that he had to do this to prove we were not beyond his reach» (142).

В первой части описания автор подсказывает, что выкрик “Ready!”, вылетающий с клубами пара и заставляющий мальчика опустить лодку на воду, очень похож на метко сделанный выстрел. И то, что именно дедушка уходит в дальний конец пруда и командует оттуда, и то, что именно мальчик опускает лодку, и она, твердо держась курса, плывет к дедушке не может не иметь символического значения. Быть может, под этим подразумевается то, что связь не теряется, ибо дед напоминает о себе, появляясь в воображении мальчика, своего ученика, а тот, в свою очередь, отвечает тем, что туда, далеко, свои воспоминания, мысли...

Во второй части описания показано, что именно от деда протягиваются эти невидимые нити, связывающие всю семью.

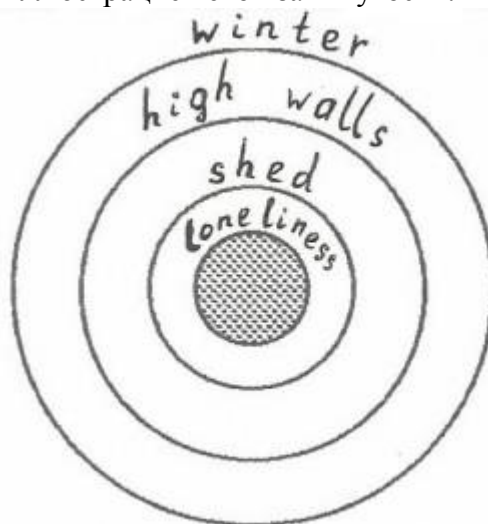
Итак, дед, как маг, обладает особой властью над живыми. Автор тонко намекает, что, может быть, над мертвыми тоже: «<...> it was somewhere where grandfather went to be alone, undisturbed, to commune perhaps, in some obscure way, with my dead grandmother» (147).

Но, несмотря на то, что он обладает властью над людьми, старик замкнут и одинок. Здесь уместно сказать несколько слов о замкнутости в новелле вообще.

Во-первых, семья отгорожена от окружающего мира внешними условиями: «We would go even in the winter – especially in the winter because then we would have the pond to ourselves...» (142). Во-вторых, парк, где находится дедов дом, окружен высокой стеной, а ворота на ночь запираются. В-третьих, сам дед обитает в мастерской, куда и мальчик-то не решается долгое время входить.

И, наконец, дед был очень одинок, а это значит, что душевно он тоже был отчужден от других людей, но лишь до того вечера, в который мальчик пришел к нему, увидев, что «his invitation, his loneliness were written in a form only I could read on the dark green door. And when I opened it he said: “I thought you would come» (147).

Следующая схема служит иллюстрацией этой замкнутости.

«Loneliness written <...> on the door» напоминает другой символ, библейский, а именно: письма на стене, явленные царю Валтасару, который «славил богов золотых и серебряных, медных и железных» [3], но не живого Бога и которому было предсказано, что в наказание за гордыню и несмирение его царствованию будет положен конец. Немаловажен и тот факт, что в ночь предсказания «Вальтасар, царь Халдейский был убит» [3].

Параллель, конечно, довольно условная. Хотя идола «золотые и серебряные, медные и железные» и работа деда «gold-plating», а также любительская химия с «green vitrol», «alum and copper sulphate crystals», могут быть в какой-то степени связаны друг с другом, не говоря уже об убийстве и конце царствования...

С приходом постмодернизма в литературу привычные каноны, по которым строилось литературное произведение, рушатся.

Фрагментарность повествования, недорисованность портретов приводит к тому, что роль единичной детали возрастает, ибо она становится ключом к пониманию целого. Но помимо этого на нее наслаивается такое количество символических смыслов, которые требуют более, чем пристального и тщательного рассмотрения, анализа и декодирования.

Список литературы

1. Swift G. Chemistry // Contemporary British Stories / Ed. by K. Hewitt. - Oxford: Perspective Publications Ltd, 1994. – С. 145. Здесь и далее цитируется это издание с указанием страниц в тексте.
2. Бальзак О. Человеческая комедия; Философские этюды; Шагреневая кожа / Под ред. О. Лозовецкого. – М.: Худож. лит. – 1980. – С. 40.
3. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. М.: Российское библейское общество. – 1992. – С. 869.
4. Есин А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения / Под ред. Е.В. Белова. – М.: Наука, 1998. – С. 79.

10.02.04

Ю.А. Зеремская канд. филол. наук, О.В. Солодовникова канд. филос. наук

Томский политехнический университет,
школа базовой инженерной подготовки,
отделение иностранных языков,
Томск, zeremskaya@tpu.ru

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЦВЕТОВЫМ КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Сегодня большой интерес вызывают фразеологические единицы, содержащие в своем составе лексемы, обозначающие цвет, обладающие многозначностью по своей семантике, и благодаря этому, помогающие раскрыть менталитет и особенности духовной и культурной жизни носителей языка. В данной работе представлены результаты проведенного анализа фразеологических единиц с компонентом «red» и выявлены их структурно-грамматические особенности и сематическая слитность.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, цветоименование, лексема «красный», современный английский язык.*

В последнее время лингвисты проявляют огромный интерес к фразеологическим единицам (ФЕ), содержащим лексическим компонент, обозначающий тот или иной цвет, так как именно ФЕ наиболее ярко раскрывают жизнь, верования и традиции народа, и без изучения и понимания данных единиц невозможно полностью овладеть иностранным языком. По словам Р.М. Ефимовой, воздействие цветовой палитры на мировоззрение человека было замечено уже очень давно, так как именно цветовые лексемы наиболее ярко нашли свое отражение в сказках и мифах. И именно цветовое восприятие действительности наиболее ярко представлено фразеологизмами [2].

В данной работе мы рассматриваем ФЕ с компонентом «red» («красный») в современном английском языке. **Актуальность** данной работы заключается, во-первых, в широком распространении ФЕ в языке; во-вторых, данные словосочетания помогают раскрыть менталитет и особенности духовной и культурной жизни носителей языка.

Целью данной работы является лексико-семантическое описание ФЕ с компонентом «red». Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**: собрать ФЕ с компонентом «red», выявить структурно-грамматические особенности ФЕ с компонентом «red» и их сематическую слитность.

Объектом исследования являются ФЕ с компонентом «red» в современном английском языке, а **предметом** - лексико-семантические особенности данных ФЕ. **Материалом** для исследования послужили английские фразеологические единицы с компонентом «red» (38 единиц), собранные путем сплошной выборки из английских словарей. В данной работе были использованы метод сплошной выборки, описательный метод, метод количественного анализа.

В английском языке семантическое значение «red» раскрывается как «цвет крови», «цвет меди», данная лексема имеет индо-европейскую основу, ср. *gaudas* (литовский язык), *got* (древне-немецкий язык), *read* (древне-английский язык) [3]. Говоря о красном цвете, можно отметить, что есть только несколько ФЕ, несущих положительное значение (*red-letter day* «праздничный день», *red carpet* «красный ковер (знак особого уважения и специальных почестей)» и *red carpet treatment* «почётный приём»). Словосочетание *red carpet* является символом уважения и защиты. Большая часть ФЕ с данным компонентом несет негативный оттенок, ср. *red light* «сигнал опасности», *red alert* «тревога, опасность», *see the red light* «замечать опасность», причем идиомы с компонентом «red» имеют значение «опасность» [7]. Согласно Оксфордскому словарю, красный цвет ассоциируется с опасностью, огнем, энергией, агрессией, праздником, молодостью [5].

Фразеологические единицы классифицируются на разных основаниях (семантическая слитность, структура и этимология, стилистика). В нашей работе мы рассматриваем в качестве основания классификации семантическую слитность.

При описании фразеологической слитности, В.В. Виноградов предложил три типа ФЕ: фразеологические сращения (абсолютно неделимые сочетания слов); фразеологические единства (сочетания слов, сохраняющие семантическую раздельность слов); фразеологические сочетания (словосочетания, включающие слова, сохраняющие семантическую самостоятельность) [1]. Позднее Н.М. Шанский выделяет еще одну группу – фразеологические выражения (словосочетания слов, которые воспринимаются как готовые речевые единицы) [6].

По количественному соотношению все ФЕ с компонентом «red», рассмотренные в работе, можно разделить на следующие группы:

- 1) фразеологические выражения (11%);
- 2) фразеологические сращения (68%), ср. *be in the red* «нести убытки», *see red* «рассвирепеть»;
- 3) фразеологические единства (5%), ср. *red tide* «красный прилив», *red mist* «красная пелена (перед глазами)»;
- 4) фразеологические сочетания (16%), ср. *red state* «штат, голосующий за республиканцев», *red-eye flight* «ночной авиарейс».

Интерес представляют фразеологические выражения, ср. *Better dead than red* «Лучше быть мертвым, чем красным» (американское выражение, берущее свое начало в период холодной войны); *Reds under the bed* «Красные близко» (иронический намек на навязчивую идею некоторых людей о том, что красные (коммунисты) повсюду замышляют насильственную революцию) [8]; *neither fish, flesh, nor good red herring* «ни рыба, ни мясо» / «ни то ни сё»; *Red sky at night, shepherd's delight. Red sky in the morning, shepherd's warning* (в данной пословице слово *shepherd* часто заменяется на *sailor*) «Если небо красно к вечеру, пастуху/моряку бояться нечего. Если небо красно поутру, пастуху / моряку не по нутру» (Есть письменная версия в Евангелии от Матфея XVI в Библии Виклифа, начиная с 1395 года) [9].

Анализируя семантические особенности фразеологизмов с компонентом «red», С.В. Кулинская в своей работе выделяет следующие значения во фразеологических единицах:

- 1) революционный;
- 2) опасный, запрещающий, враждебный;
- 3) смущенный, раздражающий, яростный;
- 4) служащий, профессиональный;
- 5) красивый, привлекательный;
- 6) праздничный;
- 7) убыточный;
- 8) преступный.

Проведя семантический анализ 38 фразеологических единиц с компонентом «red», мы выделили три большие группы: ФЕ с положительным, с отрицательным и с нейтральным значениями:

- 1) Положительное значение:
 - смущение (*give someone a red face*);
 - молодость (*as red as cherry/rose* «кровь с молоком», *red-blooded* «мужественный/активный»);
 - экономическое благополучие (*be out of the red* «погасить все долги»);
 - праздник (*paint the town red* «пуститься во все тяжкие»);
 - торжество (*put out the red carpet, roll out the red carpet* «встречать с почестями/принять по высшему разряду», *red carpet treatment* «торжественный прием», *a red-letter day* «праздничный день»);

- модный/классный (red hot «модный, клевый»);
- правда (red pill «пилюля правды», red-pilled «прозревший»).

2) отрицательное значение:

- финансовые проблемы (be in the red «нести убытки», not a red cent «ни гроша»;
- тревога/опасность (raise a red flag «бить тревогу», see red light «предчувствовать приближение беды»);
- раздражение (a red flag to a bull «раздражающий фактор», red in the face «багровый (от гнева, напряжения)», red mist «красная пелена (перед глазами)», see red «обезумить/сорваться с цепи»);
- преступление (a red herring «уловка/подвох», catch one red-handed «поймать кого-либо с поличным»);
- бюрократия (red tape «волокичество», cut through red tape «преодолеть бюрократические проволочки»).

3) нейтральное значение:

- путешествие (red-eye flight «ночной авиарейс»);
- политика (red state «штат, голосующий за республиканцев», Reds under the bed «Красные близко»);
- природа (red tide «красный прилив (цветение воды, вызванное присутствием динофлагелл)»).

С точки зрения структурных особенностей, фразеологические единицы могут подразделяться на следующие типы: глагольные, субстантивированные, адъективные, адverbиальные и междометные [4]. ФЕ с компонентом «red» представлены глагольными, субстантивными, адъективными структурными типам.

Наиболее ярко данная группа (ФЕ с компонентом «red») представлена субстантивными ФЕ, где ключевым словом является существительное. Например, a red flag «тревожный признак/звоночек», ср. The fallen trees along the road raised a red flag for the safety inspectors (Упавшие деревья вдоль дороги послужили тревожным сигналом для инспекторов безопасности); red herring «уловка», «отвлекающий маневр», ср. The police followed a red herring while they let the true criminal escape (Полиция повелась на отвлекающий маневр, пока настоящие преступники убегали); red mist «красная пелена (перед глазами)», ср. The red mist descended, I wanted to kill him (Кровавая пелена застилала мне глаза, я хотел его убить). Примеры подтверждают, что ФЕ с компонентом «red» очень часто несут негативный оттенок (red in the face «багровый от гнева», red tape «казенщина»). Вместе с тем, среди субстантивных ФЕ имеются также примеры с положительным оттенком, ср. red pill «прививка правды», red wave «крутая волна», red carpet treatment «торжественный прием».

Ко второй по численности группе можно отнести глагольные фразеологические единицы с компонентом «red». К ним относятся ФЕ, выполняющие функцию глагола, ср. pain the town red «пуститься во все тяжкие», «уйти в загул», ср. They're all worried their wives or husbands will know they've been out painting the town red (Все боятся, что их жены или мужья узнают, что они всюду развлекаются); put out the red carpet for smb. «встретить с почестями», «торжественно встретить», ср. We're just popping by for a cup of tea and a quick catch-up, no need to put out the red carpet! (Мы собираемся заскочить на минутку и быстро обменяться информацией, нет никакой необходимости в торжественном приеме). Следует отметить, что в данной группе есть ФЕ как с положительным оттенком, ср. put out the red carpet for smb. «встретить с почестями», так и с негативным оттенком, ср. raise a red flag «бить тревогу» - In the Madoff case, we were looking at missing funds in excess of \$65 billion, so excuse me if two million didn't raise a red flag (В деле Мэдоффа мы искали пропавшие 65 миллиардов, извините, что не забили тревогу из-за 2 миллионов).

К третьей группе можно отнести адъективные ФЕ, выполняющие роль прилагательных, ср. red hot «популярный», «модный» - This doll is red hot right now—I just can't keep it in stock (Эта кукла популярна (вызывает большой интерес) на сегодняшний день – У меня ее нет на складе), или The stock market is a red hot issue right now (Сегодня фондовый рынок - это

важная проблема); red-eye flight «ночной рейс» - We had to catch the red-eye flight last night, and I'm completely exhausted now (Вчера мы были вынуждены лететь ночным авиарейсом, и теперь я полностью истощен).

В заключение хотелось бы отметить, что ФЕ с компонентом «red» имеют как позитивное, так и негативное значение приблизительно в равном соотношении. Наиболее яркие лексические поля «политика» и «эмоция», в лексическом поле «политика» данный компонент можно соотнести с лексемой «коммунист»; если говорить о поле «эмоции», то red ассоциируется чаще с гневом. Рассматривая классы ФЕ с компонентом «red», можно отметить, что наиболее ярко представлены субстантивная и глагольная группы (74%); а по семантической слитности ФЕ наиболее выражена группа «фразеологическое сращение» (68%) и наименее выражена – «фразеологические единства» (5%). Изучение данных ФЕ представляется, несомненно, важным для понимания современного английского языка, так как весьма часто они являются фразеологическими выражениями пословиц и крылатых выражений.

Список литературы

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1986. 161 с.
2. *Ефимова Р.М.* Цветовые фразеологизмы в немецком, английском и русском языках. URL: https://pglu.ru/upload/iblock/07d/uch_2014_iii_27.pdf (дата обращения 15.10.2019)
3. *Кулинская С.В.* Фразеологические единицы и пословицы с компонентом «красный цвет» и их отражение в языковой картине мира (на примере русского, английского и французского языков). Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 1(27). С. 129-132.
4. *Махмутова А.Р.* Структурно-грамматические особенности фразеологических единиц с полярной семантикой в современном русском языке. Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Киров, 2011. № 1-2 С. 41- 45.
5. *Праченко О.В.* Семантика фразеологизмов и пословиц с компонентом «цвет» (на материале русского и английского языков). Русская и сопоставительная филология. 2003. С. 57-60 <http://old.kpfu.ru/fil/kn2/index.php?sod=12> (дата обращения 07.10.2019)
6. *Прыткова К.М.* Классификация фразеологизмов в английском языке. URL: <https://pglu.ru/upload/iblock/e88/prytкова.pdf> (дата обращения 09.10.2019)
7. Basic colour terms in English. URL: https://lib.ugent.be/fulltxt/RUG01/001/414/116/RUG01-001414116_2010_0001_AC.pdf (дата обращения 11.10.2019)
8. Dictionary of English Idioms & Phrases. URL: <https://www.usingenglish.com/reference/idioms/> (дата обращения 10.10.2019)
9. The phrase finder. URL: <https://www.phrases.org.uk/meanings/red-sky-at-night.html> (дата обращения 15.10.2019)

10.02.04

Н.А. Ладонина канд. ист. наук

Северо-Кавказский горно-металлургический институт
(государственный технологический университет)»,
кафедра иностранных языков,
Владикавказ, natasha-ladonina@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ
В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ НЕСОГЛАСИЯ
(НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ «СТУДЕНТЫ-НОСИТЕЛИ
АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»)**

В статье рассматривается специфика реализации стратегии негативной вежливости в коммуникативных актах несогласия. Автор предпринимает попытку выяснить, какие из предложенных в теории вежливости П. Браун и С. Левинсон речевых тактик - «избегания прямолинейности», «использования вопросительных форм и языковых средств некатегоричности», «выражения почтения», «извинения», «деперсонификации высказывания» и «использования пассивных форм» - наиболее характерны для социальной группы «студенты-носители английского языка».

Ключевые слова: теория вежливости, стратегия негативной вежливости, коммуникативный акт несогласия, речевая тактика, ликоугрожающий акт.

Речевые акты несогласия довольно часто встречаются в повседневной коммуникации и являются неотъемлемой частью публичных дискуссий, телевизионных дебатов, офисных совещаний и частных бесед. Нередко речевое поведение несогласия вызывает у слушателя чувство обиды и, если воспользоваться терминологическим инструментарием основоположников теории вежливости П. Брауна и С. Левинсона, может быть отнесено к категории «ликоугрожающих актов» [1, с. 61]. Согласно их концепции, публичный образ каждого члена общества может быть представлен как «позитивное лицо» (*the positive consistent self-image* – рус. позитивный последовательный образ себя) и как «негативное лицо» (*the basic claim to territories, personal preserves, rights to non-distraction* – рус. основополагающее право на собственное пространство, самозащиту, на невмешательство) [1, с. 61]. Из-за уязвимости «лица» и во избежание возникновения ликоугрожающих актов, участники коммуникации, выражая несогласие, нередко прибегают к стратегии вежливости.

В какой-то мере, речевой акт несогласия подобен акту отказа, так как он тоже представляет собой ответную реплику, находящуюся в «оппозиции» к высказыванию собеседника. Однако, как отмечает М. Сифиану, необходимо учитывать тот факт, что несогласие - это выражение точки зрения, отличающейся от мнения, высказанного другим участником коммуникации. В то время как отказ предполагает коммуникативную ситуацию, в которой адресат в буквальном смысле отказывается делать что-то или принимать какую-то идею. Объектом отрицания в акте несогласия чаще всего является чье-то мнение, а объектом отказа – просьба собеседника [5, с. 1554]. По мнению Д. Кристала, понятие вежливости, подразумевает наличие связанных с определенными нормами социального поведения специальных языковых форм и специфических дискурсивных маркеров [2, с. 297]. Дж. Илен, в свою очередь, уточняет, что изучение вежливости с прагматической и социолингвистической точек зрения вполне обосновано, поскольку именно этот феномен представляет собой связующее звено между языком и социальным миром [3, с. 1]. Поэтому вполне очевидно, что речевые тактики, применяемые коммуникантами в процессе реализации стратегии вежливости при выражении несогласия с собеседником, будут варьировать под влиянием культурных, социальных, гендерных, возрастных и т.д. факторов.

Мы в своем исследовании предприняли попытку выявить особенности реализации стратегии негативной вежливости при выражении несогласия студентами-носителями английского языка в различных формальных и неформальных ситуациях. Под негативной вежливостью мы, вслед за П. Браун и С. Левинсоном, подразумеваем речевое поведение, которое сигнализирует о том, что говорящий пытается соблюсти баланс между выражением солидарности с адресатом и сохранением дистанции между ним и собой, одновременно признавая его право на беспрепятственные действия и автономию [1, с. 2]. В силу того, что негативная вежливость основана на речевом «самоограничении», она способствует выражению формальности, сдержанности и установлению дистанции между участниками коммуникации. Стратегия негативной вежливости часто встречается в таких коммуникативных ситуациях как разговор с начальником или с человеком, занимающим более высокую ступень на социальной лестнице, чем адресант. Однако она может применяться и в случае «симметричного» социального статуса коммуникантов, стремящихся сохранять дистанцию и оставаться «на расстоянии» [1, с. 250]. Согласно теории П. Браун и С. Левинсон, стратегия негативной вежливости может быть реализована посредством таких речевых тактик как «избегание прямолинейности», «использование вопросительных форм и языковых средств некатегоричности», «выражение почтения», «извинения», «деперсонализации высказывания» и «использования пассивных форм» [1, с. 131]. Тем не менее, не все из вышеперечисленных речевых тактик стратегии негативной вежливости применяются в рамках интересующей нас группы студентов-носителей английского языка. Согласно результатам исследования Н. Хоируниса и Т. Харджанто, наибольшей степенью рекуррентности могут быть отмечены тактики: «использования вопросительных форм и языковых средств некатегоричности», «выражения почтения» и «извинения» [4, с. 22].

Мы предприняли попытку проиллюстрировать способы реализации данных речевых тактик. Рассмотрим коммуникативную ситуацию, в которой была применена тактика использования вопросительных форм и языковых средств некатегоричности.

Студент сдал контрольную работу вместе со всеми, но, когда преподаватель на следующем занятии раздавал проверенные им работы, его контрольной среди них не оказалось, и преподаватель поставил ему «неудовлетворительно». Студент обращается к преподавателю: *Can you please check again? I swear that I sent the paper to you on Monday* (рус. Не могли бы вы проверить еще раз? Клянусь, что я сдал Вам работу в понедельник). Применение стратегии негативной вежливости здесь вполне обосновано тем фактом, что преподаватель имеет более высокий статус и, соответственно, в ходе реализации коммуникативного акта несогласия студент, заявляя о несправедливо поставленной ему оценке, понимает, что дистанция между ними должна сохраниться. Само предложение *Can you please check again?*, с точки зрения стратегии негативной вежливости, должно рассматриваться в большей мере как пропозиция, а не как простой вопрос. Более того, оно выполняет функцию смягчения категоричности последующей фразы *I swear that I sent the paper to you on Monday*, представляющей коммуникативный акт несогласия, просьбой поискать потерянную контрольную работу.

Для иллюстрирования применения речевой тактики выражения почтения как части общей стратегии негативной вежливости в рамках коммуникативного акта несогласия мы еще раз обратились к вышеописанной коммуникативной ситуации с потерянной контрольной работой. Однако на этот раз студент при обращении к преподавателю применяет следующий коммуникативный ход: *Excuse me, professor, but you received my paper on Monday. I turned it in early in class. Please, check if you have misplaced it* (рус. Извините, профессор, но вы получили мою работу в понедельник. Я сдала его в начале урока. Пожалуйста, проверьте, не потеряли ли Вы ее).

В данном примере применение речевой тактики выражения почтения позволяет студенту избежать ликоугрожающего акта и минимизировать негативный эффект от высказанного им несогласия. Обратившись к преподавателю посредством его ученой степени (*Excuse me, professor...*), он не просто соблюдает этикетные нормы формального обращения, но и

демонстрирует его превосходство и более высокий социальный статус. Соответственно, высказанное им в достаточно категоричной форме утверждение о своей правоте (... *but you received my paper on Monday. I turned it in early in class*) уже не в состоянии нанести серьезный ущерб авторитету преподавателя среди других студентов. Чтобы закрепить полученный эффект от примененного им акта несогласия, студент обращается к профессору с вежливой просьбой удостовериться в том, что он может быть неправ (*Please, check if you have misplaced it*).

Следующая коммуникативная ситуация, на примере которой мы хотели бы проиллюстрировать специфику реализации стратегии негативной вежливости в рамках коммуникативного акта несогласия, происходит в более неформальной обстановке – в ресторане. Студенту, выбирающему себе блюдо из меню, официант весьма настойчиво предлагает заказать крем-суп из тунца. Студент выражает несогласие с его рекомендацией: *I really don't like fish I'm sorry, is there anything else?* (рус. Я действительно не люблю рыбу, простите, есть что-нибудь еще?). В данном примере мы можем наблюдать, как студент применяет тактику извинения во избежание создания «угрозы негативному лицу слушающего». Выразив вначале категорическое несогласие с предложением официанта (*I really don't like fish*), он пытается компенсировать возникшую возможность ликоугрожающего акта сначала извинением (*I'm sorry*), а затем предложением поиска компромисса (*is there anything else?*).

Таким образом, мы продемонстрировали, что стратегия негативной вежливости в коммуникативных актах несогласия в рамках социальной группы «студенты-носители английского языка» реализуется посредством речевых тактик использования вопросительных форм и языковых средств некатегоричности, выражения почтения и извинения.

Список литературы

1. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 17th ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1987 (1978). 345 p.
2. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. (4th ed.). Great Britain: Blackwell publishers Ltd., 1997. 426 p.
3. Eelen G. A Critique of Politeness Theories. Manchester: St Jerome. St. Jerome Pub., 2001. 280 p.
4. Khoirunnisa N.Y.L., Hardjanto T.D. Politeness Strategies of Disagreement by English Native Speaker Students // Lexicon. Volume 5. Number 1. April, 2018. Pp. 19-27.
5. Sifianou M. Disagreement, face and politeness // Journal of Pragmatics. Number 44 (12). 2012. Pp. 1554-1564.

10.02.04

¹Л.Н. Мирошниченко, ²Е.Н. Мусаелян канд. педагог. наук,
³О.Н. Ярыгина, ²А.В. Марков

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
¹кафедра второго иностранного языка,
²кафедра иностранных языков,
³кафедра английского языка и методики преподавания,
Белгород, Miroshnichenko_l@bsu.edu.ru, musaelian@bsu.edu.ru,
yarygina@bsu.edu.ru, markov@bsu.edu.ru

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В СПОРТИВНОЙ ОБЛАСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются когнитивные основы заимствования как одного из способа терминообразования. На материале спортивных терминов, заимствованных в немецкий язык, анализируются различные модели формирования профессиональных концептов, для актуализации которых используются как иноязычные вербализаторы, так и собственные языковые единицы.

Ключевые слова: *терминообразование, терминологическое заимствование, когнитивное терминоведение, спортивная лексика.*

В пополнении словарного фонда различных языков наиболее продуктивную часть представляют термины, обслуживающие не только потребности отдельных наук, но и проникающие в общеупотребительную лексику. В связи с этим терминологические проблемы приобретают особую значимость в процессе развития национальных языков.

Развитие терминоведения как лингвистической дисциплины началось в конце 20-х гг. XX века [4], то есть имеет уже вековую традицию. Вопросы теоретического терминоведения, объясняющие различные аспекты формирования и функционирования термина, являются объектами научного поиска в многочисленных работах отечественных лингвистов. Зародившийся в лингвистике в конце XX века когнитивный ракурс лингвистических исследований позволяет изучить закономерности развития и употребления терминов с учетом их роли в научном познании и мышлении человека.

Традиционно в лингвистике под терминообразованием понимается совокупность различных формальных и смысловых механизмов формирования терминов, включающих семантические, морфологические и синтаксические способы. При данном подходе межъязыковое терминологическое заимствование представляет собой «семантический способ образования терминов, поскольку в большинстве случаев заимствование терминов сопровождается изменением их значения» [2], что позволяет классифицировать заимствования на материальное заимствование, калькирование и смешанное заимствование [2].

Когнитивный подход в терминоведении определяет процессы терминообразования как определенные операции над когнитивными структурами, репрезентированными термином как языковым знаком, т.е. как «определенные трансформации структуры стоящих за термином единиц сознания» [3]. Такое понимание трактует процесс межъязыкового заимствования как «взаимодействие двух концептуальных пространств, результатом которого становится заимствованный концепт или концептуальная структура» [1].

Следует отметить, что за иноязычным заимствованием в профессиональной среде стоит профессиональный концепт (или понятие), который появляется и эволюционирует в течение целенаправленной профессиональной деятельности. Под профессиональным концептом понимается «структура знания, связанная с содержанием профессионального опыта» [1].

Следовательно, заимствованный термин выступает как языковое средство объективации определенной структуры профессионального знания и опыта, актуального для принимающей культуры.

Таким образом, заимствование как способ терминообразования следует анализировать в тесной связи с теми смыслами, которые транслируют заимствованные термины. Данный вывод приводит к заключению, что сам термин «заимствование» в процессе терминообразования может характеризовать два различных феномена: 1) формирование нового или развитие уже существовавшего в языке-реципиенте определенного профессионального концепта; 2) средство репрезентации заимствованного или уже существовавшего в принимающем языке профессионального концепта, то есть «терминологическое заимствование» может рассматриваться как процесс и как результат данного процесса.

На примере спортивной терминологии немецкого языка рассмотрим особенности заимствования как способа терминообразования в профессиональной сфере спорта. Материалом для исследования послужили дефиниционные толкования спортивных терминов, заимствованных в немецкий язык.

С нашей точки зрения, наиболее распространенным способом терминообразования в спортивной сфере немецкого языка является появление в языке-реципиенте нового концепта вместе с иноязычным вербализатором языка-донора. На примере англицизма «Fight» определим когнитивные особенности заимствования в спортивную терминологию немецкого языка на основе данной модели.

Лексема «Fight» представляет собой в немецком языке прямое заимствование из английского языка. Согласно этимологическому словарю Duden - Das Herkunftswörterbuch, существительное было заимствовано в XX веке и означает «*verbissener geführter Kampf; Boxkampf*» (*упорный бой; боксерский поединок*). В немецком языке на основе данного существительного сформированы производные единицы: *fighten* «*boxen, kämpfen*» (*боксировать, бороться*) (от англ. *to fight*); *Fighter* «*Kämpfer[natur]; Boxer*» (*борец; боксер*) (от англ. *fighter*) [5]. В английском языке этимологически существительное «*fight*» восходит к древне-англ. *feohte, gefeoht* «*a fight, combat, hostile encounter*» (*борьба, бой, враждебное столкновение*) [6]. В значении «*power or inclination to fight*» (*способность или склонность к борьбе*) слово используется с 1812 года.

Сравнительный анализ современных дефиниционных толкований данного термина в английском и немецком языках показывает, что в языке-доноре и в языке-реципиенте лексема «*fight*» вербализует профессиональный концепт, имеющий следующее понятийное содержание: спортивное событие по боксу или определенному виду боевых искусств, при котором участники состязания наносят удары кулаками в специальных перчатках согласно предписанным правилам, прилагая физическую силу. Формирование понятийного компонента профессионального концепта «*FIGHT*» в сфере спорта, т.е. процесс терминообразования, осуществлялся на основе существовавшего в английском языке концепта «*FIGHT*», представленного следующими концептуальными признаками: «*a hostile or argumentative situation*» (*враждебная или спорная ситуация*), «*meeting*» (*встреча*), «*opposing parties*» (*противостоящие стороны*), «*a large sustained fight*» (*длительная борьба*), «*organized armed forces*» (*организованные вооруженные силы*), «*an exchange of opposite views*» (*обмениваться противоположными точками зрения*), «*disagreement*» (*несогласие*). Данные концептуальные признаки репрезентируют образный и категориальный компоненты в структуре профессионального концепта «*FIGHT*» в языке-источнике (бокс – борьба, враг, спор, встреча и т.д.). В структуре немецкоязычного профессионального концепта «*FIGHT*» присутствуют такие же понятийные, образные и категориальные признаки, как и в языке-доноре, то есть в результате заимствования профессионального концепта в языке-реципиенте появляется профессиональный концепт, эквивалентный по концептуальному содержанию с языком-источником и его вербализация осуществляется с помощью лексемы, которая по формальным признакам (орфографическим, фонетическим, морфологическим) полностью

совпадает с аналогичным номинатором в языке-доноре. Терминообразование лексемы «Fight» и формирование профессионального концепта происходит в английском языке, а в немецкий язык заимствуется уже готовый профессиональный концепт вместе с его вербализатором. Иноязычный вербализатор «Fight» в немецком языке выступает основой для формирования производных слов: *fighten*, *Fighter*, *Fighterin*, *WM-Fight* (*Weltmeisterschaft-Fight*), *Infight*, *Fighting-System*, *Fighting-Wettkampf*, *Fight-Wettkampf*, *Fight Club*.

Помимо описанной модели терминообразования, основанной на появлении в языке-реципиенте нового профессионального концепта вместе с иноязычным вербализатором языка-донора, нами были выделены следующие возможные модели: развитие уже существовавшего в языке-реципиенте профессионального концепта с использованием иноязычного вербализатора (или его элемента) языка-донора, а так же появление в языке-реципиенте нового профессионального концепта, вербализуемого собственными языковыми средствами. Рассмотрение особенностей заимствований в процессе терминообразования с когнитивных позиций позволяет дополнить традиционное понимание данного процесса как преобразований в семантическом поле заимствованной лексемы с помощью анализа смыслов, транслируемых заимствованными терминами и собственными языковыми единицами языка-реципиента.

Список литературы

1. Голованова Е.И. Введение в когнитивное терминоведение : учебное пособие. – М.: Флинта, Наука, 2011. – С. 108.
2. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 124, 154-155.
3. Кожанов Д.А. Новые подходы к определению сущности терми-нав когнитивно-дискурсивных исследованиях. – Горно-Алтайск: Редакция международного научного журнала «Мир науки, культуры, образования», 2008. – №5 (12). – С. 46.
4. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. – Изд. 5-е, испр. и доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – С. 16.
5. Duden. *Das Herkunftswörterbuch* [Elektronische Ressource] / Duden-Bibliothek.– Version 5.2.1. – 4. Aufl. – Mannheim, 2007. – (CD-ROM).
6. *Online Etymology Dictionary* [Electronic resource] / compos. Douglas Harper. – San Antonio, 2001-2013. – URL: <http://www.etymonline.com> (Дата обращения 14.02.2020).

10.02.04

**З.А. Мотыгуллина канд. филол. наук, Л.А. Нургалиева канд. филол. наук,
Э.А. Хабибуллина канд. филол. наук, А.Ю. Гиниятуллина канд. филол. наук**

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Институт международных отношений,
кафедра иностранных языков в сфере международных отношений,
Zuhra711@yandex.ru, lei.pandora@gmail.com, esaidasheva@rambler.ru,
also.giniyatullina.2016@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу ударения в типологически неродственных языках, а именно английском и татарском, так как наиболее ценные результаты исследования обнаруживаются при сопоставлении языков. Целью данной статьи является выявление, как различий, так и общих черт ударения в рассматриваемых языках. Данная статья рассматривает различные виды ударения в английском и татарском языках. Материалы могут быть полезны фонетистам, лингвистам для изучения истории языков и языкового взгляда на мир.

Ключевые слова: язык, лингвистика, лексическая единица, сопоставительное языкознание, фонетика, культура, ударение.

Сопоставительное исследование разноструктурных языков прочно утвердилось, как одно из центральных направлений в науке о языке несколько десятилетий назад и не теряет своей актуальности по сей день.

Татарский и английский языки, как известно, относятся к различным группам как по генетической, так и по типологической характеристике. Татарский язык является представителем тюркской ветви алтайской семьи языков, точнее, относится к кипчакско-булгарской подгруппе кипчакской группы тюркских языков. Английский язык входит в западногерманскую подгруппу ветви индоевропейских языков.

Как отмечает профессор Хисамова В.Н. [2] "...как бы ни были тесны взаимодействия тюркских языков, в том числе и татарского с русским языком, там не обнаруживается столько типологических схождений, как в английском и татарском языках."

Среди тех уровней, которые образуют сложную иерархическую структуру языка, фонологический уровень должен быть назван первым. Наряду с фонемами и их вариантами, к фонологическому уровню относятся сверхсегментные, или суперсегментные единицы, под которыми обычно понимаются ударение и интонация.

Под ударением понимается выделение различными фонетическими средствами одного из слогов в составе слова или словосочетания.

Под типом ударения, согласно проф. Аракину В.Д. [1] следует понимать некоторую устойчивую совокупность структурно-акустических признаков, характеризующих данное ударение как суперсегментное фонологическое средство. Эти признаки характеризуют основные стороны ударения и вытекают из следующих свойств ударения: 1) природа ударения; 2) место ударения в слове; 3) качество ударения; 4) функция ударения.

По своей природе ударение в сопоставляемых языках сходно, так как оно в основном является силовым, или динамическим, с той только разницей, что в английском ударении преобладает высотный компонент, а в татарском – квантитативный.

Ударение в татарском языке мало влияет на качественную сторону. Это характерно для многих тюркских языков.

Татарский язык относится к языкам со связанным (или одноместным) ударением – словесное ударение в нем, как правило, падает на последний слог. В то же время это ударение подвижное – при присоединении аффиксов к словам ударение передвигается дальше к концу слова: ат – атлар – атлары- атларына.

Слова, заимствованные в более раннюю пору, приспособляясь к законам татарского языка, изменяли и свое ударение: деготь – дегет, мочало – мунчала.ф

Более поздние заимствования сохраняют ударения оригинала, и если у них ударение не на конце слова, то при прибавлении аффиксов оно остается на своем месте (автор – авторлар - авторларга), а если эти слова с ударением на конце слова, то они при аффиксации переносят свое ударение на последний аффикс (совет – советлар - советларга).

Некоторые слова татарского языка имеют связанное ударение на первом слоге:

а) формы второго лица повелительного наклонения: атла (шагай), эшлэgez (работайте), утырыгыз (садитесь);

б) вопросительные, определительные, отрицательные местоимения: кайсы (который), барлык (весь), беркайчан (никогда), шундый, мондый (такой);

в) большинство союзов: бары (лишь), ягъни (значит);

г) некоторые наречия: байтак (довольно много), гаять (очень), һаман (все еще).

Надо отметить, что большинство слов, входящих в последние две группы, являются заимствованиями из арабского и персидского языков, и есть основание полагать, что они сохраняют ударение оригинала.

Татарскому языку также свойственно такое явление, как вариантность ударения, т.е. возможности различного ударения в одном и том же слове. Иногда колебания в ударении находятся в пределах литературной нормы: существуют варианты одного и того же слова при отсутствии какой-либо дифференциации между ними. Сюда относятся, например, такие варианты как бармаска' - бар'маска, килмэскэ' – кил'мэскэ и др.

Но чаще всего вариативность ударения связана с семантической или стилистической дифференциацией. Например, аффикс множественного числа – лар/-лэр, если он применяется в прямом значении т.е. означает множество предметов или лиц, принимает ударение: Жиелышка энилэр дэ, этилэр дэ килгэн иде (на собрание пришли и мамы, и папы); если этот аффикс применяется для обозначения собирательного значения, ударение не принимает: Авылдан эни'лэр килде (из деревни приехали мама и другие родственники проживающие вместе с ней). Или, например, в наречиях буге'н, бые'л нормативным считается конечное ударение, а вариативное начальное ударение служит для логического выделения: буген (именно сегодня), быел (именно в этом году)

Дублетное произношение ударения может быть связано и с интонацией предложения. Например, при интонации перечисления нормативное конечное ударение переходит на начальный слог.

Некоторые слова в татарском языке не имеют ударения и вместе со словом, несущим на себе ударение, составляют фонетическое слово.

По месту ударения в слове английский и татарский отличаются друг от друга. Английское ударение может в типологическом плане считаться постоянным, или неподвижным, так как подавляющее большинство английских двусложных и трехсложных слов имеют ударение на начальном слоге, что и может рассматриваться как один из типологических признаков системы ударения в этом языке.

Ударение, как правило, сохраняется на том же слоге, если к корневой морфеме прибавляются словообразовательные морфемы: linguistic – linguistics – linguistically, power – powerful.

По мнению В.Д. Аракина [1] относительно ограниченное число слов с ударением на других слогах, кроме первого, не может служить типологическим признаком, поскольку этот признак имеет небольшое распространение в языке.

В английском языке также можно найти случаи изменения места ударения в производных словах, например: industry – industrial; economy – economical. politic – political – politically.

Однако эти случаи очень немногочисленны, и поэтому они типологически несущественны. Для татарского языка такое явление не характерно вообще.

Отличие в типологических признаках обеих систем ударения заключается также и в том, что в английском языке существует отчетливо выраженное вторичное ударение в словах с количеством слогов более четырех, в которых главное ударение падает на второй или третий слог от конца; *international, integration, democratic, liberality*. Второстепенное ударение возникает, как правило, на втором, реже на третьем слоге от слога, несущего главное ударение. Это свойство второстепенного ударения, связанное с ритмическим характером чередования ударных и неударных слогов в слове, существенно отличается от свойств татарского второстепенного ударения, которое, во-первых, по своей силе слабее английского, во-вторых, встречается только в многосложных словах, образованных из двух или более основ.

Профессор Хисамова Ф.М. [3]отмечает, что данное явление свойственно языкам агглютинативного типа.

К изложенному о природе ударения в татарском и английском языках необходимо также добавить, что в связной речи каждый слог в английском языке произносится на определенной высоте, создавая тем самым специфическое музыкальное (мелодическое) ударение.

В татарском языке музыкальное ударение ярко выражено лишь в отдельных его диалектах.

Функции ударения в обоих языках различны. В татарском языке словесное ударение является одним из важнейших фонетических факторов, часто несущем на себе функции смыслоразличительного значения слова. Передвижение ударения в слове может определить его грамматическую категорию, соответственно изменяя и смысловое значение его: например, алма (не бери) – алма (яблоко), тартма (ящик) - тартма (не тени).

Таким образом, типологический анализ помог выявить сходства и различия ударения в сопоставляемых языках. Было установлено, что как в английском, так и в татарском языках ударение может считаться постоянным. Ударение, как правило, сохраняется на том же слоге, если к корневой морфеме прибавляются словообразовательные морфемы.

Список литературы

1. Аракин В.Д. Сравнительная типология английского и русского языков. - М., 2005.- 231р.
2. Хисамова В.Н. Глагольная система татарского и английского языков. – Из-во казанского ун-та, 2004.- 250 р.
3. Хисамова Ф.М. Татар теленен тарихи грамматикасы. Фонетика, морфология. – Казан: Татар.китап.нәшер., 2017.- 183 б.
4. Cruttenden A. Intonation. - Cambridge University Press, 1997. – 380 p.
5. Hirts D. Intonation Systems / D. Hirts, Di Cristo A. Cambridge University Press, 1998. – 255 p.
6. Jones D. An Outline of English Phonetics. – Cambridge, 1960. – P. 247.
7. Leontyeva S.F. A theoretical course of English phonetics. – 1988.- 270 p.
8. Peter Roach . Phonetics. - Oxford University Press, 2010.- 116 p.
9. Vassilyev V.A. English Phonetics: A Theoretical Course. – М., 1970. – P.117.

10.02.04

¹Е.С. Руденко канд. филол. наук, ²Н.Н. Абуева канд. филол. наук,
²З.Б. Темирханова канд. педагог. наук

¹Донской государственный технический университет,
кафедра «Научно-технический перевод и профессиональная коммуникация»,
Ростов-на-Дону, RudenkoElena1988@yadnex.ru,

²Дагестанский государственный технический университет,
кафедра иностранных языков,
Дагестан, najavat_abueva@mail.ru; Zaremaaaa9@mail.ru

ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОНЕТА ГЕНРИ ГОВАРДА “BRITTLE BEAUTY”

Цель настоящей статьи состоит в исследовании авторских интенций, заложенных в текст сонета Генри Говарда “Brittle Beauty”. В результате анализа сонета с учетом культурных ценностей эпохи Ренессанса были выявлены языковые средства, структурирующие смысловое пространство текста и определены его интерпретационные рамки. Авторы приходят к выводу, что правильное истолкование художественного текста невозможно без погружения текста в контекст породившей его культуры.

Ключевые слова: сонет, лингвокультурологическая поэтика, красота.

В лингвистической литературе общепризнанным является положение о теснейшей взаимосвязи языка и культуры. Так, Вильгельм фон Гумбольдт писал: «Среди всех проявлений, посредством которых познается дух и характер народа, только язык и способен выразить самые своеобразные и тончайшие черты народного духа и характера» [2, с. 69].

Особенную важность приобретает лингвокультурный аспект при осмыслении культурного наследия прошлых столетий. Язык – носитель социальной памяти человечества, поэтому правильное истолкование текста как результата художественного познания мира человеком определенной исторической эпохи способствует сохранению накопленных духовных ценностей и продуктивному диалогу культур, что определяет **актуальность** исследований в данном направлении.

Данное исследование проводится в русле лингвокультурологической поэтики, которая «толкует не просто значения слов, из которых состоит текст, но художественное значение всего текста, его художественный смысл» [3, с. 153]

Основной **целью** исследования является выявление и интерпретация авторских смыслов, заложенных в текст сонета Генри Говарда “Brittle Beauty”. Данная цель определила постановку частных **задач**:

1. проанализировать сонет с учетом ценностей эпохи Ренессанса;
2. выявить языковые средства, структурирующие смысловое пространство текста;
3. определить интерпретационные рамки текста.

С наступлением эпохи Ренессанса английские поэты усваивают и развивают идеи гуманизма. Стремясь к более совершенной форме выражения мыслей, они отходят от «вульгарных» традиций позднего средневековья и обращаются к Петрарке и античным авторам. Первым ввел в обиход английской поэзии сонет сэр Томас Уайетт, а *Генри Говард, граф Сарри*, придал сонету форму, названную впоследствии «шекспировской» (три четверостишия и заключительное двустишие с системой рифм: abab cdcd efef gg). В рассматриваемом сонете Генри Говард отклонился от стандартной схемы: строки рифмуются по схеме abab abab abab cc, что обеспечивает более интенсивное течение поэтической мысли:

*Brittle beauty, that Nature made so frail,
Whereof the gift is small, and short the season;
Flowering to-day, to-morrow apt to fail;
Tickle treasure, abhorred of reason:
Dangerous to deal with, vain, of none avail;
Costly in keeping, past not worth two peason;
Slipper in sliding, as is an eel's tail;
Hard to obtain, once gotten, not geason:
Jewel of jeopardy, that peril doth assail;
False and untrue, enticed oft to treason;
Enemy to youth, that most may I bewail;
Ah! bitter sweet, infecting as the poison,
Thou farest as fruit that with the frost is taken;
To-day ready ripe, tomorrow all to-shaken [5].*

Сонет пронизан элегическим настроением от сознания эфемерности, недолговечности красоты, на лексическом уровне этот настрой поддерживается лексемами *brittle, frail, short the season*, а также лексическими показателями времени, цементирующих текст (*to-day, to-morrow*). В рамках одной строки данные показатели «сжимают» пространство времени и задают особые темпоральные параметры текста, нацеленные на усиление художественно-эстетического эффекта (ощущение быстротечности жизни и красоты).

Следующий смысловой «этаж» сонета выстраивается на противопоставлении красоты рассудку (*reason*) и пользе (*avail*). Автор насыщает текст контрастными сравнениями: «*Costly in keeping, past not worth two peason*»; «*Hard to obtain, once gotten, not geason*». Признавая высокий аксиологический статус красоты (*treasure, jewel*), автор одновременно с этим дезавуирует свое отношение к красоте обилием лексики, несущей семантику отрицательной оценки (*not worth two peason, not geason, false and untrue*).

Красота желанна, но обладание ею сопряжено с опасностями (это следующий смысловой «слой» сонета): ***dangerous to deal with, jewel of jeopardy, that peril doth assail, infecting as the poison***. Синонимический ряд с доминантной «*danger*», варьируя степень интенсивности проявления признака (***peril*** – *serious and immediate danger*; ***jeopardy*** – *danger of loss, harm, or failure*) постепенно усиливает духовно-эмоциональное напряжение, которое изливается в возгласе: ***Ah! bitter sweet***.

Стяжение контрастов, рисующих амбивалентность красоты, достигает своего предела в конечных строках сонета, выполняющих резюмирующую функцию (*To-day ready ripe, tomorrow all to-shaken*).

Интерпретация данного сонета отличается противоречивостью и субъективизмом. Так, в работе G.F. Nott (1815), сонету предпосылается следующий заголовок: “*Repulsed by the Fair Geraldine with scorn and cruelty, Surrey inveighs against beauty itself, as a dangerous gift, and one which reason ought not to covet.*” В «Сборнике Тоттеля» (1557), в котором впервые наряду с произведениями других авторов были опубликованы сонеты Говарда, данный заголовок отсутствует. Современная британская поэтесса С. Rumens в рубрике «*Poem of the week*» журнала *The Guardian* совершенно справедливо отмечает отсутствие в сонете гендерной маркированности на лексическом уровне и на этом основании дает расширительное толкование двойственности красоты: «*Since Surrey never assigns a gender to the owner of the beauty, it is of course feasible that he is targeting some less tangible, more politically dangerous, form of duplicity.*» [5]. Далее, развивая свою мысль, С. Rumens еще больше раздвигает границы интерпретации, усматривая скрытую игру слов (*farest – fairest*) в строчке «*Thou farest as fruit that with the frost is taken*»: «*... "farest" might embody the tribute of a pun, a reminder that this hurtful, deceiving beauty was once the fairest.*» [5]. Признавая невозможность извлечения скрытого смысла сонета, С. Rumens воздает должное его художественным достоинствам: «*It's a cleverly unrevealing piece of work, with perhaps some smouldering of*

deeper feeling behind its verbal and rhythmic energy.» [5]. В контрасте с этой рецепцией находится комментарий G.F. Nott, который почитает сонет достойным внимания разве что в качестве иллюстрации душевно-расстроенного состояния, в котором пребывал поэт: «*The piece is imperfect, and not of sufficient merit to be printed. «...» The poem now before us has little merit, and can interest the reader only as it affords a picture of the distressed state of Surrey's mind.*» [4, с. 291]. G.F. Nott критично высказывается в отношении строчки «*Slipper in sliding, as is an eel's tail*», полагая, она лишена эlegantности, но оправдывает этот авторский ход тем, что данное выражение раньше не считалось простонародным (*vulgar*): так, Джефффри Чосер, высмеивая женщин в балладе «*Here followeth a Ballad which Chaucer made in the Praise, or rather Dispraise, of Women for their Doubleness*», остроумно подметил, что только женщины могут удержать змею или скользкого угря по причине двуличности их натуры:

*What man ymay the wind restrain,
Or holden a snake by the tail?
Who may a slipper eel constrain
That it will void withouten fail?* [4, с. 289-290]

В соответствии с постулатами лингвокультурологической поэтики мы считаем необходимым очертить круг ценностных ориентиров, определяющих содержание рассматриваемого сонета. Примат красоты является основополагающим принципом художественного постижения мира эпохи Ренессанса: произведения великих мастеров славили красоту человека, в том числе и красоту человеческого тела. Но наряду с этим, как отмечает академик А.Н. Веселовский, присутствует и «неотвязчивое наслаждение гореваньем», которое Петрарка «зовет *accidia*, заимствуя термин (*acedia*) из учительской практики христианских скитников. «...» это какая-то гнетущая печаль, так подавляющая дух человека, что он теряет охоту ко всякой деятельности (*ut nihil ei agere libeat*)» [1, с. 154]. Нам представляется правильным толковать сонет именно с этих позиций: «гнетущее настроение» составляет художественную условность, которая диктует и отбор образов, и отбор слов. От красоты, референциально соотнесенной в сонете с юностью (*enemy to youth*), перебрасывается «семантический мостик» к жизни, и мучительное понимание обманчивости и преходящести красоты становится «означающим», за которым стоит смысловое наполнение «означаемого» – неизбежность конца, недолговечность жизни.

Таким образом, можно заключить, что правильное истолкование художественного текста невозможно без включения текста в контекст породившей его культуры. Сонет Генри Говарда “*Brittle Beauty*” выдержан в духе Возрождения: за условной поэтической формой угадывается глубоко личное переживание поэта (*Enemy to youth, that most may I bewail*), в основе которого лежит понимание быстротечности красоты и жизни.

Список литературы

1. Веселовский, А.Н. Избранные статьи / Под общ. ред. М.П. Алексеева, В.А. Десницкого, В.М. Жирмунского и А.А. Смирнова. Л.: Художеств. лит., 1939. 572 с.
2. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
3. Маслова В.А. Поэтический текст: новые подходы и решения. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 320 с.
4. Nott G.F. The Works of Henry Howard Earl of Surrey and of Sir Thomas Wyatt The Elder. London: Printed by T. Bensley, 1815. Vol. I. 490 p.
5. Rumens C. Poem of the week: Brittle Beauty by Henry Howard, Earl of Surrey. URL: <https://www.theguardian.com/books/2012/sep/10/poem-week-brittle-beauty-henry-howard> (дата обращения: 05.02.2020).

10.02.04

А.В. Семкова канд. филол. наук, В.А. Войтов

Политехнический институт (филиал) ФГАОУ ВО
"Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова" в г. Мирном,
кафедра английской филологии,
Мирный, semkova1@rambler.ru

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ГОРНОМУ ДЕЛУ)

В работе представлены результаты исследования значений интернационализмов в технической литературе на горную тематику. Исследуются «ложные друзья переводчика» и анализируются наиболее типичные ошибки при их переводе. Выясняются причины некорректного перевода.

Ключевые слова: *интернационализмы, межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика.*

Как известно, в научно-технической литературе особое место занимают интернациональные слова – слова, заимствованные из одного источника, которые имеют графическое и звуковое сходство и, совпадая до некоторой степени по смыслу, составляют как бы общее достояние ряда языков [2]. Как правило, они были заимствованы из латинского или греческого, распространились и имеют структурно-семантическую общность во многих языках разных групп. Например, атом, легальный и т.д. Распространение интернациональных слов в технической и научной литературе объясняется общепонятностью и стремлением унифицировать наиболее распространенную терминологическую лексику во всех языках. Поэтому перевод большинства интернационализмов в технической литературе затруднений не вызывает. Например, demonstrate, monitoring, modification, fabricate, diameter, basic, system, information, breccia, и т.д.

Однако, работая с англоязычными текстами по своей специальности, студенты горного отделения зачастую некорректно переводят интернациональные слова, относящиеся к терминологической лексике. Причина, на наш взгляд, кроется в том, что некоторые интернациональные слова являются так называемыми «ложными друзьями переводчика». Этот термин пришел из французского языкознания и обозначает пару слов в двух языках, похожих по написанию и/или произношению, часто с общим происхождением [4], но отличающихся в значении, что приводит к искажению содержания, ошибкам в лексической сочетаемости, неточностям в передаче стилистической окраски, например, magazine – не магазин, а журнал, piston – не пистон, а поршень, и т.д.

Особую часть ложных друзей переводчика представляют межъязыковые омонимы – это слова обоих языков сходные по звуковой (или графической) форме, но имеющие разные значения [1]. Они возникают, потому что «далеко не все слова, попав в язык-реципиент, сохраняют свои исходные значения. Зачастую слово переживает всякого рода семантические трансформации, и изменения эти чаще всего характерны именно для данного, отдельно взятого языка, либо слова сохраняют значения, с которыми они были заимствованы, однако в языке-источнике эти значения являются или в процессе стали далеко не главными» [3].

Существует два типа межъязыковых омонимов, перевод которых приводит к ошибкам. К первым относятся омонимы с абсолютно разным набором лексических значений. Их можно спутать лишь по причине созвучия, например, украинское слово «вродливый» означает красивый, а созвучное ему русское «уродливый» имеет противоположное значение.

Английское слово «gift» — подарок или одарённость, а в немецком языке данное слово означает — яд, отравка. Вторая группа представлена омонимами, некоторые лексические значения которых совпадают полностью либо частично за счёт наличия общих признаков, позволяющих отнести эти слова с данными значениями к одной сфере употребления. Например, слово «electric» в английском языке означает электрический, тогда как по звучанию оно совпадает с русским «электрик». Оба значения имеют отношение к электричеству, и знание этого факта при одновременном незнании правил словообразования может явиться причиной смешения смыслов во время перевода [3].

Представляется целесообразным проанализировать англоязычные тексты, посвященные горным машинам и оборудованию, и влиянию добычи на экологию и окружающую среду на наличие межъязыковых омонимов. Цель анализа заключается в том, чтобы, во-первых, понять, насколько часто межъязыковые омонимы встречаются в данного рода текстах, во-вторых, выявить какая группа межъязыковых омонимов употребляется чаще и, в-третьих, определить особенности перевода межъязыковых омонимов в контексте горной литературы. В качестве примеров отобраны наиболее часто встречающиеся в технических текстах и, на наш взгляд, вызывающие затруднения при переводе интернационализмы.

В предложении (1) *In order to commercialize these deposits, it is required to construct a pilot plant for an ocean examination for actual proof* [5] находим сразу несколько «ложных друзей переводчика»: *deposit*, *pilot*, *examination* и *actual*. Эти слова по графической и звуковой оболочке совпадают в русском языке со словами *депозит*, *пилот*, *экзамен* и *актуальный*, что и является ловушкой при переводе. Действительно, данные интернациональные слова обладают указанными значениями, но в рассматриваемом контексте, как и в большинстве текстов на горную тематику, их следует переводить как «месторождение, залежь», «пробный, экспериментальный», «исследование» и «фактический» соответственно.

Перевод слов и словосочетаний *constructing*, *collect*, *data*, *engineering test machine* в контексте предложения (2) *Before constructing the pilot plan, we conducted a Mining element engineering test machine in order to collect technical data for mining unit* [5] может вызвать сложность, поскольку они являются полисемичными и могут выступать в тех значениях, в которых они не являются созвучными своим русским омонимам. Слово *constructing* может быть ошибочно переведено как «конструирование», а не «составление», *engineering machine* — как «инженерная машина», *test* — как «тест», хотя в данном контексте корректный перевод всего словосочетания *engineering test machine* — это «испытательная установка». Слово *collect* зачастую переводят как «коллекционировать», а не «собирать, отбирать», а *data* можно спутать с русским омонимом «дата», несмотря на то, что правильный перевод — «данные, информация». Последнее слово *data* отличается от остальных перечисленных тем, что оно относится к первой группе омонимов, когда созвучные слова обладают абсолютно разными значениями.

Очень часто обучающиеся некорректно переводят слово *operation*. Например, в предложении (3) *SMS core sampling operations have been carried out on a trial basis, but large-scale commercial mining with a mining system has not to be attempted because of extreme conditions of the deep sea* [5] и подобных контекстах его целесообразнее перевести как «работы», а не «операции», а словосочетание интернационализмов *extreme conditions* как «экстремальные условия», а не «экстремальные кондиции», а вот слово *commercial* допускает оба перевода: и «промышленный», и «коммерческий», последний из которых созвучен своему русскому омониму. Необходимо отметить, что в некоторых словосочетаниях допускается только перевод «промышленный», например, *commercial mining machine*.

Слово *excavate* следует переводить «рыть, выкапывать», а не «экскаватор»: (4) *In contrast with submarine fluid resources including oil and gas, SMS deposits are commercially available only by excavating, collecting...* [5]. Некорректный перевод является типичной ошибкой, благодаря созвучности этого слова с соответствующим словом в русском языке. По этой же причине можно некорректно перевести слово *submarine*. Исходя из контекста его следует переводить как «подводный», а не «субмарина».

Очень часто студенты некорректно переводят слова *control* и *to control* в технических текстах, исходя из их созвучности с русскими интернационализмами «контроль», «контролировать», а также из того, что данные английские слова обладают этими значениями. Действительно, иногда они так и переводятся: (5) The grain sizes of the pulverized samples were stable and *controlled* by changing excavation conditions [5] Однако, в большинстве технических текстов, особенно относящихся к горным машинам и электрооборудованию, данные слова обозначают «управлять», «управление» в зависимости от части речи, например, *a remote control*.

Межъязыковой омоним *to extract* ошибочно переводят «экстракт», а не «добывать, извлекать», что является корректным переводом: (6) Usually, nations are confronted with options to “*extract*” or “*not extract*” resources from *productive* lands [6]. При этом *productive* переводится как «плодородный», а не «продуктивный».

В статьях, посвященных влиянию добычи полезных ископаемых на экологию и окружающую среду часто встречаем словосочетание *land rehabilitation activities*, например: (7) The study affirms the need for policymakers / government to review the laws ... to deter *illegal* miners and support the *registered* small-scale miners who are willing to implement *land rehabilitation activities* [6]. В данных контекстах более точным представляется перевод: «действия по восстановлению земли», а не «активности по реабилитации земли», как иногда переводят студенты.

В результате, приходим к выводу, что в научно-технические тексты избыточно интернациональными словами и межъязыковые омонимы или «ложные друзья переводчика» встречаются очень часто, при этом чаще всего сталкиваемся с межъязыковыми омонимами второй группы, именно они и вызывают затруднения при переводе. Таким образом, при переводе технических текстов следует учитывать их специфику и обращать пристальное внимание на контекст.

Список литературы

1. Акуленко В.В. Существует ли интернациональная лексика? // Вопросы языкознания. – М.: Научная книга, 1961. - № 3 – С. 61-62.
2. Арнольд И.В. Лексикология современного английского языка. – М.: Флинта – Наука, 2012. – С. 57
3. Колиенко Т.С., Кузнецова И.В. Особенности интернациональной лексики и способы ее перевода // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, ноябрь 2018 г.). – СПб.: Свое издательство, 2018. – С. 32-37. URL <https://moluch.ru/conf/phil/archive/313/14578/> (дата обращения: 29.01.2020).
4. <http://study-english.info/false-friends.php#ixzz6COGtVgm5> <http://study-english.info/>
5. Ishiguro S. Development of Mining Element Engineering Test Machine for Operating in Seafloor Hydrothermal Deposits // Mitsubishi Heavy Industries Technical Review. – 2013 – Vol. 50 - №2. – P. 21-26
6. Asamoah E.F. Estimating the “Forgone” ESVs for Small-Scale Gold Mining Using Historical Image Data // Sustainability. – 2017. - 9 (11). – <https://doi.org/10.3390/su9111976>

10.02.04

Сунь Е д-р филол. наук

Университет имени Сунь Ятсена,
Институт международных исследований,
Центр Европейских исследований,
Гуанчжоу, verasun1204@mail.ru

КОНЦЕПЦИЯ «ТРАДИЦИЯ» Ю.Н. ТЫНЯНОВА

Статья посвящена изучению концепции литературной традиции Ю.Н.Тынянова. В статье прослеживается, как данная концепция оказала влияние на становление идеи эволюции в литературной теории Ю.Н.Тынянова. В статье предпринята попытка проследить взгляды учёного на проблему традиции в его работах разного периода. В ходе исследования обнаруживаются различия смысловых нагрузок традиции в работах разного периода, что свидетельствует о противоречивости (диалектичности) теоретического подхода учёного и показывает процесс возникновения и созревания идеи эволюции литературной теории. Автор статьи доказывает, что «традиция» как теоретическая основа претерпела некоторые изменения, и автор предлагает воспринимать «традицию» в контексте научного дискурса Ю.Н. Тынянова.

Ключевые слова: *литературная традиция Ю.Н.Тынянова, преемственность, борьба, сдвиг, система, литературная эволюция.*

В исследованиях Ю.Тынянова, связанных с осмыслением литературной эволюции, принципиальное значение получают определенные понятия, к которым он неоднократно и неустанно обращался. Среди них особая роль принадлежит понятию «литературной традиции». Оно является исходным и движущим фактором в формировании теории литературной эволюции Тынянова. Говоря о историческом темпераменте Тынянова в книге «Новое зрение», Вл. Новиков подчёркивает фундаментальное значение понятия «традиция» в его научной и творческой деятельности: «то, что Тынянов начал с осознания роли традиции, весьма благотворно сказалось на всем его последующем развитии и как учёного и как писателя»[3, 80]. Именно изначальное внимание к литературной традиции порождает его интерес к таким явлениям как реминисценция, стилизация, пародия и др. Однако смысл и образ данного понятия претерпели некоторые изменения в ходе исследования, что свидетельствует об идейной эволюции самого литературоведа. В связи с этим целесообразно проследить как трансформировалось восприятие традиции учёным и как она заложила основу теоретических рассуждений по таким вопросам, как вопрос о размежевании «генезиса» и «эволюции», о переосмыслении «влияния» и об установлении функции «второстепенных писателей» в литературном процессе.

Вопрос о литературной традиции юный Тынянов начал рассматривать с попытки выяснить, «кто первый написал», т.е. обнаружить прототип (прецедент) определенного образа. Будучи студентом историко-филологического факультета на семинаре проф. Венгерова, Тынянов написал доклад на тему «Литературный источник “Смерти поэта”». В статье юный теоретик находит много общего между поэмой Лермонтова «Смерть поэта» и посланием В.А. Жуковского к Вяземскому и В.Л. Пушкину (Например, «Но иглы тайные сурово язвили славное чело» у Лермонтова и «...Растерзали их иглы славное чело» у Жуковского). Сопоставляя строки обоих поэтов, Тынянов обращается к целой поэтической переписке, напечатанной в «Российском Музеуме» за 1815 год, доказывая что «Лермонтов, несомненно, читал поэтическую переписку об Озере», потому что «в стихотворении к Грузинову 1829 года он почти дословно повторяет остроту Вяземского в его послании “К друзьям”»[6, 105]. Вместе с тем, автор опирается на записки Лермонтова и воспоминания

современников, отмечая, что «Это делает стихотворение («Смерть поэта» — Сунь) одним из интереснейших образцов экстаического творчества» [6, 100]. Таким образом, Тынянов утверждает неоспоримую связь между схожими строками, исключая сознательное подражание молодого Лермонтова.

Чем объясняется явление реминисценции в литературе? Чтобы ответить на этот вопрос, Тынянов переходит к разработке смысловой нагрузки образа «венец терновый». Несомненно, этот образ был заимствован Лермонтовым у Жуковского, который вкладывал в него славу Озерова со страдающей судьбой и употреблен в воспевании призвания поэта-пророка. Со временем он стал обогащаться тончайшими эмоциональными оттенками в лермонтовском творчестве разных лет и был окончательно развит в особый мотив авторского образа.

Отсюда следует вывод, что реминисценция как одно из свидетельств о соотношении литературных поколений понимается юным теоретиком не столько как искусственное намерение, сколько как некая подсознательная сила, присущая литературной традиции, по выражению учёного, «крепость», «цепкость» [6, 106].

Это предполагает сравнение художественной значимости связующих стихотворений с точки зрения компаративистики, в результате чего даётся пересмотр понятия «традиция», которая долгое время воспринималась как признак эпигонства или ученичества. При тщательном поэтическом анализе Тынянов назвал стихотворение Жуковского неудачным, причём, с удачным образом, который внутренне необходим Лермонтову и преобразуется им в стихотворении «Смерть поэта». В конце статьи автор утверждает «всю незначительность её (традиции — Сунь) как фактора отрицательной оценки художественного произведения» [6, 106]. Неодобрительное отношение к восприятию традиции как абсолютного критерия негативной оценки произведения встречается и в поздней статье «О литературной эволюции», где автор рассуждает о двух типах исторических исследований: «генезис» и «эволюция»: «момент генезиса в исследовании литературной эволюции имеет своё значение и свой характер, разумеется, не те, что в исследовании самого генезиса» [7, 271]. Автор предлагает сосредоточиться на «эволюционном значении и характерности», без субъективной статичной оценки. Опираясь на такое мнение, учёный подтверждает, что т.н. «второстепенные писатели» занимают не менее важное место в истории литературы. Следует отметить, что оппозиция к произвольной оценке произведения только за счёт действия традиции, сопутствующая у Тынянова идее эволюции, остаётся почти неизменной на протяжении всей научной деятельности, тогда как первое заключение о «крепости» и «цепкости» традиции подвергается переосмыслению в его поздней работе.

В статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921) Тынянов вернулся к размышлению о понятии «традиции», но уже в свете разработки им теории пародии, поскольку «микромир пародии прочно и надолго привлек внимание Тынянова ... как модель макромира литературы» [3, 86]. Если в ранней работе явление реминисценции показывает прямую преемственность между литературными поколениями, что характеризует замкнутость и статичность традиции, то в статье 1921 года автор раскрывает более сложное взаимоотношение между ними и указывает в первую очередь на направленность и изменчивость, вследствие чего традиция оказывается открытым и динамичным механизмом. В отличие от первой попытки определить свойство традиции как пассивного предмета, новый подход фокусируется на механизме функционирования традиции как движущей машины. Здесь автор утверждает, что именно «борьба» и «отталкивание» является главенствующим способом существования традиции. «Когда говорят о “литературной традиции” или “преемственности”, обычно представляют некоторую прямую линию, соединяющую младшего представителя известной литературной ветви со старшим. Между тем дело много сложнее. Нет продолжения прямой линии, есть скорее отправление, отталкивание от известной точки — борьба» [7, 198]. Аргументируя свою позицию, учёный приводит ряд цитат из произведения Достоевского и Гоголя. В ранних работах Достоевского, которые написаны в русле гоголевской традиции, Тынянов видит приём стилизации. Любопытно следующее высказывание: «нет следования за стилем, а скорее игра

им...следует говорить скорее о стилизации, нежели о “подражании”, “влиянии” и т.д.» [7, 200]. Интересно, что в данном случае для исследователя важна не «цепкость» и «крепость» традиции, а «отталкивающая позиция» писателя. «Отталкивание» в большей степени проявляется в повести «Село Степанчиково и его обитатели», где материалом пародирования послужили характер Гоголя и его «Переписка с друзьями». По мнению автора, пародия вся в диалектической **игре** приёмов [7, 226]. Заметим, что при анализе соотносённости обоих писателей Тынянов отрицает необходимость психологических предпосылок в пародии. Такое осознанное отступление от психологического подхода обнаруживается и в поздней статье «О литературной эволюции» (1927). Выдвинутая Тыняновым форма существования традиции с двумя борющимися объектами доведена до завершения работой 1929 года «О пародии». В этой статье применение двухплановой модели пародии выходит за пределы художественного приёма, отдельного произведения и даже литературы вообще. На эту статью особое внимание обращает современная исследовательница О.И.Плешкова. [5]

Такой подход к понятию «традиции» явно противоположен раннему взгляду, выраженному в студенческом докладе Тынянова. Сопоставление двух точек зрения учёного, который в ранних работах находил взаимосвязь, а в поздних работах отрицал прямую связь и подчеркивал конфликтность, имеет для данного исследования особое принципиальное значение. Исследователи, изучающие работы Тынянова сходятся в мысли о том, что противоречие лежит в основе теоретического построения русских формалистов, в том числе и Тынянова [8, 19][9, 37][4, 5]. Особенно следует обратить внимание на слова Вл. Новикова, который видит их не взаимоотрицающими тезисами. Он пишет: «два взаимоисключающих (на первый взгляд!) ответа как равноправные истины...образуют необходимое диалектическое единство. И эта диалектичность мышления была обретена Тыняновым вовремя» [3, 79, 80]

То, что для Тынянова главным стимулом движения литературы является отталкивание, показывает и работа 1924 года с названием «Литературный факт». В ответ на работу Шкловского, Тынянов обрисовывает четыре этапа литературной эволюции, употребляя слово «автоматизация» из высказывания Шкловского о «отстранении». Схема такова: новый принцип в противоположности автоматизации → искание приложения → распространение → автоматизация и появление нового принципа [7, 262]. С этой точки зрения рассматриваемый Тыняновым жанр находится в непрерывном изменении, что отвергает всякие попытки дать ему единое определение. При этом необходимо отметить следующее: во-первых, слово «традиция» не появляется в работе, вместо неё выбраны доступное слово «старое», редуцирующее значение и слово с научной спецификой «система»; во-вторых, рядом со словом «борьба» выступают «смена» и «сдвиг», что показывает всю сложность взаимодействия старого и нового. По мнению Тынянова, новое не является последовательным отталкиванием от старого, а постепенным замещением путём сдвига. Как выше указал Новиков, новое возникает в результате **диалектического** прикосновения со старым; в третьих, рассматриваемый объект исследования учёного расширяется за литературным рядом, к «быту». А слово «система» больше всего соответствует новому построению теории литературы. Этим как раз объясняется наш первый пункт о замене слова «традиция» словом «система». Над процессом взаимодействия «старого» и «нового», описываемым Тыняновым, работают разные исследователи [1][2][3][10][11]. Не углубляясь в разные интерпретации исследователей, обратим внимание на взгляд Эйдиновой. Она считает, что тыняновская трактовка характера перехода литературы включает в себе не только момент полемики, спора новых со старыми. Суть характера она именует «двойным планом», «двойным действием», основой которого состоит в сложном соединении старого и нового. По словам исследовательницы, в само понятие «наследование» Тынянов вкладывает неотделимое от него понятие «смещение». Эта мысль – о «двусоставности», или «разносоставности», литературных фактов возникает в работах Тынянова не однажды [10, 8]

Идея о динамичности и системности литературы была резюмирована в статье «О литературной эволюции» (1927) и подчёркнута в совместной работе с Р. Якобсоном «Проблемы изучения литературы и языка» (1929). В этих работах ключевыми словами описания литературного процесса становятся «система», «конструкция» и «функция», а слово «традиция» возвращается в поле зрения как основное понятие старой истории литературы, как неправомерная абстракция одного или многих литературных элементов одной системы...и сведением их с теми же элементами другой системы. [7, 272] Таким образом, отвергнув поверхностную связь в старом понимании о «традиции», Тынянов выдвигает смену системы как основной механизм эволюции и поставит вопрос о «традиции» в другой плоскости.

Между тем, он всё же не исключает «крепость» традиции: «вопрос затемняется здесь тем, что каждое литературное направление в известный период ищет своих опорных пунктов в предшествующих системах. – то, что можно назвать “традиционностью”» [7, 281].

Итак, проблема о характере традиции и принципе её функционирования, иными словами, проблема о соотносённости и взаимодействии старого и нового, главенствующая в статье «Литературный источник “Смерти поэта”», развитая в работе «Достоевский и Гоголь (о теории пародии)», и откорректирована в статьях «Литературный факт» и «О литературной эволюции» показывает процесс возникновения и созревания тыняновской идеи о литературной эволюции. Мы видим, что концепция «традиция» служит теоретической основой для рассматривания литературного перехода. С углублением научной деятельности учёного объём её значения дополняется новыми компонентами, как «борьбой», «сдвигом», «сменой». Взгляды Тынянова из работ разного периода, кажущиеся противоречивыми, обуславливают построение литературного движения с учётом системности. Мы считаем необходимым относиться к понятию «традиция» в зависимости от контекста работы учёного. Например, в ранних работах видно стремление дать новое определение данному слову («Литературный источник “Смерти поэта”» и «Достоевский и Гоголь»); а позже в избежание недоразумений слово «традиция» уступает место «системе» и формулируется лишь как «старое и новое» («Литературный факт»); в итоговой работе автор возвращает «традицию» старой истории литературы и видит её фиктивно-единым рядом. [7, 272]

Подход Тынянова к проблеме традиции можно назвать динамичным. Как пишет А. Турков в книге «Новое зрение»: «Самая высокая традиция для него – не неподвижный “многоуважаемый шкаф”, к которому положено обращаться с почтительными речами, а, как правильно замечено в книге, реальный капитал, постоянно находящийся в обороте и дающий все новые и новые накопления, мир, в котором, если воспользоваться тыняновским словом, оброненными совсем по другому поводу, люди живут, а не стоят на часах» [3, 7].

Данная статья подготовлена в рамках гранта Гуандунского фонда философских и общественных наук дисциплинарного совместного строительства (№GD18XWW23) «Литературная теория Ю.Н.Тынянова» и гранта гуманитарных и общественных наук при Министерстве образования КНР (№19YJC752027) «Идеи Ю.Н.Тынянова о литературе и искусстве».

本文系2018年广东省哲社会科学共建项目(GD18XWW23) “蒂尼亚诺夫文艺理论研究”和2019年教育部人文社科青年项目 (19YJC752027) “蒂尼亚诺夫文艺学思想研究”的研究成果。

Список литературы

1. *Гаспаров М.Л.* Научность и художественность в творчестве Тынянова // Четвёртые тыняновские чтения. Рига: Зинатне, 1990. С. 12–21.
2. *Гудков Л.Д., Дубин Б.В.* Сознание историчности и поиски теории: исследовательская проблематика Тынянова // Первые тыняновские чтения. Рига:Зинатне, 1984. С. 113–124.
3. *Каверин В., Новиков Вл.* Новое зрение Книга о Юрии Тынянове, М., Книга, 1988. 321с.
4. *Новиков Вл.* Литературная эволюция: Избранные труды. М.: «Аграф», 2002. 496с.
5. *Плешкова О.И.* Теория пародии Ю.Н.Тынянова и современная проза постмодернизм//Вестник Нижегородского университета им.Н.И.Лобачевского, 2011, № 6(2). С. 522-526.
6. *Тынянов Ю.Н.* “Литературный источник ‘Смерти поэта’ ”, Вопросы литературы, 10(1964). С. 98-106.
7. *Тынянов Ю.Н.* Поэтика, история литературы, кино, М., Наука, 1977.577с.
8. *Хализев В.Е., Холиков А.А.* Парадоксы и «плодотворные крайности» русского формализма (методология/мировоззрение)//Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. 2015. №1. С.7-32.
9. *Шкловский В.* Город нашей юности //Воспоминания о Ю. Тынянове: Портреты и встречи.М., 1983.С.37.
10. *Эйдинова В.* “ ‘Антидиалогизм’ как стилевой принцип ‘русской литературы абсурда’ 20-х- начала 30-х годов (к проблеме литературной динамики) ”// XX век. Литература. Стил. Стилиевые закономерности русской литературы хх века(1900-1930), I выпуск, Екатеринбург, 1994. С. 7-23.
11. 孙焯更多的是“对话”，而非“对峙”——从蒂尼亚诺夫与巴赫金的文学演变观谈起. 社会科学辑刊, 2019. №5 (№244), 第205-209页. (Сунь Е. Полемика как диалог: О эволюционных идеях Ю.Н. Тынянова и М.М.Бахтина//Журнал социальных наук. 2019, №5(№244), С. 205-209).

10.02.19 - ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ – ТЕОРИЯ ЯЗЫКА

10.02.19

¹Л.А. Алиева канд. филол. наук, ¹Л.Г. Гаджиева канд. филол. наук, ²Ю.А. Лагутина¹Дагестанский государственный педагогический университет,
факультет иностранных языков,

кафедра английского языка,

Махачкала, laalieva@mail.ru, louise9229@mail.ru,

²Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение
(ФГКОУ) СОШ № 11 МО РФ,
Грозный, lagutyanka@yandex.ru**ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
ПРОИЗНОШЕНИИ У УЧАЩИХСЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ**

В данной статье предпринята попытка раскрыть некоторые из основных причин интерференции родного языка (или родных языков, если учащиеся билингвы, трилингвы) в английском произношении в национальной школе. Основное содержание исследования составляет анализ фонологических и фонетических ошибок на синтагматическом и парадигматическом уровнях языка.

Ключевые слова: звуковая интерференция, билингвы, родной язык, иностранный (английский) язык, произношение, национальная школа.

В современных условиях развития информационно-цифровых технологий на этапе глобализации общества иноязычное общение является существенным составляющим будущей профессии любого члена социума, и в связи с этим, проблема родного, второго родного (русского) и иностранного троязычия приобретает исключительно важное значение в условиях многонациональных республик Кавказа, где подавляющее большинство населения является билингвами.

В результате взаимодействия двух, трех языковых систем в сознании индивида происходит их взаимовлияние, называемое межъязыковой интерференцией, которая проявляется на всех языковых уровнях как результат наложения системы изучаемого иностранного языка на родной язык при языковых контактах. В данной статье рассматриваются фонологические и фонетические аспекты интерференции в речи учащихся национальной школы.

Подчеркивая значимость фонологизма речевого слуха, Н.С. Трубецкой утверждал, что «слушая чужую речь, мы при анализе слышимого непроизвольно используем привычное нам "фонологическое сито" всего родного языка. А поскольку наше "сито" оказывается неподходящим для чужого языка, постольку и возникают многочисленные ошибки, недоразумения, звуки чужого языка получают у нас неверную фонологическую интерпретацию, так как они пропускаются через "фонологическое сито" нашего родного языка» [2, с. 57].

Ошибочно представление о том, что фонетические упущения несущественны в речи говорящего, ибо они не искажают смысловую значимость воспринимаемой информации. Однако, как учил академик Л.В. Щерба «... ошибки в произношении не лучше ошибок, например, в грамматическом роде имен существительных, в падеже и т.п., а зачастую даже хуже их, так как мешают осуществлению основной цели языка - коммуникации, то есть взаимопониманию» [3, с. 34] и приводят к «карикатурности речи» [4, с.139].

При нарушении фонетических норм языка восприятие речи слушающим осуществляется с трудом, искаженно. Таким образом, для обеспечения нормального функционирования речевой деятельности необходимо научить учащегося твердым произносительным навыкам.

Детальное изучение первого родного и второго родного (русского языка) языков (в условиях двуязычия) при обучении английскому языку показывает, что звуковая интерференция, проявляющаяся в речи учащихся, не влияет на их языковой уровень, т.е. в результате взаимодействия фонетических систем родного, русского и английского языков происходят закономерные изменения в артикуляции.

Так, нами выявлено, что интерферентные явления в системе *гласных* звуков основаны на нарушениях синтагматических законов в ударной позиции, например, полудолгий монофтонг низкого подъема широкой разновидности [æ] заменяется русскими звуками [э], [а], [е] или дагестанским глоттизованным [аь]. Ср.: *bag* произносится как [баг], [баьг], [бэг], или [бег]; *lamp* - [ламн], [лемн], [лэмп], [лаьмп]; *black* - [блэк], [блаьк], [блек], [блэк].

В русском и дагестанских языках отсутствует такое противопоставление по признаку долготы и краткости, которая является характерной чертой английского языка.

Мы согласны с мнением, что «в результате такого стирания качественных различий между долгими и краткими гласными звуками обучаемые допускают фонологическую ошибку, ибо противопоставление гласных фонем по признаку долготы-краткости, как уже отмечалось, в английском языке сигнификативно. Указанная ошибка, по-видимому, обусловлена интерференцией первого и второго родных языков, в которых отсутствует качественное деление гласных на долгие и краткие.

Ср.: *short* - *shot*, *calm* - *come*, *seat* - *sit*, *dark* - *duck*, *fool* - *full*, *feel* - *fill*, *sport* - *spot*» [1, с. 28].

Также в речи учащихся наблюдается замена краткого лабиализованного монофтонга заднего продвинутого вперед ряда высокого подъема широкой разновидности [u] более задним, более закрытым и более лабиализованным русским [y], ср.: *book* произносится как бук; *look* → [лук]; *cook* → [кук]. Мы также наблюдаем, что в трехэлементном сочетании гласных [aiə] глайд подменяется срединным щелевым [j], ср.: *lion* произносится как [лайон]; *tired* → [тайэд], а в сочетании [auə] второй элемент подменяется билабиальным звуком [w] или лабио-дентальным [v]. Ср.: *our* произносится как [ауə] [авə]; *power* произносится как [рауə] или [равə] и т.д.

Интерференция в области *согласных* обуславливается существенными расхождениями между консонантными системами в рассматриваемых языках, в которых общие признаки дифференциации обладают своей спецификой. Эти особенности и являются основной причиной фонетических ошибок. Так, например, интерференция в результате различия места образования согласных в данных языках: в дагестанских языках отсутствует губно-зубная артикуляция в отличие от английского языка. Поэтому часто английский [v] произносится под влиянием артикуляционных особенностей родного языка как дагестанский губно-губной [в], ср.: *shelf* [ʃelf] → [ʃelv].

Следующая фонетическая ошибка - палатализация согласных под влиянием следующих за ними гласных переднего ряда, ср: *meet* [mi:t] → [m'i:t]; *ten* [ten] → [t'en], т.е. пример сверхдифференциации, как вида интерференции. Большинство английских согласных не подчиняются фонетическому процессу палатализации, в то время как в дагестанских языках это свойство согласных обладает смыслоразличительной функцией.

Билингви-дагестанцы английские согласные [p], [t] в интервокальной позиции часто перед гласными могут заменить смычно-гортанными дагестанскими звуками [пI] [тI], ср.: *capital* [kæpɪtl] → [kIæpɪtɪl]. Такая замена [p], [t], [k] геминированными, смычно-гортанными ведет лишь к фонетическим ошибкам и значительно затрудняет понимание слова.

Наиболее устойчивой фонетической ошибкой является артикуляционная замена глухого фарингального согласного [h] русским фрикативным или увулярным (фарингальным) или даже хрипящим [xI], характерным для некоторых языков кавказской семьи.

В словах типа *pencil*, *table*, *lesson*, *written* в звукосочетаниях со слоговыми [I] и [n] дагестанцы вносят слабоударные [e], [э], [и] или [ы], лишая слоговые согласные [I] и [n] их слогаобразующего свойства. Ср.: *table* произносят как [мейбыл], [мейбул], [мейбал]; *present* - [презент], [презэнт], [презынт]; *written* - [ритен], [ритэн], [ритын]; *little* - [лител], [литэл], [литыл]. Подобного рода ошибки объясняются процессом сингармонизма, характерного для

многих языков кавказской семьи, и данные согласные не несут функции слогаобразования как это происходит в английском языке [1, с. 27].

Таким образом, звуковая интерференция на синтагматическом уровне под влиянием парадигматических факторов родных и изучаемого языков представляет собой закономерные отклонения от произносительных норм английского языка, обусловленные влиянием фонетико-фонологической системы родных языков билингвов. Так, трудности, связанные с безударным вокализмом, объясняется существенными расхождениями между безударными гласными русского и дагестанских языков, так как в дагестанских языках безударные гласные не редуцируются ни в ударной или в безударной позиции.

На первый взгляд кажется, что указанные интерферентные явления связаны с нарушением синтагматических законов фонетики и приводят лишь к фонетическим ошибкам. В действительности, произношение одних согласных вместо других ведет к стиранию дифференциации гласных или согласных звуков родного и изучаемого языков, и, соответственно, к фонетическим ошибкам.

Как уже было выше указано, искаженное произношение препятствует коммуникативной функции языка. На наш взгляд, одной из причин фонетических ошибок у учащихся является тот факт, что, к сожалению, современные дети, уже будучи старшеклассниками (или же студентами), не имеют представления даже о самых простейших свойствах речи. Поэтому изучению состава звуков речи, их природы должно предшествовать элементарное ознакомление детей с анатомией речевого аппарата и органа слуха. Современные информационные технологии представляют собой эффективное подспорье для учителя при обучении учащихся тому или иному виду речевой деятельности. Знание анатомии и физиологии органов речи и слуха важно в том отношении, что оно способствует лучшему пониманию учащимися природы звуков речи и условий их возникновения, развития, изменения и восприятия. Наш опыт показывает, что после простейшего объяснения учителем фонетических особенностей изучаемого и родного языков (или просмотра фильмов) и выполнения вариативных фонетических упражнений (выполнение комплекса упражнений на артикуляторную гимнастику, использование различных скороговорок, рифмовок и стихотворений), интерферентные явления в речи учащихся заметно сокращаются еще на начальном этапе обучения иностранному языку.

Список литературы

1. Практическая фонетика английского языка в сопоставлении с русским и дагестанскими языками / Алиева Л.А., Алисултанов А.С.-М., Магамдаров Р.Ш. Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Махачкала, ДГПУ 2019. 128 с.
2. Трубецкой Н.С. Основы фонологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bookre.org/reader?file=1231721&pg=60> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Щерба Л.В. Фонетика французского языка: Очерк фр. произношения в сравнении с русским [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=53882433> (дата обращения: 29.01.2020).
4. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://elib.gnpbu.ru/text/scherba_yazykovaya-sistema--deyatelnost_1974/ (дата обращения: 29.01.2020).

10.02.19

В.В. Батицкая канд. филол. наук, Е.П. Игнатъева канд. филол. наук

Иркутский национальный исследовательский технический университет,
Институт лингвистики и межкультурной коммуникации,
кафедра иностранных языков №2,
Иркутский государственный университет,
Педагогический институт,
кафедра иностранных языков и лингводидактики,
Иркутск, ele20334045@yandex.ru, mbv17@yandex.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО АНТРОПОНИМА КАК ЗНАКА КУЛЬТУРЫ В СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В работе энциклопедический антропоним рассматривается как знак культуры, функционирующий в семиотическом пространстве. На материале примеров из энциклопедий доказываем, ценностные характеристики энциклопедического антропонима могут подвергаться изменению при определённых преобразованиях в жизни общества.

Ключевые слова: *семиотическое пространство, энциклопедический антропоним, знак культуры.*

В современном мире, когда происходит постоянный пересмотр веками устоявшихся ценностей, особую актуальность приобретает изучение становления и функционирования энциклопедического антропонима. Являясь знаком, имя собственное входит в семиотическое пространство и эволюционирует вместе с остальными знаками семиосферы. Семиосфера, представляющая собой по-Лотману некий синтез всех знаков [4] способствует передаче информации.

В рамках лингвокультурологического подхода существует теория, согласно которой имя собственное кроме денотата способно приобретать сигнификат особого рода в процессе его бытования в пространстве культуры [3], что ведет к образованию энциклопедических имён собственных. Можно сказать, что энциклопедическое имя является двухкомпонентным образованием, причем его компоненты обладают различной степенью стабильности. Сигнификат энциклопедического имени наиболее подвержен переосмыслению в процессе своего существования в культурном пространстве.

Энциклопедический антропоним как знак, обладает такими характеристиками как звуковая и графическая форма (пишется с большой буквы и хранится в энциклопедии), имеет план выражения (денотат) и план содержания (сигнификат). Место хранения энциклопедических имён собственных (энциклопедические словари и справочники) делает эти знаки поистине уникальными.

Обычно в энциклопедические статьи заносят имена людей (антропонимы), которые прославились в политике, искусстве, медицине и т.п. и получили оценку общества, связанную с их деятельностью. Как отмечает В.И. Болотов, «чем важнее денотат для нации, тем в более высоком социальном поле его антропоним представлен» [2]. Известность в определённом дискурсивном сообществе является отличительным свойством денотата энциклопедического антропонима.

На примере Британской энциклопедии (NEB) и Большой Советской Энциклопедии (БСЭ) проанализируем антропоним Александр II.

1) **Alexander II**, Russian in full ALEKSANDER NIKOLAYEVICH (b. April 29 [April 17, old style] 1818, Moscow – d. March 13 [March 1 O.S], 1881. St. Petersburg, Russia), emperor of Russia (1855-81). His liberal education and distress at the outcome of the Crimean War, which had demonstrated Russia's backwardness, inspired him toward a great program of domestic reforms, the most important being the emancipation (1861) of the serfs. A period of repression after 1866 led to a resurgence of revolutionary terrorism and to Alexander's own assassination <...> [5].

2) **АЛЕКСАНДР II (РОСС. ИМПЕРАТОР)** [17(29).4.1818 - 1(13).3. 1881) российский император с 19 февраля 1855. Старший сын Николая I. Главным воспитателем А. II был генерал П. П. Ушаков, наставником - поэт В. А. Жуковский, женился в 1841 на гессен-дармштадтской принцессе Максимилиане Вильгельмине Августе Софии Марии, принявшей имя Марии Александровны (1824 - 80). [1].

В силу своей значимости в той или иной культуре имена правителей государств находятся в более важном «социальном поле» и им гарантирован статус энциклопедического антропонима.

В случае с антропонимом *Александр II* механизм превращения имени собственного в энциклопедический антропоним следующий: денотат имени приобретает особую важность в социальном поле своего национального пространства, имя собственное *Александр II* получает особый аксиологический статус. Следующий шаг – это превращение имени собственного в знак культуры в границах своего национального пространства, что сопровождается с обретением ценности для национально-дискурсивного сообщества, т.е. сигнификат имени собственного накапливает информацию. Далее происходит проникновение в другое национальное пространство, что позволило объединить представителей разных дискурсивных сообществ и получить межкультурное значение. Это значит, что денотат (индивид) осуществляет дискурсивную практику и затем получает оценку дискурсивного сообщества при участии экспертного сообщества. Потребуется достаточно длительный период, чтобы произошёл переход от антропонима к энциклопедическому антропониму. Временной фактор, встроенный в исторический процесс развития общества и влияющий на процесс оценки, становится важнейшим и определяющим для перехода из простого антропонима в энциклопедический антропоним.

Механизм превращения имени собственного человека, не вовлеченного в управление государством, в энциклопедический антропоним схож с ранее описанным с той лишь разницей, что имени собственному человека, прославившегося в духовной или какой-либо другой сфере, потребуется пройти бóльшую экспертизу, т.е. потребуется гораздо больше времени, чтобы стать культурно-ценностным знаком и войти в энциклопедии, получив оценку дискурсивного и экспертного сообщества.

Рассмотрим антропоним – Ахматова Анна Андреевна на примере Британской энциклопедии (NEB), Большой Советской Энциклопедии (БСЭ).

3) **Akhmatova, Anna**, pseudonim of ANNA ANDREYEVNA GORDENKO (b.June 11 [June 23, New Style], 1889, Bolshoy Fontan, near Odessa, Ukraine, Russian Empire – d. March 5, 1966, Domodedovo, near Moscow), Russian poet recognized at her death as the greatest woman poet in Russian literature <...>. Her first collection, *Veher* (1912 "Evening") <...>. The execution in 1921 of her former husband, Gumilyov, on charges of participation in an anti-Soviet conspiracy (the Tagantsev affair) further complicated her position. In 1923 she entered a period of almost complete poetic silence and literature ostracism, and no volume of her poetry was published in the Soviet Union until 1940.<...>. In the cultural "thaw" following Stalin's death, Akhmatova was slowly and ambivalently rehabilitated, and a slim volume of her lyrics, including some of her translations, was published in 1958 [5].

4) **Ахматова** (псевд.; наст. фам. – Горенко) Анна Андреевна [11(23).6.1889, Одесса, – 5.3.1966, Домодедово Моск. обл.; похоронена в Ленинграде], русская советская поэтесса. Род. в семье офицера флота. Училась на высших женских курсах в Киеве и на юридич. ф-те Киевского ун-та. С 1910 жила преим. в Петербурге. В 1912 вышла первая кн. стихов А. "Вечер". <...>. После Октября, далёкая от революц. действительности, А. всё же резко осудила белую эмиграцию, людей порвавших с Родиной. В течение ряда лет трудно противоречиво формировались новые черты творчества <...>. С 30-х гг. поэтич. диапазон А. несколько расширился; усиливается звучание темы Родины, призвания поэта <...>. В годы Великой Отечеств. войны в поэзии А. выделяются патриотич. стихи ("Клятва", "Мужество") [1].

Прежде чем стать энциклопедическим антропонимом, сигнификат имени собственного Ахматова А.А. довольно длительное время посредством дискурсивной деятельности накапливал информацию, а затем подвергся пристальному экспертному анализу.

Сопоставление описаний *Ахматова А.А.* и *Александр II* показывает, что описание знака культуры *Александр II* как в зарубежном, так и российском источниках можно охарактеризовать как академическое, представляющее известные факты жизни императора, не содержащее резкие оценочные суждения. В описаниях знака культуры Ахматова А.А. заметно влияние социально-политических, культурных ориентиров, принятых в обществе в 70-х годах прошлого века в России. Кроме того, прослеживается влияние ценностных стереотипов, принятых в разных дискурсивных сообществах (советском и зарубежном). Особенно это заметно в NEB, изданной в 1990-е гг., в которой в отличие от БСЭ, имеются критические замечания, подчёркивающие тоталитарный режим Советской России – страны в которой жила Ахматова А.А.: «*The execution in 1921 of her former husband, Gumilyov, on charges of participation in an anti-Soviet conspiracy (the Tagantsev affair) further complicated her position*» [5]. Энциклопедические статьи содержат негативную оценочную лексику: «*poetic silence and literature ostracism*». Также статья из Британской энциклопедии даёт информацию о личной жизни поэтессы «*former husband, Gumilyov*». В БСЭ информация, связанная с семейной жизнью, отсутствует. Учитывая то, что энциклопедия была опубликована в 1970 г., в так называемый «застойный» период, специалисты, составляющие статью, включили в энциклопедическое описание лишь те факты, которые были на тот период времени «более востребованы». Например, в энциклопедической статье БСЭ отмечается гражданская позиция Ахматовой А.А.: «... *А. всё же резко осудила белую эмиграцию, людей, порвавших с Родиной*» [1]. При сопоставлении описания энциклопедического антропонима Ахматова А.А. в NEB и БСЭ наблюдается несовпадение экспертной оценки, так как отличается общественная и политическая обстановка в разных национально-дискурсивных сообществах.

Таким образом энциклопедический антропоним как знак культуры обладает ценностными характеристиками, которые ориентируются на общественно-политическую обстановку в обществе в тот или иной период времени, вследствие чего интерпретации энциклопедических антропонимов дискурсивным и экспертным сообществом являются детерминированными временем.

Список литературы

1. БСЭ - Большая Советская энциклопедия / в 65 т. под ред. С.А. Вавилова. – М.: «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ», 1947. – Т. 52. – 943 с.
2. Болотов, В.И. Некоторые актуальные проблемы языкознания // Стратегия преподавания иностранных языков в России в настоящий период. – Краснодар, 2008. – 323 с.
3. Верецагин, Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верецагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
4. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров / Ю.М. Лотман. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 464 с.
5. NEB -The New Encyclopædia Britannica / 15th EDITION. – 1994. Publishing house: Encyclopedia Britanica, Inc, 1994.

10.02.19

¹Т.Н. Боргоякова канд. филол. наук, ²К.Н. Бурнакова д-р филол. наук

¹РАНХиГС при Президенте РФ,
Федеральный институт развития образования,
Центр национальных проблем образования,
²Московский городской педагогический университет,
Институт иностранных языков,
кафедры раннего изучения иностранных языков,
Москва, borgtatyana@rambler.ru, klara_burnakova@mail.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМЫ НА *-ир* И ЕЁ СОЧЕТАНИЯ В ФУНКЦИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Данная статья посвящена малоизученной хакасской форме на -ир, относящаяся к периферии поля настоящего времени, которая до сих пор не была предметом специального научного исследования. Результаты лингвистического анализа показали, что ограниченность употребления формы на -ир только лишь с глаголами пар- и кил-фундаментально меняется, когда они начинают функционировать как вспомогательные глаголы, тем самым открывая уникальную их способность сочетаться с любыми глаголами разной семантики в поле настоящего времени современного хакасского языка.

Ключевые слова: *глагольная форма, формант, настоящее время, современный хакасский язык.*

В хакасской академической грамматике содержится мало информации о форме на *-ир*. Обращается внимание на то, что она имеет ограниченную сочетаемость и выражает «очевидное действие, совершаемое в данный момент», выступающая в качестве формы настоящего времени на *-ир*, а также присоединяется непосредственно к основе глагола, образуя настоящее время только от двух глаголов: *пар-ир* ‘идет / уходит’ и *кил-ир* ‘идет / приходит’ при этом спецификой этой формы является тенденция к выпадению звука *-р* [2, с. 206]. Это происходит чаще всего в устной речи носителей сагайского диалекта и в текстах, написанных представителями указанного диалекта (*пари* и *кили*), выпадение звука *-р* связано, очевидно, с изменением ударения с последнего слога на первый, ср.: *пар-ир* (кач. диалект), *пар-и* (саг. диалект). Внешне она совпадает с одной из фонетических вариантов тюркской формы настоящего времени на *-ir*. Принято считать, что в тюркских языках произошла фонетическая дифференциация, сопровождающаяся на семантической основе, при которой *-ar/är* стала показателем – настоящее-будущего времени, а *-yr/-ir/-ur/-ür* – настоящего времени [3, с. 403]. Судя по хакасским материалам, с формой *-ap/-ep* действительно произошла семантическая дифференциация, но она не внесла никаких изменений фонетического характера. [1]. Существующие лингвистические материалы в современном хакасском языке дают основание усомниться в процессе фонетической дифференциации относительно формы на *-ир*. В хакасском языке существует аналогичное явление в системе глагольных категорий, где встречаются два фонетических варианта форманта *-ир*: *-и*, а также *-ир*. Функции этого форманта, сохраняющего свое базовое значение «процессуальности», выходит за рамки временных. Он ведет себя как аналитический формант, прошедший полный путь грамматикализации, в котором компонент *-и* является показателем процессуальности. Однако в настоящей статье данный формант анализируется с точки зрения его временной функции.

Формант *-и/-ир* и образуемые им сочетания. Вышеупомянутая форма настоящего времени на *-ир* действительно сочетается только с двумя глаголами: *пар-* ‘уходить’ и *кил-* ‘приходить’ в современном хакасском языке. Она не отличается высокой частотностью

употребления, однако представлена во всех диалектах и литературном хакасском языке. Благодаря тому, что оба слова относятся к категории активных глаголов не только в лексическом плане, но и в качестве вспомогательных глаголов, то и форму на *-ир* опосредованно могут принимать многие другие глаголы: движения, говорения, звучания, перемещения, получения информации, профессиональной деятельности, бытия и разного рода созидательной и разрушительной деятельности. Например: *чүгүр пар-и-лар* ‘бегут’; *күлет сал пар-ир-лар* ‘гуляют (празднуют)’, *ойлап кил-ир* ‘бежит (в сторону говорящего)’; *чуртап пар-ир-лар* ‘живут’; *аңнап пар-ир-лар* ‘охотятся’.

Вспомогательная роль этих двух глаголов существенно расширяет сферу употребления формы на *-ир*. Сравним два примера: – *Йу, палам. Хайдаг чирге пар-и-зың, кемге мині халгысчазың!* (П, с. 102) ‘– О, дитя+мое. Куда (на какую землю) уходишь, на кого меня оставляешь?’ В этом предложении аффикс *-ир* в усеченной форме *-и* принимает глагол *пар-* в своем основном лексическом значении ‘уходить’. *Ол сугда, сала хысхыра түзіп, патып пар-ир* (МП, с. 18). ‘Он, чуть вскрикнув, проваливается под воду’. В этом примере глагол *пар-* утрачивает свое лексическое значение ‘уходить’ и функционирует в качестве вспомогательного глагола в составе конечного глагольного сказуемого. Он сочетается с деепричастием основного глагола *пат-ып* ‘проваливаясь’, а показатель времени, сохраняя свою полную форму на *-ир*, присоединяется к вспомогательному глаголу *пар-*. Как в первом примере, так и во втором, анализируемая форма настоящего времени употребляется в своем базовом значении и выражает действие, находящееся в процессе своего совершения, то есть она функционирует как синкретичная форма, выражающая, с одной стороны, настоящее время, а с другой – аспектуальное значение длительности и процессуальности. Исходя из значения формы на *-ир* можно предположить, что она представляет собой древнетюркское сочетание вспомогательного глагола *-i* ‘быть’ с формой на *-r*.

Видовременная форма на *-ир (-и)*. Базовым значением этой формы является выражение процессуальности действия в момент речи, при этом момент речи – наблюдаем, то есть выражает настоящее очевидное действие. Например: *Кем-де кил-ир* (АТ. ХЧ, с. 79). При использовании этой формы очевидность действия важна, но в какой форме она проявляется, не имеет существенного значения, хотя чаще всего – это визуальное подтверждение.

Вторым по частотности употреблением формы на *-ир (-и)* является выражение протяженности и непрерывности действия, не ограниченного моментом речи. В этом случае момент речи не является временным пределом, а представляет собой лишь один из фрагментов не ограниченного временными рамками длительного действия. Рассмотрим пример: *Иди ай алысчадыр, чыл алысчадыр. Пир чыл иртіп пар-ир* (ХП, с. 37) ‘Так месяц сменяет другой, года идут. Один (очередной) год подходит к концу’. Данная временная форма употребляется для констатации приближения к завершению лишь очередного отрезка времени, но не подчеркивается приближение конца самого действия [2, с. 206]. Приведем пример на непрерывность, процессуальность действия, начавшегося давно и продолжающегося происходить в момент речи: *Казан ибінең сыххали, пўн пизінчі хонии пар-ир*. ‘С тех пор, как Казан ушел из дома, сегодня пятые сутки идут’. *Пизінчі ле айын тогын пар-и-м мында* (НТ. X, с. 102) ‘Я работаю здесь всего лишь пятый месяц’. Приведенные примеры иллюстрируют разные по продолжительности действия, все зависит от сопутствующего обстоятельства, но функция *-ир* остается неизменной.

Значение непрерывности действия может содержаться в лексическом значении самого глагола, как правило, это глаголы с неопредельной семантикой. Тогда указание на продолжительность действия специальными обстоятельственными словами становится неактуальным. *Ынаг, чаксы чуртап парирлар* (ХП, с. 43) ‘Дружно, счастливо живут’. *Амды анда чуртап пар-ир-лар* (ХП, с. 41) ‘Теперь там живут+они’. В этих примерах использован глагол с неопредельной семантикой ‘жить’ – ни конец, ни начало действия в данном случае не актуализируются. Для повествования имеет значение данный момент времени в плане широкого настоящего.

Третьим по значимости и частотности условием реализаций функции *-ир (-и)* являются эллиптические конструкции, где форма условного наклонения в зависимой части и конечное сказуемое в форме на *-ир* создают условия для передачи достоверного события в процессе его развития, например: *Körzeler, xara atxa pır kızı altанып алып, хамчы саап, алтынзарых парир* (ХП, с. 13). 'Когда посмотрели (то увидели, что), один человек, сев верхом на черно коня, ударяя кнутом, едет в северном направлении'. В данном случае глагол *пар-* 'идти' функционирует в своем основном лексическом значении и выполняет роль конечного сказуемого. Употребление временной формы на *-ир* конечным сказуемым предопределен эллиптической конструкцией с условным наклонением, которое обычно стоит в самом начале предложения. В процессе повествования осуществляется переход к презентации очевидных действий, приуроченных к конкретному моменту в прошлом. Наблюдателем происходящих событий становится действующее лицо или рассказчик.

Результаты исследования показали, что существуют три сферы употребления формы на *-ир* в современном хакасском языке: 1) действие, наблюдаемое в момент речи; 2) длительное действие, происходящее во временных рамках, указанных говорящим; 3) в эллиптических конструкциях с формой условного наклонения. Вместе с тем, форма на *-ир* представляет собой сложный формант, в котором элемент *-и*, прошедший длительный процесс грамматикализации, является носителем значения процессуальности, который может сочетаться как с причастиями, так и с деепричастиями, а также с формой условного наклонения, модифицируя их исходное значение.

Работа выполнена по проекту №11.12. в рамках государственного задания РАНХиГС

Список литературы

1. Боргоякова Т.Н. Система временных форм глагола в тюркских языках Южной Сибири (на материале хакасского языка) / Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием «Предложение как единица языка и речи», посвященного 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной. Новосибирск, 8–11 октября 2019 г. Новосибирск: Академиздат, 2019. – 208 с.
2. Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. – 418 с.
3. Сравнительно - историческая грамматика тюркских языков. Морфология. Под ред. Э.Р. Тенишева. М.: Наука, 1988. – 560 с.

Источник примеров

- АТ, ХЧ – А. Топанов. Хызыл Чазы. Абакан. 1961. – 95 с.
МП – Микенең Поко. – Абакан, 1972 – 68 с.
НТ, Х – Н. Тюкпиеков. Хыстаҕда. Абакан. 1977. – 111 с.
П – Пьесалар. Абакан, 1991. – 263 с.
ХП – Хара паар. Абакан, 1979. – 127 с.

10.02.19

Л.И. Василькова

Военный университет Министерства обороны Российской Федерации,
кафедра английского языка (основного),
Москва, www.lina.v007@yandex.ru

**МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭВФЕМИЗМОВ
КАК ВЕРБАЛЬНОГО СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ
«ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)**

Статья посвящена изучению манипулятивного воздействия политических эвфемизмов, которые используются в качестве вербального средства реализации политики «двойных стандартов» в тексте новостных сообщений. Материалом для исследования послужили тексты украиноязычных СМИ.

Ключевые слова: *политические эвфемизмы, политический дискурс, манипуляция, политика «двойных стандартов».*

В современном обществе практика применения журналистами и политиками технологий речевого воздействия стала повседневной обыденностью. Факт того, что создание альтернативной языковой реальности в новостных сообщениях может быть использовано в интересах разных стран и субъектов, в настоящее время уже ни для кого не является секретом.

Изучению манипулятивных технологий в СМИ посвящено множество работ (В.И. Карасик, Э.А. Цветков, Е.И. Шейгал, С.Г. Кара-Мурза, Г.Г. Почепцов, И.В. Сентенберг, М.Р. Желтухина, Г.В. Грачев, И.К. Мельник, А.И. Мансурова и др.), а главными отличительными признаками феномена манипуляции, с точки зрения С.Г. Кара-Мурзы, является то, что оказываемое воздействие имеет психологическую или духовную природу (в противовес физическому насилию или угрозе его оказания, т.е. объект воздействия – сознание реципиента); во-вторых, воздействие осуществляется скрытно и не должно быть замечено объектом манипуляции [1, с. 13].

В связи с этим не угасает интерес к вербальным средствам, с помощью которых, как отмечает С.Н. Курбакова, «коммуниканты стремятся повлиять на характер деятельности друг друга и побудить к совершению определенной активности» [5, с. 90]. Согласно Е.И. Шейгал, интенция оказания влияния на адресата является неотъемлемым элементом политического дискурса, а борьба за власть – его основополагающей целью [9, с. 35]. В этом свойства политического дискурса совпадают с базовыми характеристиками распространенной в новостных сообщениях политики «двойных стандартов» – практике различного применения законов, правил или оценок к одинаковым явлениям или действиям субъектов в зависимости от интересов и соображений выгоды оценивающего [12].

Политика «двойных стандартов» включает в себя ряд речевых стратегий: манипулятивную стратегию и стратегии убеждения, удержания власти и борьбы за власть [7, с. 13]. Особенности языковой личности субъекта политического дискурса влияют на выбор тактик, посредством которых осуществляются вышеупомянутые стратегии, а также на отбор вербальных средств их реализации, одним из которых часто выступают политические эвфемизмы.

Цель нашего исследования - изучение манипулятивного потенциала политических эвфемизмов, подтверждающего, что последние могут использоваться в качестве вербального средства осуществления политики «двойных стандартов». **Новизна** данной работы заключается в рассмотрении эвфемизмов как одного из способов реализации политики «двойных стандартов» на материале украиноязычных СМИ.

Понятие «эвфемии» в языке изучалось множеством отечественных и зарубежных ученых (Л.П. Крысин; В.П. Москвин, Т.Л. Павленко, И.Р. Гальперин, В.З. Санников, Е.П. Сеничкина, А.С. Карпова, Б. Уоррен, Дж. Ниман, К. Сильвер и др.) Это явление существует как в обиходно-бытовой коммуникации, так и в новостных сообщениях в рамках политического дискурса, то есть в социально-политической сфере человеческой деятельности [3, с. 23].

Как известно, в повседневной жизни использование эвфемизмов связано с нормами вежливости и правилами этикета, в соответствии с которыми в обществе принято завуалированно называть объекты или явления, вызывающие негативные эмоции и ассоциации. По определению М.Л. Ковшовой, эвфемизм — это «слово или выражение, служащее заменой тех слов или выражений, которые, по мнению говорящего и в соответствии с правилами речевого этикета, являются нежелательными, не отвечают цели общения и могут привести к коммуникативной неудаче» [3, с. 7]. О.С. Сахно приводит следующее определение эвфемии: «конвенциональное проявление речевой деятельности, направленное на завуалированное обозначение денотатов» [8, с. 9].

Применение эвфемии в политическом дискурсе, т.е. создание новостных сообщений, в которых наименования объектов реальной действительности заменены выражениями, смягчающими их негативное значение либо, наоборот, придающими отрицательный смысл изначально нейтральным понятиям (дисфемизмы), используется с целью формирования или изменения позиции адресата, что совпадает с базовыми интенциями политики «двойных стандартов».

Л.П. Крысин среди целей эвфемизации отмечает стремление избегать коммуникативных конфликтов и неудач, не создавать у собеседника ощущения коммуникативного дискомфорта, а также вуалирование, камуфляж существа дела [4, с. 29].

В прагматическом плане цель эвфемизмов заключается в снятии негативных коннотаций при восприятии денотата и воздействии на эмоции реципиента. В случае, если реципиент встречает в тексте дисфемизмы, то он, наоборот, сталкивается с попыткой навязанного очернения в своих глазах нейтрального объекта обсуждения (например, ср. *«внесення змін до Конституції України (внесение изменений в Конституцию Украины)»* - *«згвалтування української Конституції (изнасилование украинской Конституции)»*) [10].

Е.В. Кипрская выделяет следующие признаки политических эвфемизмов: мотивированность; наличие определенных ценностных доминант; способность к проявлению магической функции языка, т.е. создание новых мифологем; в семиотическом плане – вместе с дисфемизмами образуют базовую оппозицию «свой-чужой»; их суть – это результат компромисса между семантикой (отражение сущности денотата) и прагматикой (отражение интересов говорящего) [2, с. 60].

Особый интерес среди вышеназванных признаков политических эвфемизмов для нас представляет бинарная оппозиция «свой-чужой», на которой зиждется политика «двойных стандартов». В зависимости от принадлежности автора высказывания к тому или иному лагерю, одни и те же явления или объекты будут обозначаться с противоположных точек зрения, ср. *окупанти – визволителі* (оккупанты - освободители), *сепаратисти - борці за свободу* (сепаратисты – борцы за свободу), *бойовики - повстанці* (боевики – повстанцы), *східний сусід – злостивець* (восточный сосед – недоброжелатель) [10].

Говоря о процессе номинации денотата в соответствии с интересами адресанта, представляющем собой эвфемистическое преобразование, следует упомянуть классификацию Е.И. Шейгал, которая выделила три типа преобразований по принципу количественного соотношения между началом и результатом [9, с. 254]:

1) развертывание: слово – словосочетание;

Ср. *«обмін полоненими (обмен пленными)»* - *«обмін утримуваними особами, пов'язаними з конфліктом (обмен задержанными лицами, связанными с конфликтом)»*.

2) *свертывание*: словосочетание – слово;

В предложении «Насправді "вулиця" йому допомогла, давши потрібне тло для перемовин (На самом деле «улица» ему помогла, предоставив необходимое основание для переговоров)» целое словосочетание «акції протесту "Ні капітуляції!", які прокотилися Україною (акции протеста «Нет капитуляции!», прокатившиеся по Украине)» было свернуто в один эвфемизм «вулиця (улица)» [10].

3) *эквивалентная замена*: количество составляющих не меняется.

«... Про повернення Україні контролю над Дебальцевим, канцлер Меркель, по суті, відмахнулася (отмахнулась)» (= «відмовилася (отказалась)») [11].

Таким образом, учитывая, что процесс эвфемизации в политическом дискурсе соответствует принципу скрытого манипулятивного воздействия на сознание реципиента, преследует цели формирования или изменения позиции адресата, а также вуалирования существа дела, характеризуется мотивированностью и основывается на оппозиции «свой-чужой», можно прийти к выводу, что манипулятивный потенциал политических эвфемизмов позволяет им выступать в качестве вербального средства реализации политики «двойных стандартов».

Список литературы

1. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Прогресс, 2000. - 289 с.
2. Кипрская Е.В. Политические эвфемизмы как средство камуфлирования действительности в СМИ (на примере конфликта в Ираке 2003-2004 гг.): Ижевск, 2005. – С. 3.
3. Ковшова, М.Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов / М. Л. Ковшова. — М.: Гнозис, 2007. — 320 с.
4. Крысин, Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. // Русистика. - Берлин, 1994, № 1-2. - С. 28-49.
5. Курбакова С.Н. Языковое выражение отношения содержания высказывания к действительности. // VI международная научно-практическая конференция "язык и текст: структура – М., 2015. – С. 88-96.
6. Лазаревич Е.М. Прагматический аспект эвфемии. - [Электронный ресурс]. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/108/5831/> (дата обращения: 05.01.2020).
7. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика. Москва: ЛКИ, 2007. – 232 с.
8. Сахно, О.С. Фразовая номинация как средство речевой эвфемизации (на материале языка русской художественной литературы XIX-XXI вв.): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / О. С. Сахно; Пятигорский гос. лингв. ун-т. — Таганрог, 2006. — 19 с.
9. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. - Волгоград, 2000.
10. Дзеркало тижня. Україна [Электронный ресурс]. Выпуски № 1-12. - Режим доступа: <https://dt.ua/gazeta/archive> (дата обращения: 05.11.19).
11. BBC World Service Україна [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bbc.com/ukrainian/politics/2015/11> (дата обращения: 01.12.19).
12. http://becmology.ru/blog/4c/double_standard.html (дата обращения 12.10.2019).

10.02.19

¹Л.Г. Гаджиева канд. филол. наук, ¹Л.А. Алиева канд. филол. наук, ²Ю.А. Лагутина

¹Дагестанский государственный педагогический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,

Махачкала, loulise9229@mail.ru, laalieva@mail.ru,

²Федеральное государственное казенное общеобразовательное учреждение
(ФГКОУ) СОШ № 11 МО РФ,
Грозный, lagutyanka@yandex.ru

МАСДАР В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С АНГЛИЙСКИМ ГЕРУНДИЕМ

В статье сопоставляются особенности функционирования масдара в лакском языке и герундия в английском языке. Масдар и герундий в рассматриваемых языках включены в глагольную систему, но проявляют существенные различия в категориальных признаках. Масдару присущи признаки грамматического класса, числа, вида, не представленные в английском герундии. Выявлены также различия в именных свойствах масдара и герундия. Именные признаки масдара проявляются в его изменении по падежам, а у герундия – в его левосторонней дистрибуции и синтаксических функциях.

Ключевые слова: *масдар, герундий, категориальные признаки, категория временной отнесенности.*

Термин «масдар» в переводе с арабского языка означает «источник», и данная категория считается семантическим источником всех глагольных форм. Масдар, или имя действия, передает абстрактное название действия, не указывая на такие глагольные характеристики, как лицо, время, залог. Масдар включается в глагольную систему и считается категорией, образуемой от всех глаголов. Само название «имя действия» указывает на соединение в данной форме глагольных и именных свойств [2, с.180]. Следовательно, масдар представляет собой неличную форму глагола, которая обозначает наименование действия, но обладает признаками имени и глагола. Принимая во внимание, что в английском языке соединение глагольных и субстантивных черт представлено в герундии, в данной работе предпринята попытка сопоставить особенности функционирования масдара в лакском языке и герундия в английском языке.

В лакском языке категориальным суффиксом масдара является *-аву*. При помощи этого суффикса масдар образуется от глаголов как однократного, так и длительного вида, например, *изаву* от глагола *изан* «встать»; *чичаву* от *чичин* «написать»; или *излазаву* от глагола *излан* «вставать», *чичлачаву* от глагола *чичлан* «писать». Глаголы несовершенного вида образуют масдар от основы инфинитива, при этом корневой согласный редуцируется, например: *зун* «работать» – *зузаву*, *цлун* «болеть» – *цлуцлаву*, *щаран* «кипеть» – *щаращаву* [3, с. 10]. Отметим, что Г. Б. Муркелинский в грамматике лакского языка данную форму с суффиксом *-аву* определяет как отглагольное существительное, например, *хлачлаву* «питье» от *хлачлан* «пить», *заназаву* «хождение» от *занан* «ходить», *щаращаву* «кипение» от *щаран* «кипеть» [4, с. 59].

Лакский масдар не различает категорий наклонения, времени и лица, являющихся основными составляющими категории предикативности, и поэтому рассматривается как неличная форма глагола. Он наследует от глагола семантику, вид, согласовательный класс и приобретает от существительного категории падежа, именного класса и числа. Одной из основных глагольных категорий масдара является категория вида, выраженная в производящей основе. Но масдар в лакском языке обозначает действие и процесс, не

указывая на конкретное время его протекания и отношение к действительности, например: Камиллул *учлаву* «приход Камиля» (действие, событие); *арснал чагъар чIал буллалаву* «задерживание сыном письма» (процесс).

В английском языке герундий образуется от основы глагола при помощи суффикса *-ing*. Формы герундия в английском языке также не имеют самостоятельного временного значения, но поскольку для герундия характерна категория временной отнесенности, его формы обычно обозначают действие, одновременное действию, выраженному сказуемым, и могут относиться к настоящему, прошедшему или будущему времени: *The headmaster doesn't like anyone interrupting him; She liked giving orders; You will enjoy watching this film*. Отсутствие развитой категории вида компенсируется в английском языке наличием перфектной и неперфектной форм герундия. Перфектная форма всегда выражает действие, предшествующее действию, выраженному сказуемым, тогда как неперфектная форма может выражать действие одновременное сказуемому, а также предшествующее либо последующее действие. Таким образом, значение неперфектной формы герундия более расплывчато, что является характерным признаком немаркированных членов оппозиции. Однако значения одновременности, следования и предшествования действия проявляются неодинаково в разных синтаксических позициях, и даже в пределах однотипной синтаксической позиции они могут различаться. Например, в позициях определения, дополнения и предикатива одновременность может быть представлена более широко и обобщенно, чем в позиции обстоятельства. А в так называемом видовом сказуемом обнаруживается полное слияние действий, выраженных личным глаголом и герундием. Значения могут модифицироваться и внутри одной синтаксической позиции в зависимости от лексических и грамматических условий предлагаемого контекста. Значение следования, довольно часто обнаруживаемое у герундия, оказывается всегда обусловленным лексически, оно подсказывается семантикой глагола или прилагательного перед герундием в функции дополнения, семантикой имени перед герундием в функции определения или предикативом, предлогом перед герундием в функции обстоятельства, значением обстоятельства внутри герундиального оборота. Широкое употребление неперфектного герундия для выражения предшествующего действия объясняют разными причинами, из которых наиболее существенными являются сопротивление избыточности и именная ориентация герундия. Сопротивление избыточности обнаруживается в сочетании герундия с некоторыми предлогами, а также в сочетании с глаголами, которые имплицитно предшествуют. В обоих случаях предпочитается неперфектная форма при допустимости использования перфектной формы, следовательно происходит нейтрализация оппозиции форм перфекта и неперфекта: *They reported seeing him – They reported having seen him* [1, с. 262].

В лакском языке у масдара залоговых различий нет, а в английском герундии противопоставлены значения действительного и страдательного залога. Отмеченным членом оппозиции является форма страдательного залога: *I am not used to talking in that way – I am not used to being talked to in that rude way*, и формы сослагательного залога герундия широко употребляемы.

Категория полярности в лакском масдаре и в соответствующем глаголе выражается одинаково – префиксальной или инфиксальной отрицательной частицей *къа-*: *учлаву – къаучлаву/укъачлаву*. В английском герундии отрицание выражено частицей *not*, предшествующей форме герундия: *I regret not taking his advice*.

Значительные различия между масдаром и герундием проявляются в именных свойствах. Существительным в лакском языке присущи категории класса, числа и падежа, которые отсутствуют у английского существительного. В лакском языке класс указывает на участников ситуации – субъект непереходного и объект переходного глагола. Являясь абстрактным именем действия, масдар в лакском языке относится к 4 грамматическому классу – классу неодушевленных объектов. Отметим, что масдары, образованные от неклассных глаголов, не обладают категорией класса. Особенностью лакского языка является масдарное управление, т.е. присоединение к нему имен в той же падежной форме, в

какой они присоединяются к глаголу, от которого образован масдар, например: *вацІлувун учІан* «прийти в лес» – *вацІлувун учІаву* «приход в лес»; *школалияту лаган* «уйти из школы» – *школалияту лагаву* «уход из школы».

В лакском языке масдар теоретически может употребляться во всех падежах. В английском языке категория падежа включает лишь общий и притяжательный падежи, но употребление или отсутствие предлогов после герундия также соответствует управлению глагола, от которого образован герундий: *I am tired of listening to her memories*.

В случае утери масдаром глагольных признаков – категорий вида и класса, масдар переходит в разряд абстрактных существительных, и в отдельных случаях может иметь форму множественного числа: *бувчІаву* «выбор» – *бувчІавуртту* «выборы», *ххувишаву* «победа» – *ххувишавуртту* «победы» [1, с. 7].

Именные признаки герундия обнаруживаются синтаксически в его левосторонней дистрибуции, в выполняемых им синтаксических позициях и их оформлении (предложном и беспредложном). К именной левосторонней дистрибуции относится притяжательный падеж имени или притяжательное местоимение при выраженном субъекте: *On Steerforth's replying in the affirmative, she pushed a chair; But I did not stop her leaving the room*, а также отрицательное местоимение *no* в позиции подлежащего после *there is/was*: *Well, there's no avoiding him now*. С герундием артикль обычно не употребляется, и использование артикля рассматривают как один из признаков разграничения герундия и отглагольного существительного, например: *A good beginning makes a good ending*.

В предложении масдар обычно выступает в тех же функциях, в которых выступает существительное, т.е. в функции главных членов предложения с именными сказуемыми, в функции прямых и косвенных дополнений, в функции обстоятельств. Но наиболее характерной функцией является позиция дополнения: *ппу учІаврия ххари хьун* «обрадоваться приезду отца»; *арснал канил пиша лахьлахьаврий буттан дакІ даркьуна* «отцу понравилось, что сын учится и ручному ремеслу»; *кІива-шанма пиша лахьхьаврия зарал бакъар* «от овладения несколькими профессиями вреда нет», а также косвенного дополнения: *на хьинну ххарира ина сурастру дуллалаврия* «Я очень рад, что ты рисуешь». Синтаксической особенностью масдара в лакском языке является то, что он, подобно глаголу, определяется наречием, а не прилагательным: *чІалну учІан* «поздно прийти» – *чІалну учІаву* «поздний приход». Данную особенность исследователи считают критерием разграничения масдара от существительного. Отметим, что в английском языке одним из признаков разграничения герундия от отглагольного существительного также является то, что он определяется наречием: *They both started crying pitifully*, в то время как отглагольное имя определяется прилагательным и может употребляться с артиклем: *She needs a good scolding*. Еще одной особенностью герундия, образованного от переходного глагола, является наличие прямого дополнения: *We are looking forward to leaving this place*. Подобно масдару в лакском языке, герундий в английском языке имеет четкие морфологические и синтаксические показатели глагольности, которые делают герундий неотъемлемой частью системы глагола, но сохраняет именные признаки, в том числе способность занимать именные позиции в предложении. Герундий может выполнять синтаксические функции подлежащего, дополнения, обстоятельства и определения. Кроме того, английский герундий может входить в состав глагольного сказуемого.

Обобщая сказанное, можно отметить, что в сопоставляемых языках анализируемым формам присущи глагольные признаки, т.е. они указывают на действие и состояние предмета, но не различают категорий времени и наклонения. Однако, в английском языке, несмотря на отсутствие у герундия категории времени, ему присуща категория временной отнесенности. А масдар не соотносит действие с моментом речи, называя процесс без указания на время его совершения.

И герундий, и масдар схожи с глаголом по семантическим и структурно-морфологическим признакам, но проявляют существенные различия в категориальных признаках. Масдару присущи категориальные признаки грамматического класса, числа,

вида. В английском языке имена не различаются по грамматическим классам, и соответственно герундий не различает данную категорию. Кроме того, английскому герундию не присущи категории числа и вида. Однако в английском языке в герундии противопоставлены значения действительного и страдательного залога, а масдар не имеет залоговых оппозиций.

Наряду с глагольными свойствами в герундии и масдаре неизменно присутствуют и именные свойства, которые сближают эти формы с именем. Однако их проявление в двух языках различно. Именные признаки герундия проявляются в его левосторонней дистрибуции и синтаксических функциях, а именные признаки масдара проявляются в его изменении по падежам.

В обоих языках известны трудности разграничения отглагольного имени и неличной формы глагола. В английском языке употребление артикля перед *-ing*-формой и множественное число рассматриваются как признаки отглагольного существительного, а их отсутствие и явно глагольные показатели залога, перфекта, прямое дополнение и наречное обстоятельство считают признаками герундия. В лакском языке критерием разграничения масдара и отглагольного имени является то, что перед масдаром нельзя употребить определение. Поэтому абстрактное глагольное существительное и рассматриваемые неличные формы глагола вне их дистрибуции в сопоставляемых языках практически неразличимы.

Список литературы

1. Грамматика современного английского языка. [под ред. А.В. Зеленщикова, Е.С. Петровой]. – М.-С.Пб.: Академия, 2003. с. 262
2. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. М.: Изд. фирма “Вост. лит.” РАН, 2001. с. 180.
3. Магомедова Э.К. Отглагольные субстантивы в лакском языке. Автореф. дис. канд. филол. наук. – Махачкала, 2009. 22 с.
4. Муркелинский Г.Б. Грамматика лакского языка. – Махачкала, 1971. с. 59.

10.02.19

¹Д.Р. Гилязова, ²А.С. Титлова

Башкирский государственный университет,
¹факультет Романо-германской филологии,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
²факультет романо-германских языков,
кафедра иностранных языков естественных факультетов,
Уфа, dika_ya@rambler.ru, nastyatitl@gmail.com

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

В статье представлен обзор определений понятия манипуляция, большое внимание уделено основным характеристикам, признакам и манипулятивным тактикам, которые нередко приводят к конфликтам. Далее представлен результат исследования восприятия и понимания поликодовых текстов. Результаты исследования дают почву для продолжения исследований в этой области.

Ключевые слова: манипуляции, конфликт, воздействие, фрустрация.

В век современных технологий одним из самых востребованных типов текста является, несомненно, интернет-текст. Интернет – это удобная среда для широкого распространения информации. Практически все новостные издания имеют свои страницы в глобальной сети: это может быть отдельный сайт и/или страница в социальных сетях. При максимальной доступности и широком охвате аудитории, создатели новостного текста используют и манипулятивные технологии, усиливая воздействие на адресата.

Манипулятивность изучается в рамках различных научных направлений: психологии, социологии, политологии, политтехнологии, маркетинга, психолингвистики и социолингвистики. Понятие «манипуляция» получило множество определений. Приведем некоторые из них.

Манипуляция – это скрытый психологический прием, при помощи которого можно заставить человека выполнять необходимые действия вопреки интересам и воле этого человека. Так определяется манипуляция в рамках психологии. В политологии считается, что манипуляция – это махинация или система психологического воздействия, ориентированная на внедрение иллюзорных представлений [4, с.323]. Шиллер дает следующее определение данному понятию: скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения [8, с. 132].

Среди признаков манипуляции отмечают:

а) ненасильственное воздействие (психическое и психологическое), оказываемое на манипулируемого; б) объект манипуляции – это одновременно и средство достижения цели; в) стремление получить односторонний выигрыш; г) скрытый характер как самого акта манипуляции, так и её цели [1, с.298].

По мнению многих исследователей, манипуляция напрямую связана с конфликтообразованием. Здесь, очевидно, целесообразно рассмотреть существующие приёмы и тактики манипуляции, обладающие конфликтогенным потенциалом.

Тактика «совместного рассуждения» – один из наиболее часто используемых журналистами приемов, заключающийся в вовлечении адресата в процесс коммуникации. При этом возникает иллюзия якобы совместного поиска решения проблемы, попытки найти ответы на вопросы; адресата при этом подталкивают к негативным умозаключениям.

Еще одна – фрустрационная – стратегия призвана активизировать эмоции адресата. Цель данной стратегии – создать психологический дискомфорт для дезориентации адресата коммуникации. Читателя пытаются вывести из эмоционального равновесия при помощи целого набора приёмов, вплоть до запугивания (например, подробным описанием страшных последствий или негативным прогнозом). Таким образом, авторы текста вызывают или подпитывают чувство тревоги, формируют настороженное отношение к описываемым событиям.

Продуцируя новостной текст с использованием данных приемов, автор играет на эмоциях реципиента, пытается вызвать эмоциональный отклик, что, безусловно, порождает как скрытые, так и открытые конфликты.

Зачастую интернет-издания манипулируют сознанием адресата, актуализируя оппозицию «свой — чужой» (это в большей мере присуще политическим хроникам), таким образом, создавая противоборство, а, соответственно, конфликт.

По мнению Н.П. Пешковой, сам текст, являясь единицей речи, способен спровоцировать конфликтную ситуацию, поскольку восприятие, понимание и интерпретация содержания и смыслов текста динамичны и субъективны. Конфликт, таким образом, возникает как реакция на определенного рода информацию. Автор полагает, что при внутреннем диалоге «автор – адресат» сторона, продуцирующая текст, способствует, намеренно или нет, появлению агрессивных вербальных реакций со стороны реципиента [4, с.15-16].

Здесь мы считаем необходимым остановиться подробнее на такого рода реакциях. Выбирая экспериментальную методику для выявления особенностей восприятия и понимания текста, мы использовали метод «встречного текста» А.И. Новикова. Данный метод «позволяет экспериментально исследовать сам процесс восприятия текста в его более непосредственном виде, приближенном к реальному протеканию» [2, с. 64]. Основой такого экспериментального метода служит гипотеза А.И. Новикова об «активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, ... а сам строит «встречный текст»» [2, с.65], представляющий собой «набор индивидуальных реакций реципиента» [3, с.49]. Посредством «встречного текста» человек отображает его содержание и смысл.

Наше исследование отличается тем, что методика «встречного текста» А.И. Новикова применяется не в условиях, заданных экспериментом, а используется в естественной среде интернет-коммуникации. В качестве текстов-стимулов выбраны новостные тексты, размещенные различными изданиями (Интерфакс, ТАСС, Комсомольская правда, РИА Новости, Russia Today на русском языке).

В качестве «встречных текстов» нами рассматриваются комментарии пользователей как реакции реципиентов, воспринимающих информацию текстов-стимулов.

Перед тем, как перейти к анализу полученных результатов, представляется необходимым остановиться на одной из ключевых отличительных особенностей интернет-текста – его мультимедийности, поскольку именно на этом признаке основано данное исследование. Мультимедийность – это разнообразие форматов подачи информации в медийных ресурсах (текст, звук, видео- и фотоизображение).

С точки зрения лингвистики мультимедийные сообщения являются поликодовыми. Современная лингвистика все чаще сталкивается с необходимостью изучения поликодовых сообщений, так как интернет-среда порождает все больше текстов, явно отличающихся от «традиционных». В.Е. Чернявская рассматривает поликодовость как сочетание разноплановых кодов, где код – это «система условных обозначений, символов, знаков и правил их комбинации между собой для передачи, обработки и хранения (запоминания) информации в наиболее приспособленном для этого виде» [8, с. 28]. А.Г. Сонин полагает, что поликодовый текст – это «специфический текст, включающий разные по своей семантической природе составляющие» [6, с. 54].

Неотъемлемой частью новостного интернет-текста является его невербальная составляющая, несомненно, усиливая воздействующий потенциал текста, что, на наш взгляд, влечет за собой и повышенную потенциальную конфликтность. Известно, например, что изобразительный компонент позволяет автору завуалировано выражать свои мысли; читатель при этом «получает полную свободу интерпретации информации, полученной в виде смешанных кодов» [7, с.961]. Функция иллюстративного материала не только информативная, но и аттрактивная и экспрессивная.

Далее приведем пример реакции реципиентов на вербальный и поликодовый тексты. Оба текста посвящены событиям, связанным с экологической обстановкой в мире; главное действующее лицо – известная активистка, девочка-подросток Грета Тунберг. Вербальный текст (далее Текст 1) содержит информацию о выдвижении эоактивистки на Нобелевскую премию. Вербальная часть поликодового текста (далее Текст 2) содержит такую же информацию, а его невербальная часть – это фотография девочки, эмоционально выступающей с трибуны.

Преобладающая реакция на оба текста – реакция оценки (Текст 1 – 68%, Текст 2 – 73%), далее следует комбинированная реакция как сочетание нескольких (Текст 1 – 18%, Текст 2 – 16%), реакции мнение и перевод (Текст 1 – 8% и 6%, Текст 2 – 6% и 5%, соответственно). Интересно отметить, однако, особенности оценочных реакций на анализируемые тексты. Подавляющее большинство реакций оценки на Текст 1 – положительная оценка (76%). Пользователи поддерживают инициативу выдвижения эоактивистки на премию, высказывают одобрение ее деятельности, в общем. Например: «Умница! Такая молодая и уже думает о глобальном», «Вот это хорошее дело затеяла!», «Так держать! Всей молодежи пример с нее брать надо».

В то же время, по мнению пользователей, мимика девочки на фотографии, являющейся невербальным компонентом Текста 2, довольно агрессивна. Именно этот факт находит отражение в качественной характеристике реакции оценки. Оценочные реакции на Текст 2, в большинстве своем (65%) – это негативная оценка и ироничная оценка. Например: «Господи, какая неприятная девочка», «Страшная какая, будто покусает сейчас», «С таким лицом от любой хорошей идеи отпугнет».

Следует также отметить, что конфликт возникает не только в рамках коммуникативной пары «автор-читатель», но и между пользователями. Под текстом-стимулом возникают так называемые «треды», или «ветки», где разворачивается конфликт между участниками коммуникации. Например: «Ну и рожа *фейспалм*» - «Ой, я смотрю, сами-то все красоты неземной» - «Может и не неземной, но и на нобелевку не претендуем» - «Правильно, сами то и пальцем не пошевелили. Только загадать можете» - «Это у вас загажено. В голове».

На наш взгляд, проведенное нами небольшое исследование наглядно показывает, что процесс понимания текста и смыслообразования тесно связан с эмоциями. И автор текста, а особенно интернет-текста со всем набором технических средств, способен спровоцировать читателя на вербальное выражение эмоций. И, как мы видим из приведенных выше примеров, выбор невербального компонента текста также играет большую роль и может служить своего рода триггером для зарождения негативной реакции и конфликта. Таковы предварительные выводы нашего исследования особенностей восприятия и понимания поликодового текста как средства манипуляции и источника конфликта.

Список литературы

1. Ворошилова А.А. Манипуляция как объект социально-политического исследования // Сибирский журнал науки и технологий. – 2006. – №6 (13). – С. 296-300.
2. Новиков А.И. Текст и контртекст: две стороны процесса понимания // Вопросы психолингвистики. – № 1. – М.: Институт языкознания, 2003. – С.65
3. Пешкова Н.П. Смысл текста и его многозначность. [Текст]/ Н.П.Пешкова// С любовью к тексту: монография. – Уфа: Восточный ун-т, 2006. – С. 39-50.
4. Пешкова Н.П. Выявление зон конфликта в условиях взаимодействия разных языков и культур // Межкультурное общение: контакты и конфликты: сборник научных трудов, М.:2015, с. 15-16.
5. Современный политологический словарь / под ред. В. И. Даниленко. М. : Nota Bene, 2000. – 1016 с.
6. Сонин А.Г., Понимание поликодовых текстов когнитивный аспект [Текст]/А.Г.Сонин. – М.:Институт языкознания РАН, 2005. – С.54.
7. Титлова А.С., Моисеева А.В. Воздействующий потенциал поликодового масс-медийного текста/ Вестник Башкирского университета №4 (декабрь) 2019. С.959–962
8. Чернявская В.Е., Поликодовое пространство текста: лингвасемантическая парадигма языкознания [Текст]/ В.Е.Чернявская// Язык в парадигмах гуманитарного знания: XXI век. – СПб.:2009. – С.23-35.
9. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием/ Г.Шиллер. М. 1980. 326 с.

10.02.19

Е.А. Должич канд. филол. наук, С.В. Дмитриченкова канд. педагог. наук

Российский университет дружбы народов,
Инженерная академия,
кафедра иностранных языков,
Москва, korte@mail.ru, sw.wl@mail.ru

АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Категориальный аппарат лингвистики текста постоянно расширяется в связи с развитием существующих научных знаний, а также появлением новых категориальных характеристик. Актуальность данного исследования определяется необходимостью систематизации средств выражения коммуникативно-прагматической текстовой категории адресованности в научной коммуникации. Цель исследования состоит в изучении и описании актуализации категории адресованности в испанских научных текстах.

Ключевые слова: адресованность, автор, испанский научный текст, коммуникация.

Ситуацию авторизации и адресованности научного дискурса мы считаем целесообразным рассматривать в рамках категории интертекстуальности. Определим интертекстуальность как многомерную связь отдельного текста с другими текстами по линиям содержания, жанрово-стилистических особенностей, структуры, формально-знакового выражения. Она является системообразующей категорией дискурса, соотносится с другими системообразующими категориями: авторство, адресатность, информативность; с системно-приобретенными категориями дискурса: содержательность, структурность, стилевая и жанровая принадлежность, целостность, участники и обстоятельства общения [2]. Интертекстуальность выполняет функцию инструмента для достижения признания в кругу коллег, способствует росту престижа учёного. В широком смысле и длительной перспективе нарочитое микширование научных текстов регулирует процесс воспроизводства общечеловеческого знания как безусловной ценности.

В.Е. Чернявская определяет интертекстуальность как категорию открытости текста, выделяя содержательно-смысловую открытость текста по отношению к другим текстовым системам и его открытость читателю, «тезаурус которого представляет собой незамкнутую систему пресуппозиций, обуславливающих полноту восприятия всех элементов текстового целого» [3].

Интертекстуальную ситуацию научного дискурса мы схематично уподобляем модели треугольника, которая включает: 1) автора текста, как многомерную интегрирующую величину; 2) текст-реципиент; 3) адресата. Каждая из составляющих достойна отдельного рассмотрения. Под авторизацией мы понимаем дополнительный структурно-семантический план текста, указывающий на субъект познания и речи [4].

Обращаясь к научным текстам, целесообразно анализировать его авторскую компоненту с учетом интегрированных мыслей, идей, подходов и их текстуальных реализаций, привлеченных автором из расширенного дисциплинарного контекста.

Адресат строго научных текстов достаточно специфичен. Автор научного текста неизбежно прогнозирует векторы и характер герменевтической деятельности реципиента. Сознательно или бессознательно автор подстраивается под адресата, редактируя себя с учётом восприятия предполагаемого читателя.

Многомерность авторства обусловлена наличием в собственной работе включений из научных трудов других авторов. Научные обзоры чаще всего представляют собой пересказы с упоминанием концепций мыслителей, работавших в данной сфере ранее. Диссертации

обычно защищаются в рамках определённой школы, поэтому ссылки на авторитеты неизбежны, а свобода автора весьма условна, ибо он никогда не построит здания своих идей и наблюдений на пустом месте.

Тем не менее, знакомство с современным кругом научных изысканий и включение выдержек из существующей научной литературы позволяет: 1) расширить границы фоновых знаний, необходимых для адекватного восприятия текста; 2) реализовать потенциально возможные диалогические ситуации в рамках виртуального диалогического поля; 3) сформировать диалогические взаимоотношения между учеными. Диалогические отношения обеспечивают когерентность познавательной деятельности; когерентность предполагает логическое следование, вытекание новых позиций из наработанных ранее.

Привлечение текстовых фрагментов других авторов имеет в научной коммуникации собственную прагматику, поскольку позволяет не только формировать виртуальный диалог, но и «привлекать на свою сторону» мнения и точки зрения, одобренные научным сообществом. Выделяя авторизацию в научном дискурсе, Е.А. Баженова определяет её как «совокупность средств выражения авторского «Я», направленную на активизацию коммуникативно-познавательной деятельности читателя в процессе усвоения собственно научной информации, а также на создание благоприятных условий для диалогической гармонии между автором и адресатом» [1].

Категория адресованности реализуется в научном тексте через систему формально-содержательных средств, приемов привлечения внимания читателя и актуализации в текстовой структуре «образа читателя» как партнера по коммуникации. Выявлены следующие средства адресованности к читателю в испанском научном дискурсе:

1) косвенное обращение - упоминание читателя в качестве третьего лица: *...para que el lector pudiera revisar las referencias de un artículo mientras lo fuera leyendo;*

2) вовлечение адресата в процесс сомышления: *Hipotetizamos que la autoproteólisis de VP2 es el evento de procesamiento final.*

Следует отметить когнитивную семантику глаголов, указывающих на общность знаний «saber», «sopocer», а также семантику глаголов, обозначающих совместные интеллектуальные действия адресанта речи и ее адресата: «considerar», «suponer», «analizar», «determinar», etc. Достаточно часто глаголы выступают в форме сослагательного наклонения, побуждая к совместному действию: *Consideremos el siguiente problema con condiciones Dirichlet homogéneas.*

3) Сложное переплетение векторов авторизации и адресации образуют вопросно-ответные комплексы, подразделяющиеся на:

а) монологический вопрос – вопрос автора самому себе, служащий вовлечению потенциального читателя в совместное рассуждение:

¿Se podría restituir la función de los genes? – Pawlyk et al. [2005] usaron el modelo de ratón knockout para responder a esta pregunta;

б) вопрос, ориентированный на читателя, выполняющий функцию уточнения важных точек зрения: *¿qué Δt debemos elegir para calcular $I_{\Delta t}(E)$?* – La respuesta a esta pregunta nos la da el tiempo de Ehrenfest;

в) вопрос, инициированный имплицитным читателем: *¿Pero qué tipo de nanoestructuras de gran diámetro se están formando ahora?* – Las medidas TEM muestran que se trata de estructuras bifásicas constituidas por un núcleo interno;

г) вопросы, представляющие план развернутого далее знания: *¿Por qué en la sierra de Aitana se originan los primeros bancales? ¿Qué actividad impulsó la necesidad de su creación?*;

е) вопросы, представляющие собой многоголосие, имитирующие бурную дискуссию: *¿es lo mismo educación que comunicación ambiental? ¿la interpretación es educación ambiental? ¿cuáles son los fines de la educación ambiental?*

Каждый новый научный текст знаменует собой поступательность, эволюционность научного познания во временном контексте, отражает фактор преемственности в науке. Именно интертекстуальность как особый способ построения нового текстового смысла через

взаимодействие с «чужой» смысловой позицией отражает сущность механизмов текстообразования в науке и процесс смыслового диалогического взаимодействия текстов в плане содержания и выражения.

Итак, научный текст диалогичен по своей природе, поскольку научные проблемы в различных отраслях знаний не могут формироваться без творческого взаимодействия различных взглядов, подходов, направлений, школ. Автор научного текста представляет собой многомерную величину, интегрирующую мысли, идеи и их текстуальные реализации, привлеченные им из расширенного дисциплинарного контекста. Адресат или воспринимающая сторона является полноправным участником дискурса, от него во многом зависит успех общения. По мнению многих исследователей, адресат творит текст наравне с автором, ибо каждый акт восприятия текста является индивидуальным и неповторимым.

Список литературы

1. Баженова Е.А. Научный текст в дискурсивно-стилистическом аспекте. Вестник Перм. ун-та. – Вып. 5. – 2009. – С. 24-32.
2. Христофорова, Н.И. Реализация категории адресованности в рамках научно-популярного текста с помощью вербальных и невербальных компонентов. В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии, (35), - 2014. - С. 59-67.
3. Чернявская В.Е. Лингвистика текста: поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, - 2009. - С. 132-134.
4. Dolzhich E.A. Generación de nuevo conocimiento en el discurso académico. VII международная научная конференция испанистов Homo loquens в ибероамериканском лингвистическом пространстве: исследования и преподавание. М: МГИМО. - 2016. - С. 43.

10.02.19

Е.И. Кривошеева канд. филол. наук

Тихоокеанский государственный университет,
Факультет востоковедения и истории,
кафедра восточных языков,
Хабаровск, enl77@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ ЯПОНСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В статье рассматриваются особенности лингвокультурологического аспекта при осуществлении переводов с японского на русский язык. На материале текстов о сотрудничестве в политической и аэрокосмической сферах показываются способы поиска адекватных решений с учетом проблемы семантической эквивалентности в контексте культурного багажа России и Японии.

Ключевые слова: японский язык, семантическая эквивалентность, перевод, адаптация, лингвокультурологическая эквивалентность.

В настоящее время, как никогда, актуален вопрос изучения перевода не только с точки зрения формальной передачи информации, но и с позиций лингвистики, где особое внимание уделялось бы характеру соотношения двух языков, их грамматическим, синтаксическим и стилистическим средствам. Практикой также показано, что успешное осуществление переводческой деятельности невозможно без понимания культурного контекста, в котором субъект высказывания формирует свою речь. «Никакое переводческое преобразование невозможно без правильного согласования вербального контекста и его актуального социокультурного подтекста, и вертикального контекста» [2, 50].

На сегодняшний день на Дальнем Востоке определяющим вектором экономического развития является налаживание и расширение связей со странами АТР. Презентация новых условий ведения бизнеса, а также повышение конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности региона указывает на то, что оставаться в роли нейтрального посредника переводчику будет трудно, ибо, наряду с когнитивными, потребуются знания этносоциокультурных и прагматических факторов.

Говоря о Японии, прежде всего, это касается политической сферы, где наблюдается определенный сдвиг в сторону решения давно наболевшего вопроса о подписании мирного договора и последующего определения статуса островов Курильской гряды. В этой связи, критически важным является наличие у переводчика фоновых знаний по истории вопроса и умение ориентироваться в хитросплетениях японо-русской дипломатии, чтобы преподнести материал с учетом особенностей культуры двух стран. Для наглядности приведем несколько примеров. Во-первых, это семантика самого термина, описывающего факт передачи островов. Так, в японской прессе, освещающей проблему принадлежности четырех островов Курильской гряды (Итуруп, Шикотан, Кунашир и Хабомаи), используются выражения 返還 и 引き渡し. Большой японско-русский словарь под редакцией академика Конрада Н.И. интерпретирует слово 返還 как «возврат имущества прежнему владельцу» [1, с. 514]. Для 引き渡し эквивалентом выступает лексическая единица «передача» [там же, с. 467]. С позиции Японии четыре северных острова являются исконно японскими территориями, поэтому они используют слово 返還 со значением «возврат». Россия, как известно, не признает притязания Японии на территории, находящиеся в границах РФ, поэтому в данном случае уместно использование выражения 引き渡し в значении «передача» или «уступка».

Во-вторых, история территориального вопроса имеет свои взлеты и падения, отражая суть внешней политики лидера страны, находящегося у власти и привнося в язык новую терминологию, которую переводчик обязан отслеживать, знать и корректно использовать. Так, если для периода правления М.С. Горбачева было распространено выражение (領土問題を) 棚上げにする «положить под сукно решение проблемы (северных территорий)», то для периода Ельцина это уже звучало как 動き出した (北方領土問題) – «сдвинувшаяся с мертвой точки проблема (Северных территорий)». При Ельцине большинство двусторонних встреч на высшем уровне проводились в неформальной обстановке, для чего в японский язык был введен новый термин ノーネクタイ – встреча «без галстуков». Эти же встречи имели и другое название 「裸の首脳会談」 «встреча на высшем уровне голышом» – выражение, буквально озвучивающее реальность места встречи двух лидеров – бане, так любимой Б. Н. Ельциным.

В период нахождения у власти В. В. Путина в язык обсуждения территориального вопроса вошли выражения 戦略的なパートナーシップ стратегическое партнерство и 透明性 (関係) прозрачность (отношений), отражающие готовность лидера страны к конструктивному диалогу. Кроме того, с подачи российского президента, на международных встречах активно используется метафоричность спортивной лексики. Например, 一本 ippon термин из дзюдо и карате, который имеет значение «получение одного балла в пользу победы», другими словами можно сказать «1:0 в чью-либо пользу». Или же выражение 引き分け «ничья», которое вошло в обиход после посещения В.В. Путиным Японии в декабре 2016 года, где переговоры по налаживанию отношений и заключению мирного договора стали приоритетными для обеих сторон. Появился такой термин как 三角トレード. Само понятие トレード используется в бейсболе для описания обмена игроками между командами. В политической сфере этот термин можно перевести как «метаться, выбирать между двух огней» или же «выбирать из двух зол».

Еще одной из площадок для двустороннего взаимодействия, где, возможно, появится потребность в осуществлении переводов – это совместная работа в космической сфере.

Так, наибольшую трудность при осуществлении коммуникации в рамках рассматриваемой направленности, безусловно, представляет терминология. В данном случае, знание способов словообразования в отношении единиц аэрокосмической направленности поможет осуществить точную передачу содержания сообщения с японского языка на русский и наоборот. Например [3, 4]:

1) Конструкции с присоединением суффикса к основе лексической единицы: суффикс 力 – сила, возможность, способность: 異能力 – отличительные характеристики, 圧力 – давление, 安定勢力 – стабилизирующая сила, 光力 – сила, энергия света; суффикс 化 – ближайшим эквивалентом в русском языке является суффикс – *ция*: 異化 – катаболизм, イオン化 – ионизация, 悪化 – детериоризация, 塩基化 – базификация, 格変化 – инфлексия ядра, 可視化 – визуализация, 擬人化 – антропоморфизация; суффикс 系 – система, связь, отношение к чему-либо: 太陽系 – космические объекты, расположенные в солнечной системе, 銀河系 – галактика, 自律系 – автономная система, ピリン系 – пилин, класс волокнистых белков, 循環系 – система циркуляции жидкости внутри устройства, организма; суффикс 面 – аспекты, поверхность: プラス面 – положительный аспект, 正面 – фронтальная сторона, 地面 – поверхность земли, 底面 – основание, 放物面 – парабола, 天面 – верхняя опорная поверхность; суффикс 器 – механизм, техническое устройство, сосуд: 探査機 – космический зонд, 加速器 – ускоритель, 原器 – прототип, 連結器 – коннектор, 濾過器 – фильтрующее устройство, 変換機 – конвертер, 変圧器 – трансформатор, 偏光器 – поляриметр, 方向探知機 – радар, 噴霧器 – распылитель, 分光器 – спектроскоп, 発振器 – генератор сигналов, осциллятор.

2) Конструкции с присоединением префикса к основе лексической единицы: приставка 非 – отсутствие: 非核 – неядерный, 非科学 – не научный, 非化石燃料 – топливо неископаемого происхождения, химического состава, 非加熱 – не подлежащий термообработке, 非合理 – иррациональный, 非常官製 – урегулирование экстренной ситуации; приставка 有 – наличие, обладание чем-либо: 有翼 – крылатый, в значении ракета и т.п., 有毒燃料 – токсичное топливо, 有孔生 – организмы - фораминиферы; приставка 超 – ближайшие эквиваленты в русском языке – сверх, ультра: 超音速輸送機 – сверхзвуковое транспортное устройство, 超音波 – ультразвуковые волны, 超氷河期 – период запредельного оледенения, 超高周波 – сверхвысокая частота, 超短波 – сверхкороткие, метровые волны, 超感度 – сверхчувствительный.

3. Конструкции с присоединением двух элементов к основе лексической единицы: 無境界説 – теория безграничного пространства (префикс 無 – отсутствие, суффикс 説 – теория, объяснение); 微粒子論 – теория микрочастиц (префикс 微 – ближайший эквивалент на русском языке – микро, суффикс 論 – теория, представление); 近紫外線 – ближнее ультрафиолетовое излучение (префикс 近 – ближний, находящийся на ближней дистанции, суффикс 線 – линия, излучение).

Адекватность передачи содержания при переводе рассмотренных текстов с японского языка требует наличие не только соответствующих фоновых знаний, но и умение адекватно, без утяжеления специфическими терминами, оформить информацию на русском языке. Очевидно, что восприятие культурных образов, которыми являются тексты указанной тематики, выходит за рамки узкой задачи перевода и требует применения особых методов организации межкультурного общения, которые сейчас активно разрабатываются в лингвистике, литературоведении, этнографии, психологии, и, особенно успешно, в психолингвистике.

Список литературы

1. Конрад Н.И. Большой японско-русский словарь, М.: Советская энциклопедия, 2010. – 1400 с.
2. Фефелов А.Ф. Современное российское переводоведение: в поисках новой суверенной парадигмы // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13, вып. 1. С. 48–72.
3. 航空宇宙辞典:単行本/木村秀政監修. 東京出版: 他人書館、1995, 増補版. –912.
4. 吉川真. 「はやぶさ2」 ミッション前半を終了/吉川真//宇宙航空研究開発機構広報部誌. 東京出版官, 2019. №1 (75), 19-21ページ.

10.02.19

¹Д.Ц. Очиржапова, ²Н.Г. Пушкарёва, ¹Л.Д. Раднаева д-р филол. наук, ²Н.С. Талдыкина¹Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова в г. Улан-Удэ,
кафедра иностранных языков,²Читинская государственная медицинская академия в г. Чита,
кафедра иностранных языков,breakday28@gmail.com, ch.bronte@yandex.ru, Radnaeva.ljubov@gmail.com,
talnat.78@rambler.ru,

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

Статья посвящена изучению фонетических свойств гласных английского языка на примере их эталонных реализаций из произносительного словаря [1] и гласных, реализованных носителями русского языка. Рассматривается формантная структура английских гласных /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/ в составе односложных и двусложных словоформ. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [2].

Ключевые слова : английский язык, гласные, формантная структура, транскрипция.

Введение. Изучение фонетических свойств звучащей речи на иностранном языке находится в центре внимания современных экспериментально-фонетических исследований. Как известно, сложным вопросом при освоении неродного языка является его произношение. Звуковые системы существенно различаются как по количеству фонемного состава, так и по качественным характеристикам. Реализация комбинаторно-позиционных аллофонов неродного языка отражается в длительности, формантной структуре, интенсивности. В статье представлены акустические свойства английских гласных в составе односложных и двусложных слов в реализации носителей русского (1 этап эксперимента) и английского (2 этап эксперимента) языков.

Материал. Вокалическая система английского языка включает 20 гласных фонем (12 монофтонгов и 8 дифтонгов) : /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /ɜ:/, /ə/, /u:/, /ʊ/, /ɔ:/, /ɒ/, /ɑ:/, /ʌ/, /eɪ/, /ɪə/, /ɛə/, /əʊ/, /ʊə/, /ɔɪ/, /aɪ/, /aʊ/.

Материалом 1 этапа эксперимента послужили гласные переднего ряда /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/ в составе 26 односложных и двусложных слов английского языка. Слова были записаны в произнесении дикторов – студентов неязыкового ВУЗа в возрасте от 16 до 26 лет. Представлены мужские и женские голоса. Дикторы имеют разный уровень владения английским языком. Запись неподготовленного чтения звукового материала в естественном темпе производилась в условиях изолированной комнаты на диктофоне «Sony». Записи были оцифрованы и введены в память компьютера «Samsung». Общий объем материала составил 208 звуковых файлов.

Материалом 2-го этапа эксперимента послужили аналогичные гласные в составе указанных выше 26 слов из произносительного словаря в исполнении эталонного диктора – носителя английского языка.

Методика. Для анализа звучащего материала применялись следующие методы: акустический, сравнительный, статистический. Анализ качественных и количественных характеристик аллофонов гласных производился при помощи компьютерной программы Praat [3]. Частотные характеристики гласных обрабатывались в программе Excel.

Частотные показатели реализаций английских гласных /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/ в составе односложных и двусложных слов в реализации восьми дикторов – носителей русского языка составили основу базы данных для примера, представленных в таблице 1. Условные обозначения таблицы: V — гласный, S — количество слогов, F — форманта, Дм и Дж — дикторы с мужскими и женскими голосами.

Таблица 1

Частотные характеристики комбинаторных аллофонов гласного /i/ в односложных и двусложных словах

V	пример	S	F	Дикторы							
				Д1ж	Д2ж	Д3ж	Д4м	Д5м	Д6ж	Д7м	Д8м
/i/	pig	1	F1	404	495	566	760	347	780	595	364
			F2	2085	1756	1852	1815	2068	2210	2156	2093
/i/	kick	1	F1	342	494	596	330	368	605	326	331
			F2	2348	1960	2164	1858	2256	2456	2140	1984
/i/	tick	1	F1	461	493	457	346	434	560	320	348
			F2	2083	1932	1965	2058	2235	2223	2127	2030
/i/	pity	2	F1	310	411	476	310	343	445	303	326
			F2	2103	1871	2174	1904	2165	2330	2081	1974
/i/	ticket	2	F1	292	416	392	329	378	386	320	344
			F2	2329	2035	2090	1881	2282	2117	2087	1984
/i/	Kitty	2	F1	290	427	461	315	290	388	291	324
			F2	2443	1887	2275	1959	2172	2288	2052	2009

Частотные показатели реализаций английских гласных /i:/, /i/, /e/, /æ/ в составе односложных и двусложных слов в реализации диктора — носителя английского языка представлены на рисунке 1.

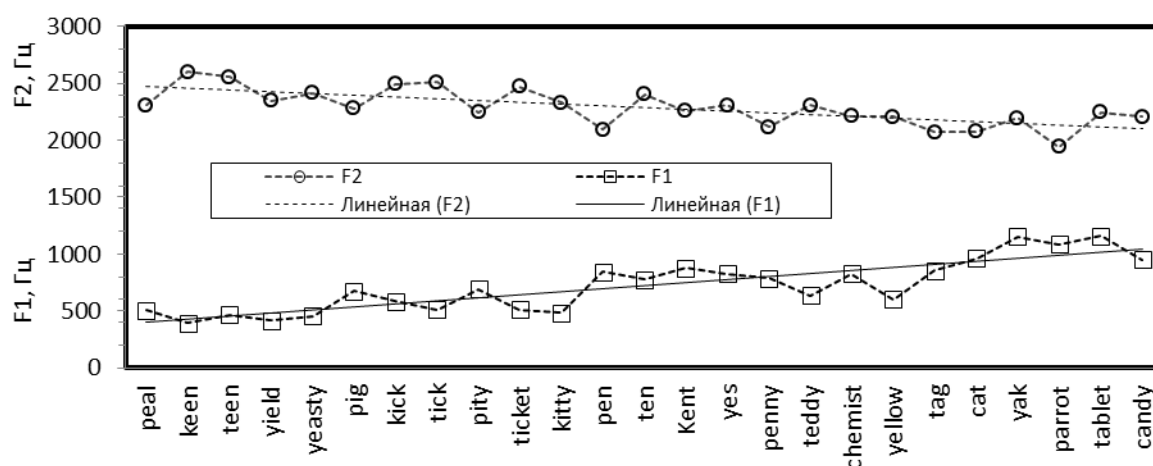

Рис.1. Формантная структура гласных /i:/, /i/, /e/, /æ/ в составе односложных и двусложных слов в реализации носителя британского варианта английского языка. По оси абсцисс — слова; по оси ординат — значения формант F1 и F2 в Гц. Линия тренда указывает на траекторию движения формантных значений F1 и F2

Частотные показатели реализаций гласных /i:/, /i/, /e/, /æ/ в плоскости F1- F2 в произнесении носителя английского языка представлены на рисунке 2.

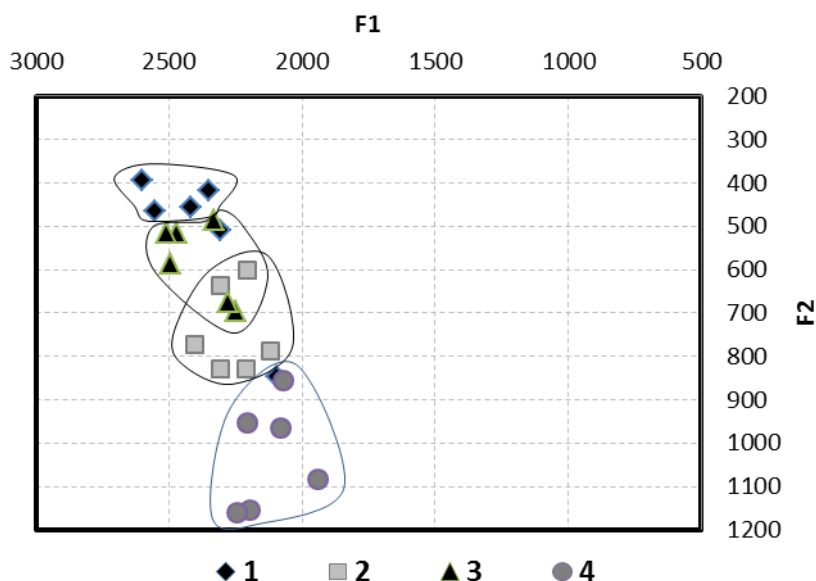

Рис.2. Распределение гласных 1) /i:/, 2) /ɪ/, 3) /e/, 4) /æ/ в составе односложных и двусложных слов в реализации носителя британского варианта английского языка в формантной области F1- F2. По оси абсцисс — F1; по оси ординат — F2 в Гц. Области распространения гласных в рамках артикуляторно-акустического треугольника выделены окружностью

Дискуссия. Отдельные примеры реализаций гласных носителями русского и английского языков представлены на рисунке 3. Результаты, демонстрируют значимые расхождения в показателях. Например, гласный /i:/ реализуется носителями русского языка как звукотип гласного переднего отодвинутого назад ряда, высокого подъема. Усредненные формантные значения в позиции после губного /p/ составили F1 380 Гц, F2 2066 Гц, переднеязычного /t/ — F1 366 Гц, F2 2157 Гц, среднеязычного /j/ — F1 348 Гц, F2 2056 Гц, заднеязычного /k/ — F1 387 Гц, F2 2184 Гц. Гласный /ɪ/ реализуется как звукотип гласного переднего отодвинутого назад ряда, высокого (несколько ниже, чем у /i:/) подъема. Усредненные формантные значения в позиции после /p/ составили F1 539 Гц, F2 2004 Гц, /t/ — F1 427 Гц, F2 2082 Гц, /k/ — F1 424 Гц, F2 2146 Гц. Гласный /e/ реализуется как звукотип гласного приближенного к смешанному ряду, высокого подъема. Усредненные формантные значения в позиции после /p/ составили F1 601 Гц, F2 1873 Гц, /t/ — F1 595 Гц, F2 1850 Гц, /j/ — F1 500 Гц, F2 1928 Гц, /k/ — F1 562 Гц, F2 1897 Гц. Гласный /æ/ реализуется как звукотип гласного смешанного ряда, среднего подъема. Усредненные формантные значения в позиции после /p/ составили F1 602 Гц, F2 1886 Гц, /t/ — F1 582 Гц, F2 1873 Гц, /j/ — F1 536 Гц, F2 1994 Гц, /k/ — F1 564 Гц, F2 1889 Гц.

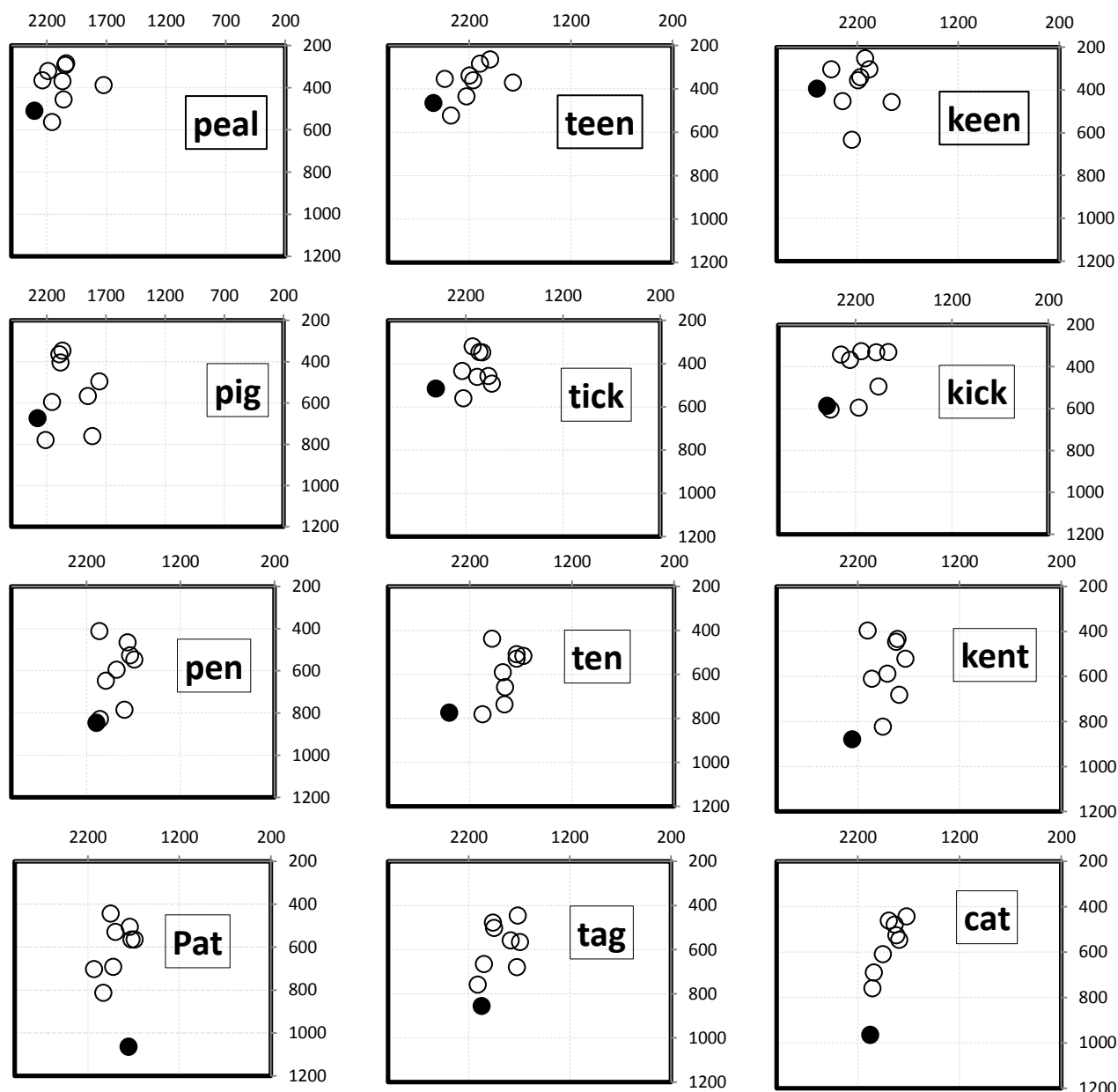

Рис. 3. Формантная структура гласных /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/. По оси абсцисс — F2; по оси ординат — F1 в Гц. Белые кружки — гласные в реализации носителей русского языка, черные — в реализации носителя английского языка

Заключение. Результаты показывают, что во всех позициях произнесение английских гласных /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/ носителями русского языка в составе проанализированных слов заметно отличаются от эталонной реализации по признакам ряд и подъем гласного. Произнесение гласных /e/, /æ/ существенно отличается от эталонного образца. При этом показатели реализаций названных гласных близки и приближаются к более закрытой артикуляции, особенно при реализации гласного /æ/. В то же время гласные /i:/, /ɪ/ реализуются по-разному по признакам ряд и подъем гласного, однако при этом не достигают эталонных значений по качественным характеристикам.

Список литературы

1. Cambridge pronunciation dictionary www.dictionary.cambridge.org.ru
2. International phonetic alphabet www.internationalphoneticassociation.org
3. Praat — computer software package for speech analysis in phonetics www.praat.org

10.02.19

С.Е. Писаренкова канд. филол. наук, А.А. Писаренков канд. филос. наук

Кубанский государственный медицинский университет Минздрава России,
кафедра лингвистики,
Кубанский государственный университет,
факультет романо-германской филологии,
кафедра английского языка в профессиональной сфере,
Краснодар, svetlaner@gmail.com, alpisarenkov@mail.ru

**«СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» И ИДЕОЛОГИЯ:
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ
В ЛИБЕРАЛЬНОЙ И КОНСЕРВАТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье рассматриваются способы метафорического описания взаимоотношений между государством и обществом с точки зрения либеральной и консервативной идеологии. Целью статьи является анализ механизма воздействия определенной идеологии на формирование личностной картины мира и способов её метафорического описания в либеральном и консервативном общественно-политическом дискурсе.

Ключевые слова: *фрейм, метафора, общественно-политический дискурс, идеология.*

Как утверждал Аристотель «человек есть животное политическое, наделенное разумом» и будучи таковым ему необходима определенность в принадлежности к какой-либо социальной или политической группе. Личное восприятие собственной идентичности может находить подпитку из разных источников: расовая принадлежность, религия, гендер, национальность, сексуальная ориентация и т.д.. Люди в основном поддерживают и защищают ту группу, с которой они себя ассоциируют. На наш взгляд, ключевым моментом идентификации является приверженность определенной идеологии, через призму которой все остальные источники идентичности получают свое оправдание и подкрепление. Поскольку главным водоразделом общественных дебатов, как в Европе, так и в Америке является консервативная или либеральная повестка, соответственно приверженность к той или иной идеологии лежит в основе формирования личностной общественно-политической картины мира и способов её описания. Так как выразителями и носителями соответствующей идеологии являются политики, а роль социальных «рупоров» выполняют средства массовой информации, то объектом нашего анализа будет являться общественно-политический дискурс, как наиболее показательный и иллюстративный материал.

Консервативная или либеральная идеология в основе своей представляют собой определенную рамочную структуру или фрейм. В данном случае, мы имеем в виду систему Чарлза Филмора, где семантическая роль слов выстраивает взаимоотношения между их ролями и создает типичный сценарий, который формирует ментальную структуру, «когнитивное бессознательное» и определяет восприятие окружающего мира, способ мышления и то, что мы считаем здравым смыслом [7, с.15]. Применительно политики фреймы представляют собой систему ценностей, которая конституирует идеологические воззрения и создает сценарную линию политического поведения, опираясь на следующую логическую причинную структуру: метафора – моральные принципы – способ описания общественно-политической ситуации – политическое поведение согласно «здравому смыслу». Данная структура предполагает, что определяемый фреймами «здравый смысл», может в значительной степени не совпадать у разных людей, социальных групп и идеологий. Естественным образом общественно-политические реалии и «здравый смысл» противоборствующих идеологий будут находить свое отражение в дискурсивной практике, описывая политические явления согласно используемой ментальной парадигме.

Д. Лакофф выдвинул предположение, что приверженность тем или иным политическим взглядам подсознательно формируется в рамках ценностей и основополагающей модели социального устройства принятого в данной семье. Это может быть «строгая, традиционная патерналистская модель» характерная для людей придерживающихся консервативных взглядов или «воспитательно-опекающая» (nurturing) модель семейного устройства, которая свойственна либеральной системе взглядов[6, с.78].

Метафора «семьи» при описании государства и отношений между властью и гражданами находит свое отражение во многих языках. В нашей стране это «многонациональная семья», в которой есть «сыновья и дочери», есть «Россия-матушка», до революции был «царь-батюшка», «повенчанный» на царство. Ключевой метафорой американской политической мифологии являются “founding fathers”, а также близкий родственник «семьи» – “uncle Sam”, во Франции роль «отца» нации играл маршал Петэн, считавший, что счастье семьи гарантирует социальный мир: «Le Bonheur des familles, c'est la paix sociale», и чья признанная обществом патерналистская власть определяла легитимность режима Виши [1,с.151]. Распространенность данной метафоры объясняется тем, что людям проще и удобнее рассматривать большие социальные группы в терминах нуклеарной семьи или сообщества родственников.

Данная метафорическая модель предполагает, что правительство или правитель выступают в качестве «родителя», долг которого по отношению к «детям», т.е. гражданам, заключается в обеспечении безопасности от внешних угроз – «защита детей», создании законов (правил поведения в семье), руководство экономикой – «забота о достатке», обучении и лечении своих подопечных – поддержание системы образования и здравоохранения. Но «семейные» отношения могут строиться по-разному. Консервативная модель «государства-семьи» зиждется на идее послушания «строгому отцу». Эта метафора держится на допущении того, что мир был и остается опасным местом, в котором есть абсолютное добро и абсолютное зло. Кроме этого мир – арена борьбы, где всегда есть победители и проигравшие. Дети непослушны и часто не понимают, что хорошо и что плохо, поэтому они должны иметь некий неоспоримый авторитет, воплощенный в образе строгого, но справедливого отца, который будет принуждать их поступать правильно[7, с.7]. В представленной метафорической картине все предельно четко и понятно: от «детей» требуется послушание, проступки наказываются, а повиновение, дисциплина, понимание своей роли и меры ответственности формируют моральные устои. Итогом такого воспитания является добродетельный гражданин, твердо знающий что есть благо, понимающий свой интерес и способный его добиться.

Либеральный образ «семьи» берет за основу другую метафорическую модель, в отличие от консервативного «строгого отца» это гендерно-нейтральная модель «опекающего и воспитывающего родителя» (nurturant parent). Либеральная картина мира предполагает, что в «семье» оба «родителя» одинаково несут ответственность за воспитание «детей». Предполагается, что «дети» по своей природе добры и могут стать еще лучше. Получив должное воспитание, «дети» могут изменить мир к лучшему, а зло может быть изжито или, по крайней мере, низведено к минимуму. Задача каждого «родителя» - привить «детям» чувство сострадания и меру ответственности за себя и других. Это сложная задача, требующая терпения и знаний [7, с.12]. Уважение, любовь, поддержка, образование, равные права для всех, здравоохранение и социальная система, а не гендерная роль или слепое послушание, по мнению сторонников данной модели, лежат в основе либеральных ценностей и формируют соответствующий моральный кодекс.

Модель метафорического описания взаимоотношений общества и государства, а также вытекающая отсюда иерархия моральных ценностей определяет особенности дискурсивных практик и способов презентации проблемных политических вопросов[3, с.168]. Идеология (система фреймов), использующая соответствующую метафорическую модель, разрабатывает свой «идиолект», свой способ коммуникации, в значительной степени отличающийся от стиля противоположной идеологической системы.

Существующие исследования о лингвистических предпочтениях американских и европейских политических деятелей, а также поддерживающих их СМИ демонстрируют, что консервативные политики прибегают к менее сложным конструкциям по сравнению с политиками либерального толка. Они предпочитают краткие, четкие формулировки, с преобладанием номинативных конструкций [5, с.799], в то время как либеральные политики скорее будут использовать более сложные длинные предложения, предполагающие возможность широкого толкования, другими словами «либералы читают лекции, а консерваторы ведут беседу» (*liberals lecture and conservatives communicate*) [7, с.1]. Например, анализ речей президентов-демократов США демонстрирует, что по своей интегративной сложности они выше, чем стиль речи президентов-республиканцев. Консервативные политические блогеры используют менее сложный язык, чем их либеральные оппоненты. Исследование, которое проводилось в Германии продемонстрировало схожие результаты, лидеры популистской, консервативной партии «Альтернатива для Германии» используют менее сложный стиль речи, чем их противники-либералы [8, с.2]. Ту же самую ситуацию мы можем проследить на примере Франции, где Мари ле Пен и её сторонники общаются с избирателями на более «доступном» языке, чем их противники. Причиной такого расхождения в выборе языковых средств, на наш взгляд, является тот факт, что либералы и консерваторы отличаются в когнитивном, аффективном и мотивационном аспектах. Либералы в основном более открыты для нового, креативного и разнообразного, в то время как консерваторы живут в рамках упорядоченного, конвенционального и чистого сознания [4, с.817]. Отсюда можно сделать вывод, что для описания новаторских и креативных подходов требуются более сложные языковые средства, в то время как устоявшиеся традиционные взгляды на политические практики не требуют особой сложности для их описания. Действительно, система консервативных ценностей освящена временем, компактна и не требует больших усилий для легитимизации и пояснений, более того эта система «обкатана» многими поколениями, т.е. у нее сложилась непротиворечивая мифологическая система, имеющая четко прописанный сценарий, понятный без дополнительных ремарок. «Строгий отец» не видит необходимости пускаться в долгие увещевания, поскольку правила определены и все их знают, следовательно нарратив отца и его подопечных не может быть слишком сложным.

В отличие от консерваторов либералы в своей «вселенной концептуальных взглядов», как правило, не могут прийти к единому знаменателю и не мыслят свой нарратив как единое целое, но нецелостная картина мира не может иметь четкой символики, вследствие чего «прогрессивная» политическая концептуальная модель размыта и в значительной степени ситуативна и контекстуальна. Либеральная повестка фрагментирована на группы интересов: феминизм, права различных меньшинств, проблемы окружающей среды, право на аборт и здравоохранение и т.п.. Для понимания и продвижения либеральных ценностей требуется рефрейминг, т.е. переформатирование сознания людей, чтобы прогрессивная метафорическая модель стала неотъемлемой частью их собственной идеологии. Лакофф в этой связи полагает, что изменение фрейма, изменение того, что мы считаем здоровым и осмысленным ведет к тотальному изменению всей картины мира со всеми социальными, политическими, культурными и мировоззренческими последствиями. Следовательно, описание новой альтернативной картины мира требует новые и более сложные языковые средства.

Список литературы

1. *Кожев А.* Понятие власти. – М.: Прогресс, 2006. – 192с.
2. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256с.
3. *Писаренкова С.Е., Писаренков А.А.* Власть и общество: дискурсивные практики в интерпретации исторического нарратива. *Казанская наука*, №11 2018, с.167-169
4. *Carney D, Jost J, Gossling S, Potter J.* The secret lives of liberal and conservatives: Personality profiles, interaction styles, and the things they leave behind. *Political Psychology*, 29(6):807-840, 2008. <https://doi.org/10.1111/j.1467-9221.2008.00668.x>
5. *Cichocka A, Bilewicz M, Jost J, Marrouch N, Witkowska M.* On the grammar of politics – or why conservatives prefer nouns. *Political Psychology*, 37(6):799-815, 2016. <https://doi.org/10.1111/pops.12327>
6. *Lakoff G.* The political mind: a cognitive scientist's guide to your brain and its politics. Penguin Books, 2009.
7. *Lacoff G.* Don't think of an elephant!: know your values and frame the debate. Vermont:Chelsee Green Publishing, 2004.
8. *Schoonvelde M, Brosius A, Schumacher G, Bakker B.* Liberal lecture, conservative communicate: Analyzing complexity and ideology in 381,609 political speeches. *PLoS ONE* 14(2):e0208450. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0208450>

10.02.19

А.С. Писарихина канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
факультет иностранных языков,
кафедра романо-германской филологии,
Орехово-Зуево, annkozlova2007@yandex.ru

ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

В специальной литературе, занимающейся вопросом модальности как с точки зрения морфологически и синтаксически закодированного залога, так и с точки зрения модальных глаголов, модальных наречий, модального сказуемого и модальных частиц, выделяют различные виды модальности. Данная статья посвящена вопросу модальности, который продолжает вызывать живой интерес лингвистов ввиду разногласий вокруг видов модальности, а также способов их употребления.

Ключевые слова: *модальность, модус, диктум, эксплицитный, имплицитный.*

Язык, как и вся деятельность человека, наполнен эмоциями и чувствами, которые всегда находят выражение в различных языковых средствах. В этом случае речь идет о таком лингвистическом явлении, как *модальность*. Модальность представляет собой функционально-семантическую категорию, выражающую различные виды отношения высказывания к действительности, виды субъективной квалификации сообщаемого.

Целью данного исследования является анализ видов модальности в немецком языке. Для решения поставленной цели видится необходимым дать общую характеристику модальности. Толкование, предложенное академиком Виноградовым В.В., можно считать одной из наиболее распространенных трактовок категории модальности в языковедении. Из его научного труда «Русский язык» следует, что модальность – не только характеристика реальности и нереальности, но и отношение говорящего к высказываемому [5, с. 23]. Также широкое распространение в лингвистике получила концепция Балли Ш. Он полагал, что в любом высказывании можно выделить основное содержание (диктум) и его модальную часть (модус), в которой выражается эмоциональное, интеллектуальное или волевое суждение говорящего в отношении диктума. Модусы разделяются лингвистом на эксплицитные и имплицитные [3, с. 69-82]. Таким образом, Балли Ш. характеризует модальность как синтаксическую категорию, в выражении которой первостепенную роль играют модальные глаголы.

Поскольку лингвисты так и не пришли к общему определению модальности, вполне закономерны разногласия и в выделении способов выражения видов модальности. Однако Котин М.Л. особенно полно и детально показывает сопряжённые категории модальности.

В современном немецком языке перечислены различные типы «модальностей» как в морфологическом способе выражения модальных отношений, так и в вербальном. Кроме того, наиболее значимые труды о классификации языковой модальности в современном немецком языке специалистам хорошо известны. Исходя из этого, мы рассмотрим только те виды, которые имеют отношение к конкретным проблемам или решениям. Как известно, модальность обозначает отношение говорящего к действию, которое выражается в высказывании. Она служит для выражения: желания, выбора, возможности, необходимости, вероятности, предположения, побуждения, долга, запрета и т.д. Причем эти сферы модальности зачастую взаимодействуют друг с другом так, что возникает своего рода родство между ними или же между близкими им формами и родственными сферами категоризации. Далее мы рассмотрим виды модальности в современном немецком языке по классификации Котина М.Л. [18, с. 140-144]:

1. Волативная / волитивная модальность выражает желание с помощью модальных глаголов *möchten* и *wollen*, а также конъюнктива II. Примеры: *Wir möchten ihn gern kennenlernen.* / *Ich würde gerne Spanisch lernen.* / *Ich hätte gerne eine Pizza.* / *Sie wollen dich morgen ins Kino einladen.*

2. Диспозиционная модальность. Этот тип модальности выражает возможность или разрешение с помощью модальных глаголов или модальных форм. Примеры: *In einem Jahr können wir nach Frankreich ziehen.* / *Darf ich was fragen?* / *Du darfst reinkommen.*

3. Модальность вероятности (верисимильная модальность). В данном виде модальности заметны сходства с диспозиционной модальностью. Разница их в том, что диспозиционная модальность предполагает обладание способностью или неспособностью к чему-либо. В случае модальности вероятности отношение возможности к способности блокируется. Вероятность выражается с помощью модального глагола *können*. Пример: *Sie kann krank werden, wenn sie sich nicht wärmer anzieht.*

4. Модальность необходимости (нецессивная модальность) выражает необходимость, внешнее принуждение, требование, приказ и поручение с помощью модальных глаголов *müssen* и *sollen*. Примеры: *Meine Mutter ist krank, ich muss sie zum Arzt fahren.* / *Du sollst hier nicht rauchen.*

5. Эпистемическая (относящаяся к говорящему) и эвиденциальная (относящаяся к источнику) модальности происходят от диспозиционной, верисимильной и нецессивной модальностей, но они отличаются по своей природе. Они не относятся к предмету высказывания, а выражают достоверность высказывания с точки зрения говорящего.

К средствам выражения рассматриваемой категории в немецком языке относятся модальные слова, модальные глаголы в функции предположения и формы футур, которые употребляются не только для обозначения будущего времени, но и для выражения значения в настоящем.

Модальный глагол *müssen* выражает очень высокую степень уверенности говорящего в достоверности сообщения: *Sie musste ihn auf ihre Art geliebt haben.* Модальные глаголы *mögen* и *können* выражают более низкую степень уверенности говорящего: *Sie könnte noch zu Hause sein.* Модальный глагол *dürfen* обозначает очень осторожное предположение говорящего: *Heute dürfte es schneien.* Модальный глагол *sollen* также обозначает предположение с оттенком сомнения или недоумения: *Sollte es möglich sein?* / *Er soll jetzt in Berlin sein.*

Степень достоверности в эпистемической модальности выражается также с помощью наречий и частиц: *wahrscheinlich, vielleicht, vermutlich, wohl* и т.д.: *Vielleicht gehen wir morgen mit der Klasse ins Kino.*

6. Предметная модальность выражает убеждение не с точки зрения говорящего, а с точки зрения предмета высказывания. Она выражается с помощью модального глагола *wollen*: *Er will heute etwas Leckeres gekocht haben.* / *Woher wollen wir das bekommen?*

7. Нефактическая модальность. Этот вид модальности может быть использован в контексте с перспективой на будущее или в нереальных воображаемых предложениях: *Wenn ich ein Vogel wäre, flöge ich zu dir.*

Но их реальная функциональная сфера заключается в передаче перспективы в прошлом и выражается с помощью плюсквамперфекта конъюнктива (сослагательного наклонения). То есть, то, что обычно возможно, могло быть либо реализовано в прошлом, либо нет. К примеру: *Wir hätten gestern beinahe verloren.*

8. Контрфактическая модальность. Этот тип не требует временного посредничества, поскольку это относится к эмпирически воспринимаемым или иным образом известным фактам, которые сами по себе невозможны: *Er benimmt sich so, als wäre er ein kleines Kind.*

9. Условная модальность (wenn-dann-Sequenzen). Условная модальность обозначает действие в будущем времени и соответствует в русском языке сочетанию союза *если, (то)* и одной из форм будущего времени, изредка настоящего. Действие не обязательно должно исполниться, поэтому условная модальность используется для выражения возможных, часто с точки зрения говорящего, действий, связанных с выполнением какого-либо условия.

Примеры: *Wenn das Wetter gestern besser wäre, hätten wir Brombeeren gesammelt. / Hättest du damals dem Rat des Arztes gefolgt, wärest du jetzt gesund.*

10. Побудительная (императивная) модальность. Прототипом данной модальности является грамматическая форма императива, но она также может выражаться с помощью инфинитива и причастия II, с помощью эллиптических глагольных форм с предлогом и модальных конструкций. Побудительная модальность выражает побуждение к совершению действия. Примеры: *Aufstehen! / Tür schließen!*

Принимая во внимание предложенную Котиным М.Л. классификацию видов модальности, а также подводя итоги проведенного исследования, можно прийти к ряду умозаключений.

Модальность является важной категорией немецкого языка, что проявляется в том числе в широком разнообразии ее форм. Эти формы значительно различаются по своим грамматическим конструкциям: для них может требоваться модальный глагол (верисимильная, предметная модальность), модальный глагол/модальная форма (диспозиционная модальность), модальный глагол + форма времени (эпистемическая, эвиденциальная модальности), модальный глагол + наклонение (волитативная / волитивная модальность), наклонение (нефактическая, контрфактическая, условная, побудительная (императивная) модальность).

Поскольку никакие грамматические конструкты не возникают и не существуют самопроизвольно, закономерно, что вышеперечисленные формы модальности значительно различаются не только графически, но и по своей семантике. А, следовательно, точная передача того или иного смысла всегда требует применения конкретной модальной формы, отражающей необходимый смысловой оттенок. Категория модальности не просто является неотъемлемой частью немецкого языка, но без нее невозможно нормальное функционирование языка как системы передачи информации.

Список литературы:

1. Балли Ш. Французская стилистика. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
2. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1972. – 616 с.
3. Kotin M.L. Modalitäten. / Zeitschrift des Verbandes Polnischer Germanisten, 2012. – Zeszut 2 (2012). – S. 140-158.

10.02.19

**Л.Д. Раднаева д-р филол. наук, Б.В. Соктоева канд. психол. наук,
С.Д. Цыренжапова канд. педагог. наук, Е.А. Шагланова канд. филол. наук**

Бурятский государственный университет им. Доржи Банзарова,
Кафедра иностранных языков,
Radnaeva.ljubov@gmail.com, Tsd60@yandex.ru, socktoeva@mail.ru, shaganel80@mail.ru

КАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУКОВ. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматривается проблема изучения артикуляторно-акустических свойств звуков изучаемого иностранного языка. На примере разных языков представляются фонетико-фонологические особенности звуковой структуры языков. Особое внимание уделяется изучению акустического аспекта. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [1].

Ключевые слова: *иностраный язык, артикуляторная классификация, акустические свойства, транскрипция.*

Введение. Наряду со сложными психолого-педагогическими проблемами, задачей обучения иностранному языку является развитие у учащихся лингвистической компетенции. Лингвистическая компетенция — это знания о системе и структуре языка, правилах его функционирования в процессе иноязычной речевой деятельности. В процессе обучения мы, в первую очередь, сталкиваемся с необходимостью формирования фонетической компетенции. Фонетическая компетенция, в свою очередь, подразумевает формирование умений и навыков понимать и воспроизводить: 1) звуковые единства языка: фонемы и их аллофоны; 2) артикуляторно-акустические характеристики фонем: глухость-звонкость, твердость-мягкость, лабиализацию; 3) фонетическую организацию слов, слоговую структуру, последовательность фонем, словесное ударение, тон; 4) просодику, ударение, ритм, интонацию; 5) фонетическую редукцию? сильные и слабые формы, ассимиляцию и так далее.

Изучение фонетических свойств звучащей речи на иностранном языке все больше привлекает внимание исследователей. Целью работы является изучение качественных и количественных характеристик звуковых систем на акустическом уровне. Известно, что реализация комбинаторно-позиционных аллофонов неродного языка отражается в формантной структуре, интенсивности, длительности.

Материал. Материалом исследования являются звуковые единицы разных фонологических систем таких языков, как английский, русский французский и бурятский. Вокалическая система английского языка включает 20 гласных фонем (12 монофтонгов и 8 дифтонгов) : /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/, /z:/, /ə/, /u:/, /ʊ/, /ɔ:/, /ɒ/, /ɑ:/, /ʌ/, /ei/, /iə/, /εə/, /əʊ/, /ʊə/, /ɔɪ/, /aɪ/, /aʊ/. Вокалическая система русского языка включает 6 монофтонгов /i/, /ɪ (ы)/, /e/, /u/, /o/, /a/. Вокалическая система французского языка включает 13 гласных фонем /i/, /e/, /ε/, /a/, /u/, /o/, /ɑ/, /y/, /ø/, /œ/, /ẽ/, /ã/, /œ̃/. Вокалическая система бурятского языка включает 18 гласных фонем (15 монофтонгов и 3 дифтонга) : /i/, /i:/, /i:/, /e/, /e:/, /ε:/, /u/, /u:/, /ʊ/, /ʊ:/, /ɔ/, /ɔ:/, /ɑ/, /ɑ:/, /ə:/, /œε/, /ui/, /ui/. На рисунке 1 представлено схематическое изображение артикуляторных классификаций гласных фонем французского, русского, английского и бурятского языков.

Методика. Для анализа звучащего материала применялись следующие методы: акустический, сравнительный, статистический. Анализ качественных и количественных характеристик аллофонов гласных производился при помощи компьютерных программ Elan [2] и Praat [3]. Частотные характеристики и длительность гласных обрабатывались в программе Excel. Полученные данные сформированы в базу данных.

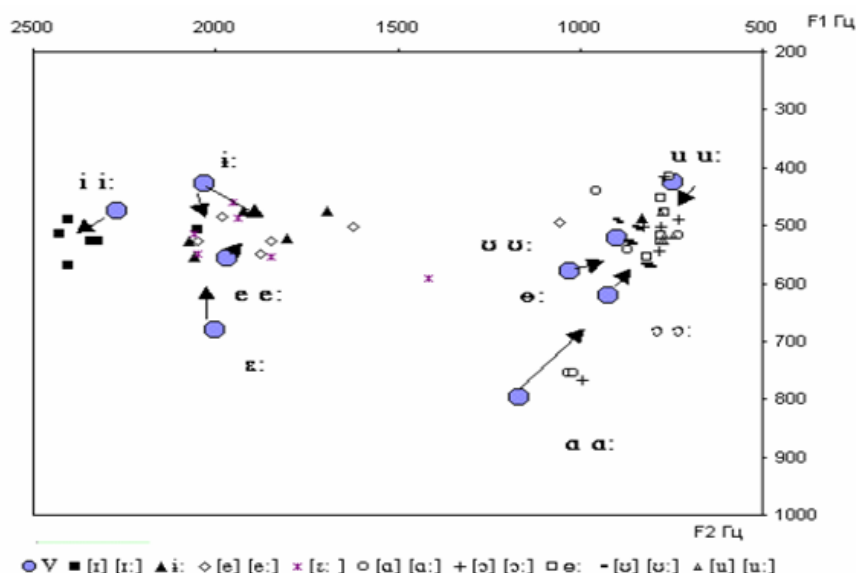

Рис. 2. Распределение основных и комбинаторных аллофонов (монофтонги) бурятских гласных в пространстве F1- F2. Стелками указано направление движения аллофонов гласных фонем

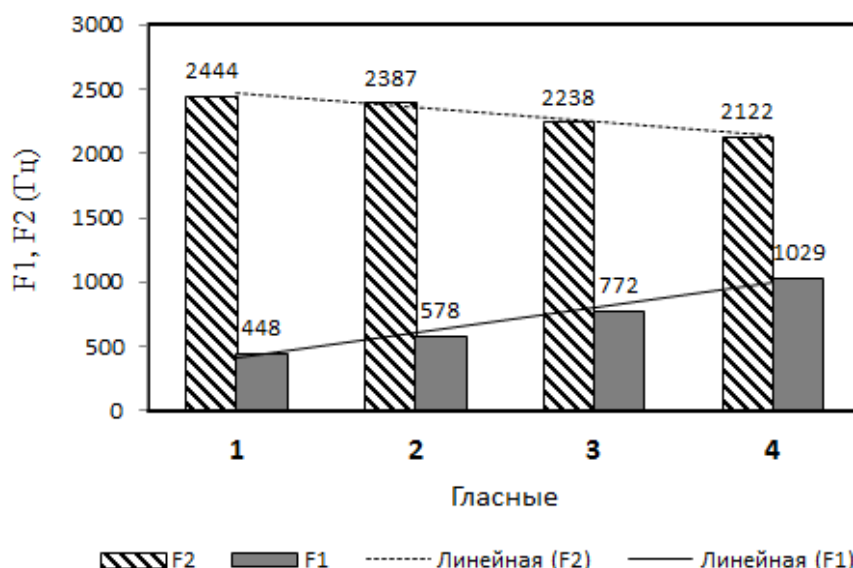

Рис. 3. Частотное распределение аллофонов гласных фонем переднего ряда 1) / i:/, 2) / i:/, 3) / e:/, 4) / æ/ (английский язык)

Дискуссия. Частота формант меняется в зависимости от высоты голоса: мужские и женские голоса. Формантные характеристики гласных позиционных и комбинаторных аллофонов различаются и зависят от соседних согласных: губных, переднеязычных, среднеязычных, заднеязычных. Направление движения формант информируют о качестве согласного. В безударной позиции меняются показатели интенсивности и частотные характеристики гласных. В позиции после губных согласных формантные показатели снижаются. Количественные характеристики аллофонов находятся в зависимости от количества слогов в слове, от позиции в слове, слове, тексте, а также от темпа произнесения.

Заключение. Изучение артикуляторно-акустических характеристик комбинаторно-позиционных аллофонов гласных фонем позволяет получить подробное представление о вариативности звуковых единиц разных в структурном отношении фонологических систем, реализованных в различных условиях речевой деятельности. Полученные объективные данные представляют интерес для дальнейшего исследования гласных, в частности, при реализации и восприятии звуковых единиц неродного языка.

Список литературы

1. International phonetic alphabet www.internationalphoneticassociation.org
2. Elan — A Software Package for Analysis and Visualization of MEG, EEG, and LFP Signals <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC3113286/>
3. Praat — computer software package for speech analysis in phonetics www.praat.org
4. Гордина М.В. Фонетика французского языка / М. В. Гордина. Санкт-Петербург : Из-во С-Петербургского университета, 1997. 299 с.
5. Roach Peter British English: Received Pronunciation / Peter Roach, Journal of the International Phonetic Association, 2004. Т. 34 (2). С. 239–245.

10.02.19

Р.Н. Сафин канд. филол. наук, В.С. Маркелов канд. филол. наук

Казанский (Приволжский) федеральный университет,
подготовительный факультет для иностранных учащихся,
Казань, rsafin56@mail.ru, hunan05@mail.ru

**ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЗАНСКОЙ ЯЧЕЙКИ ПАРТИИ ИСЛАМСКОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ
«ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛ-ИСЛАМИ»**

Статья посвящена исследованию лексических особенности устного общения членов запрещенной религиозной панисламистской партии «Хизб ут-Тахрир Ал-Ислами». Источником языкового материала являются диалоги – устное общение рядовых членов партии и кандидатов в партию на просветительских партийных семинарах. Исследование речи членов закрытого сообщества позволяет выделить присущие только этому сообществу особенности словоупотребления.

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, устное общение, понятийный аппарат закрытого сообщества, особенности словоупотребления.

Объектом судебной лингвистической экспертизы часто становятся тексты устной речи. В статье рассматриваются некоторые аспекты лингвистического анализа текстов так называемых «халакатов» – собраний членов и кандидатов в члены запрещенной в России партии «Хизб ут-Тахрир Ал-Ислами». Исследовательская литература о партии носит преимущественно религио- или политологический характер, и ее немного, например, [1], [4], [5]. Лингвистический аспект исследовался одним из авторов: [2], [3].

Члены организации пользуются определенным словарем, обслуживающим потребности номинации при описании функционирования организации – слова арабского происхождения, обозначающие членов организации (*дарис, шабаб, мушириф, масуль, хизбий, хизбут*), саму организацию (*хизб, хизб-ут-тахрир*), названия ее мероприятий (*халакат, амали, шахри, зиярат, дагват*), идеологические понятия (*мабда, аклия, нафсия, фикр, сакафат*) и т.п.

В спонтанном общении членов партии полное название «Хизб-ут-Тахрир Аль-Ислами» сокращается до более короткого удобного «хизб». В этом сокращении полного названия партии видится не только стремление к экономии языковых средств. Очевидно, что экономия усилий и времени выступает в качестве первопричины. Но сокращение начинает жить своей собственной жизнью, свидетельством чему являются семантические флуктуации и, как следствие – обогащение дистрибуции, а также формирование новых словообразовательных связей: в текстах встречается, например, шутливое «хизбанутый».

В этой статье мы рассматриваем отдельные словарные единицы: «размышлять», «умышленный» – небольшую часть из того, что представляет интерес для полного анализа хизбовского словоупотребления.

1. Необходимость “размышлять” в хизбовском общении звучит рефреном. Размышление – противопоставляется косности, равнодушию, привычке плыть по течению, находиться под влиянием традиционных, общепринятых норм, догм, насаждаемых истеблишментом, официальными государственными структурами, в том числе, религиозными. Рассуждения о необходимости размышлять органично вплетаются в инструкции по ведению вербовочной работы. Глагол “размышлять” в хизбовском словоупотреблении суживает объем своего значения и ассоциируется в большинстве употреблений с размышлениями особого содержания:

хизбовское понимание ислама, хизбовская нравственность и образ жизни, идеи халифата и прочее подобное: *Вот наша задача – заставить людей размышлять. ... Выявление размышляющих.*¹

Научиться «размышлять», с точки зрения хизбовского пропагандиста, – это акт духовного перерождения.

Ну, атеист, например: он всегда жил, родился в атеистической семье, всегда думал, что Бога нет. Теперь встретились мы, он начал размышлять, отказался от своего взгляда и постепенно начал размышлять, и он может ислам принять.

Способность «размышлять», предаваться «размышлениям» – это то, что составляет превосходство хизбовцев над «традиционалистами», т.е. теми, кто находится в лоне официальной, признанной государством религиозной структуры: *В отличие от муфтията мы берем реальность как объект для размышления, ислам мы ни в коем случае под реальность не подгоняем, а наоборот; реальность нам не диктует условия, мы используем объект, размышляем над реальностью и так в соответствии с исламом мы поступаем.* Отметим попутно образность речи хизбовского пропагандиста: *Кипяти ему мозг! Если на начальном этапе не кипятить мозг, он потом как мэдрэсэнский получится. Без размышлений.*

Глагол *размышлять* в хизбовском словоупотреблении суживает объём своего значения и ассоциируется в большинстве употреблений с размышлениями особого содержания: хизбовское понимание ислама, хизбовская нравственность и образ жизни, идеи халифата и прочее подобное. Перспективность объекта вербовки оценивается с точки зрения его способности «размышлять»: *Ну он как? перспективный, размышляющий, нет?*

Интересна оценка процентного соотношения «размышляющих» и «не размышляющих» в умме: *На самом деле, шейх был прав, что всего лишь 5% людей – размышляющие.*

Со способностью «размышлять» связывается способность духовного развития: *Читать книжек можно много. Но, если размышления не происходит, развития не происходит.*

2. Лексема «умышленный» является важным элементом понятийного аппарата хизбовского языка. Прилагательное «умышленный» используется в различных сочетаниях: *умышленный зиарат* («зиарат» – в хизбовском словаре: посещение пропагандистом объекта вербовки, а также сам объект посещения – примеч. авторов), *дагват, посещение, общение.*

Да, вот работа на тело оно заключается в чем? Умышленное и специальное посещение людей. Умышленное общение с людьми. Выявление размышляющих.

Каждый день там зиараты – умышленный, общественный: жертвуй временем...

На работе, если женщины еще будут обращаться с такими вопросами к тебе, так-то нельзя будет постоянно им разъяснять, что дагват (проповедь ислама, прозелитизм – примеч. авторов) делать умышленный...

То есть, во-первых, это, возможно, уделить время родителям, работа, умышленный зиарат, чтение, размышление.

Словосочетание *умышленный зиарат* в хизбовском дискурсе используется как устойчивое, терминологизированное. В то же время в нем содержится двусмысленность, определяемая неоднозначным толкованием коренного существительного *зиарат*. С одной стороны, *умышленный зиарат* – это встреча в вербовочных целях, с другой, – это объект встречи: *Ты можешь встречаться с умышленным зиаратом в свободное время.* «Умышленный» как результат субстантивации прилагательного также используется тогда, когда речь идет о вовлечении новых членов в организацию, т.е. в процессе вербовочной работы: *Что, брат, как поиск умышленного прошел?*

Использование групп лексических единиц с общим семантическим компонентом «мысль, мыслить» – структурно однородных, объединенных общей производящей основой связано с обозначением индивида (или группы индивидов), для которого характерно умение отвлечься

¹ Здесь и далее курсивом приводятся примеры из исследованных текстов – естественно, без указания имен авторов и каких бы то ни было обстоятельств общения. Авторы несут ответственность за аутентичность использованного речевого материала.

от знаний и представлений, внушаемых официальным истеблишментом – учебными заведениями, работающими по учебным программам, утвержденным государством; разрешенными средствами массовой информации; официальным духовенством – духовным управлением мусульман – ДУМ и проч.

Таким образом, наблюдения за речью членов закрытого сообщества позволяет выделить особенности словоупотребления. С одной стороны, отмечается наличие особого словаря, обслуживающего потребности сообщества – потребности номинации при описании структуры организации, места членов в ее структуре, функционирования организации; с другой стороны, отмечаются особые обстоятельства употребления слов русского литературного языка, которые используются в целях обслуживания особых «хизбовских» потребностей. Лексические единицы используются либо в значениях, не отмеченных словарями русского языка (*умышленный*), либо, соответствуя словарному значению, приобретают особую «партийную» окраску. Отмечена также особая «хизбовская» фразеология (*умышленный зиарат*).

Список литературы

1. *Верховский А.М.* Является ли Хизб ут-Тахрир экстремистской организацией? // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. — Центр «СОВА», 2005. — С. 92-110.
2. *Сафин Р.Н.* Особенности лексики текстов мусульманской тематики на русском языке // Социальные варианты языка – VIII: Материалы международной научной конференции 8-9 апреля 2014 года. – Н.Новгород: ФГБОУ «НГЛУ», 2014. – С.128-131.
3. *Сафин Р.Н.* О речевом поведении членов одного сообщества // Социальные варианты языка – IX: Материалы международной научной конференции 5-6 апреля 2016 года. – Н.Новгород: ФГБОУ «НГЛУ», 2016. – С.88-91.
4. *Taji-Farouki, Suha.* Islamists and the threat of Jihad: Hizb al-Tahrir and al-Muhajiroun on Israel and the Jews. // Middle Eastern Studies 36.4 (2000): 21-46.
5. *Ward, Ken.* Non-violent extremists? Hizbut Tahrir Indonesia. // Australian Journal of International Affairs 63.2 (2009): 149-164.

10.02.19

Н.А. Сидорова

Военный университет Министерства обороны РФ,
факультет иностранных языков,
кафедра английского языка,
Москва, natuzz@rambler.ru

ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТИР КОММУНИКАТИВНЫХ ДЕЙСТВИЙ

В статье проводится идея проблематичности установления истинных мотивов коммуникативных действий. Предлагается решение проблемы в выявлении и распознавании ценностей участников общения, поскольку ценности или представления о них свидетельствуют о предпочтениях личности, реализуются в речи и детерминируют ее. Автор выводит закон, обуславливающий коммуникативные действия участников речевого взаимодействия.

Ключевые слова: *речевая коммуникация, ценности, коммуникант, коммуникативные действия, детерминация речи.*

Ценности – это реальность речи, речевой коммуникации. Рядом ученых признано считать ценности движущей силой речевой коммуникации (Верещагин В.Г., Карасик В.И., Леонтьев А.А., Сидоров Е.В., Сидорова Н.А., Синячкин В.П., Сорокин Ю.А., Уфимцева Н.В., Тарасов Е.Ф., Kluckhohn F., Strotbeck F., Triandis H., Wierzbicka A. и др.), а также и детерминантой в плане развертывания и формирования речи. Можно полагать, что и коммуникативные действия участников общения обусловлены их ценностями и представлениями о ценностях партнеров по общению. Это утверждение кажется нам вполне обоснованным и справедливым.

Существуют различные подходы к определению ценностей у представителей различных научных школ. Учитывая направленность нашего исследования, под ценностью мы понимаем идеал, выступающий как эталон должного, источник мотивации поведения личности, оценок субъектом действительности и ориентации в ней [Психология, 1990].

Коммуникант, включенный в речевую коммуникацию, становится коммуникативной личностью. Коммуникативная личность в своей языковой форме становится языковой личностью. Следует отметить, что в речевом общении языковая личность является субъектом ценностей. В структуре языковой личности ценности занимают существенное место как мотив, как концепт, идеал, побуждающий к определенному употреблению языковых средств. Например:

- Я давно о вас слышал. Раздражаете вы меня. Мучаете. Невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое...

В данном примере явна ценностная мотивация: *Невысокий вы рангом, да и незаконный родом, а позволяете себе такое*, - говорящий использует определенные словесные формы, актуализирующие ценности, связанные с представлениями о происхождении и социальном статусе, адресуя их партнеру по общению. Что же касается когнитивной сферы, то вполне очевидно, что может являться ценным в концептосфере говорящего – позволить себе определенное речевое и неречевое поведение может человек соответствующего ранга и рода. Именно представленные в тексте позиции языковой личности и побуждают говорящего к употреблению определенных языковых средств, поскольку «актуализируя ценность, коммуникант прежде всего в некоторой степени психологически перестраивает собственную деятельность в ситуации общения: ее интенсивность, нормативность, стандартность продукта деятельности вследствие осознанного или неосознанного стремления субъекта удовлетворить предполагаемому им в реципиенте ожиданию понятости» [Сидорова, 2012, 154]

Приведенная в свое время Ю.Н. Карауловым трехуровневая модель языковой личности позволяет рассматривать последнюю в ценностном аспекте в рамках трех существенных характеристик: вербально-семантической (собственно языковой), когнитивной (познавательной, тезаурусной) и прагматической (мотивационной) [Караулов, 1987, 122]. Ценности органично вплетаются в мотивационно-потребностный мир личности, образуя ее глубинную основу. Мотивы и цели движут развитием и поведением личности, управляют ее текстопроизводством и текстопониманием и в конечном итоге определяют иерархию смыслов и ценностей в языковой картине мира коммуниканта. Однако установить истинные мотивы и потребности коммуникативных действий участников общения весьма сложно, но это возможно сделать, выявляя ценности и распознавая ценностный мир участников общения, поскольку ценности или представления о них свидетельствуют о предпочтениях личности и реализуются в речи, детерминируя ее.

На когнитивном (тезаурусном) уровне ценности коммуниканта проявляют себя в способах иерархизации понятий, в способах их перестановок и противопоставлений при формулировках и решении разного рода проблем, а в качестве единиц выступают обобщенные (теоретические или обыденно-жизненные) понятия активности - крупные концепты, ценности, идеи, гештальты.

Вербально-семантическая характеристика языковой личности складывается из её лексикона и грамматикона (термин Ю.Н. Караулова), которыми коммуникант пользуется в естественной вербальной коммуникации. Ценностная индивидуальность языковой и коммуникативной личности определяется не только степенью владения этим умением, но и нарушением нормативных правил словообразования, грамматики и произношения. Становится ясно, что из трех уровней языковой личности лишь прагматический и когнитивный включают в свой состав ценностную составляющую, именно ценности и побуждают коммуниканта к тому или иному употреблению языковых средств в рамках определенных коммуникативных действий.

Для науки важно вскрыть закономерности построения речевой коммуникации. Существуют различные силы, влияющие на построение и развитие речевой коммуникации - главный вопрос заключается в следующем: какая закономерность регулирует, влияет на построение речевой коммуникации, на ход протекания коммуникативных действий?

По этому поводу есть различные мнения, которые в своей основе сводимы к двум направлениям. Одни авторы утверждают, что ценности определяют речь говорящего, т.е. они выражаются в речевых произведениях, определяя их коммуникативные действия. Этот закон можно назвать фактором говорящего. Другие - акцент делают на понимании, утверждая идею о том, что каковы ценности, таково понимание.

Однако только этих факторов недостаточно для изучения сущности и природы коммуникативных действий в речевой коммуникации, т.к. они не вскрывают фактор адресности речи, о котором в свое время писали еще А.Н. Леонтьев, М.М. Бахтин и Л.С. Выготский. В своем исследовании речевой коммуникации при характеристике коммуникативных действий участников общения мы следуем тезису «каждое высказывание адресовано» [Сидоров, 2015, 87], то есть к исследованию речи мы применяем принцип адресованности речи.

Данный принцип удобно можно обратить к явлению детерминации речи и на основании частных закономерностей сформулировать закон «ценностной детерминации речи», суть которого сводится к сопряжению в речи аксиологических тенденций влияния ценностей коммуникативных действий говорящего и влияния образа ценностей личности и коммуникативных деятельности адресата как потенциального реципиента. Например,

- *Вот видите, какое я лекарство вам порекомендовала! Сразу выздоровели!*

- *Да я рамку меда съела, а лекарства ваши я и не покупала!*

Данный диалог манифестирует ценность неприятия, отторжения слушающим ценностей говорящего, который ценит профессиональную медицину и верит в непоколебимость своего авторитета (*Вот видите, какое я лекарство вам порекомендовала! Сразу выздоровели!*).

Однако данная универсальная ценность - ценность самоуважения – не находит понимания в ценностном мире партнера, который больше верит народной медицине, а не врачам, рекомендуя лекарственные препараты, которые, очевидно, не оказывают должного лечения (*Да я рамку меда съела, а лекарства ваши я и не покупала!*).

На самом деле в речевой коммуникации важнее оказываются не ценности говорящего, а ценности адресата, предполагаемого реципиента. Цель говорения - это, как правило, выбор из целого ряда возможностей, имеющихся в опыте говорящего: говорить, чтобы побудить к ответной реплике, говорить, чтобы побудить к определенной внутренней работе, чтобы запомнили, чтобы поверили, чтобы полюбили или возненавидели и т.п. В любом случае, речевая коммуникация и ценности общающихся, реализующиеся в ней в любой из своих форм, направлена на адресата общения, что еще раз подводит нас к мысли М.М.Бахтина о том, что речевое общение всегда диалогично [Бахтин, 2000, 246].

Ценностный деятельностный подход к речевым объектам, речевым действиям позволяет анализировать и характеризовать всю целостность факторов, причастных к функционированию языка в речевой коммуникации. При этом речевые объекты, согласно общей ориентации указанного подхода, рассматриваются в качестве моментов активно-преобразовательного использования языка человеком и в качестве системно организованных образований.

Ценностный подход в органическом единстве с категориями, принципами и процедурами теории речевой деятельности предоставляет широкие возможности для плодотворного изучения коммуникативных действий, речи и ее детерминации ценностями коммуникантов как относительно автономного объекта, но закономерным образом связанного с системой языка. Важным моментом при этом является то, что концептуальная целостность картины языковой действительности сохраняется, так как речевая коммуникация изучается не в отрыве и не в тождестве, а в закономерной связи с другими, онтологически родственными ей объектами и процессами.

На изучении и учете фактора адресата, в частности, на изучении его ценностей, личности или предполагаемых ценностей, построены различные манипуляционные техники: пропаганда, реклама и другие специальные внедрения различных схем в сознание и подсознание людей.

В контексте изучаемой темы считаем уместным привести пример из опыта советской специальной пропаганды. На первом этапе афганской войны листовки, которые создавались службами советской спецпропаганды, несли символику Советского государства: красный цвет, серп и молот, содержали ссылки на решения съездов КПСС. Советское военное руководство полагало, что советские ценности окажут влияние на местное население и вооруженные формирования. Но это было ошибкой.

На следующем этапе ведения войны офицеры сменили тактику написания листовки – цвет листовок становился зеленым, без изображения людей, но с изображением вязи, орнамента; тексты содержали ссылки на Коран, на речи исламских религиозных авторитетов. Такие речевые тактики соответствовали целям советского руководства, были ориентированы на адресата и достигали его, побуждая к тому или иному типу речевого и неречевого поведения.

Таким образом, ценностно детерминируемым намерением коммуникативной деятельности говорящего в речевой коммуникации является побуждение реципиента к определенному типу поведения, в чем и заинтересован говорящий. В заключение представляется целесообразным сформулировать закон ценностной детерминации дискурса – он состоит в сопряженном влиянии на коммуникативную деятельность коммуникантов ценностей говорящего и ценностей адресата как потенциального реципиента.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Издательство «Лабиринт», 2000.
2. *Выготский Л.С.* Мышление и речь. – Собр. Соч.: в 6 т. – М.: Педагогика, 1982. – т.2.
3. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.
4. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат, 1977
5. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского. М.Г. Ярошевского. – 2-е изд. – М.: Политиздат, 1990, 102.
6. *Сидоров Е.В.* Законы дискурса. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2015, 87.
7. *Сидорова Н.А.* Интеграция ценностей: от частного к общему // Ученые записки Российского государственного социального университета. 4 (104). – М.: РГСУ, 2012. - С. 153 – 155, 154.

10.02.19

¹Д.Х. Хуснутдинов канд. филол. наук, ¹Р.К. Сагдиева канд. филол. наук,
²И.С. Насипов д-р филол. наук, ¹Г.Г. Асхадуллина

¹Казанский федеральный университет,
Институт филологии и межкультурной коммуникации,
кафедра татарского языкознания,
Казань, domer1982@mail.ru,

²Башкирский государственный педагогический университет им. М.Акумлы,
Институт филологического образования и межкультурных коммуникаций,
кафедра татарского языка и литературы,
Уфа, nasipov2004@rambler.ru

ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕЖДОМЕТИЙ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА В СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА

В последнее время в области исследования картины мира усиливается интерес к национальному своеобразию восприятия действительности, национальной специфике отражения в языке картины мира. В данной статье делается попытка раскрытия национального своеобразия эмоциональных переживаний татарского народа. Предметом исследования является эмотивная лексика татарского языка, которая дает возможность сформировать и дать оценку представленной картине и концептуализации окружающего мира татар.

Ключевые слова: *междометия, эмотивность, экспрессивность, эмотивная лексика, национальная картина мира.*

В современной лингвистике под эмотивной лексикой понимается вся совокупность лексических средств, с помощью которых выражаются эмоции. Подобное определение демонстрирует широкое понимание эмотивности, при котором любые языковые средства, с помощью которых выражаются эмоции, относятся к эмотивной лексике [6]. Следуя из выше сказанного, к эмотивной лексике могут быть приравнены разноуровневые единицы языка со схожей семантикой.

В данной статье рассматриваются, во-первых, один из важнейших языковых знаков эмотивной лексики – междометия, во-вторых, наименование лиц, имеющий эмотивный оттенок.

Одним из важнейших языковых знаков эмотивной лексики являются междометия, роль которых в вербальной коммуникации очень велика. Междометия изучались лингвистикой в разнообразных аспектах – как наиболее характерные особенности отдельных культур, как объективные знаки национальной принадлежности, как наиболее специфичная и консервативная часть каждого национального языка, как элемент национального менталитета, как идиомы. Нам представляется наиболее интересным рассмотреть роль междометий в языковой картине мира татарского народа: такого типа высказывания придают выражению национальный колорит, естественность общения (беседы) и эмоциональный характер.

Междометия – это эмоционально-волевые сигналы, чисто субъективные речевые знаки, служащие для кратчайшего и непосредственного выражения чувств, переживаний и волеизъявления: *а, и, эх, ах, ух, уф, ай-хай, чү, тсс, йә* [3]. Междометие представляет собой уникальное языковое явление по своему семантическому содержанию, структурному оформлению, грамматической природе, фонетической и фонологической мотивированностью, вследствие чего они классифицируются в разнообразные группы. В настоящее время насчитывают более пятисот различных эмоций, но чаще всего выделяют 3 класса эмоций: положительные, отрицательные и амбивалентные [1; 2; 5]. Междометия можно поделить по значениям в контексте на две группы: эмоциональные и императивные.

Отдельные чувства и воля, выражающиеся при помощи междометий одного представителя народа, является характерной особенностью и для всего его этноса, так как лексика языка приобретает основное значение именно в коллективе.

Каждый представитель этноса, народ гордится своими знаниями в познании мира и своего окружения. В окружении этих всех знаний о мире эмоции будут проявляться по-разному.

С виду схожие междометия в той или иной речевой ситуации могут иметь разное семантическое содержание: *ay-hay* можно перевести тремя способами. – *Ай-хай, шул чактагы халәтемне белсәгез иде, оятымнан жир тишегенә керердәй булдым...* [4]. – *Ох и натерпелся я стыда – сквозь землю рад был провалиться...*; – *Ай-хай, ирләрнең асыллары* [4]. – *Хай, не джигиты это, а суций клад!*; – *Ай-хай, картлар, үзегез беләсездер инде белүен дә...* [4]. – *Ай-хай, старики хотя вы, может быть, знать-то и знаете...* . Однако эти варианты включают в себя разное значение. В первом передается значение негодования, душевного угнетения. Во втором примере заложено значение восхищения, восторга. В третьем примере выражается сомнение, опасение и предостережение.

В эмотивной лексике татарского народа можно встретить множество разнообразных слов и словосочетаний, которые конверсируясь, образуют следующие междометия, выражающих эмоциональное восклицание, восхищение, удивление: *пәрәмәч, балеш* (название татарских мучных блюд), *әкәмәт әй, тамаша* (вот тебе на), *тукта* (постой), *кит аннан* (иди-ка) һ.б. Перечисленные междометия возникли для выражения постепенного, поэтапного выражения эмоций. Данный процесс привел к полной утрате и потере семантики от исходных слов и морфологических признаков. Например:– *Пәрәмәч, ник?.. Бик якын туганыгыз ләбаса* [4]. – *Вот те раз! Что же так? Ближе вроде некуда!* Как видно из примеров, слово *пәрәмәч* утратило свою былую однозначность и превратилось в средство выражения разнообразных эмоций. В татарском языке многие названия татарских блюд получили такое перевоплощение [5].

Отдельного внимания заслуживают конверсионные междометия от устойчивых словосочетаний религиозного характера. В разговорной речи татар их огромное множество. Рассмотрим некоторые из них: *Сөбханалла* (Хвала Аллаху), *Аллага тапшырдык* (если на то воля Аллаха), *Алла сакласын* (Аллах да простит меня). *Бәрәкәлла, бик кадерле кунак алып килгәнсез икән, рәхмәт төшсен! Әйдүк, шәкерт, әйдүк!* – *диде бабай, миңа ике кулын сузып* [4]. – *Дорогого гостя привезли вы к нам, да продлит Аллах ваши жизни, спасибо! Добро пожаловать, шакирд, добро пожаловать!* – *сказал старик, протягивая мне руки.*

Особую группу междометий в татарском языке представляют формулы речевого этикета, которые являются особенными экспрессивными звуковыми элементами языка народа в бытовом общении: *нихәл* (здорово), *исәнмесез* (здравствуйте), *хуш киләсез* (добро пожаловать).

В составе эмоциональных междометий рассматриваются также слова-обращения к мифическим существам и предкам. *Йә, Тәңре, ул минем хәлемне аңлаган, ул минем артык сизгер, артык тиз хәрәкәтләнүчән йөрәгемне яралаган!..* [4]. – *О, Аллах! Значит, догадывалась о моих переживаниях, пожалела легко ранимое сердце.* Как показывают наши наблюдения, эти формы (*Аллах, Тәңре, Ходай, Раббым*) в татарском языке чаще всего используются в сочетании с первичными междометиями типа *уф, эх, ай, и, йә, абау* представляя одно интонационное целое Они могут выражать разнообразные чувства и настроения: радость, восхищение, удивление, недовольство, возмущение, негодование, испуг, страх и т.д..

Наименование лиц в татарском языке довольно часто имеет эмотивный оттенок. Так, например, в татарском языке слова-междометия *әнекайғанам, сандугачым, егетләр* имеют разные смысловые оттенки. В междометие *әнекайғанам* (мамочка) татарский народ передает все душевное тепло, нежность, которое испытывает по отношению к матери, а также удивление, испуг. Называя словом *егетләр* (мальчишки) татары показывают, что они возлагают на них большие надежды.

Как показывают результаты данного исследования, граница между чисто эмоциональными и эмоционально оценочными междометиями не всегда достаточно отчетлива. По результатам исследования, междометия можно поделить на следующие разряды: эмоциональные (*эй, эх, әстәгафирулла*), императивные (*чу, тсс, әйдүк*) и этикетные (*сәлам, исәнмесез, гафу ит*). В татарском языке наблюдается разнообразие междометий и междометных сочетаний, что было доказано на основе практического материала. На первом месте в анализируемой татарской эмотивной лексики стоят эмоциональные междометия (65 %), на втором – этикетные (18 %), на третьем – императивные (17 %). В анализируемых материалах доминируют междометия и междометные сочетания с положительной эмоциональной окраской (58 %). Второе место занимают междометия, которые выражают эмоционально-нейтральное состояние (24 %), отрицательные – 18 %. В третью группу можно отнести особую группу бранных междометий, выражающие неприязненное отношение со стороны собеседника к другим людям. Эти междометия-фразеологизмы, как правило, произносятся с интонаций возмущения, негодования, гнева, злобы: *бадбахет, эт малае, атаң баши, шайтан алгыры, чәнчелгере* и др. Такие эмотивы обычно употребляются в порыве гнева и имеют негативный оттенок. Эмоционально-окрашенные обращения, такие как *акыллым* (умный мой), *жәным* (душа моя) могут охарактеризовать адресата не только с положительной, но и с отрицательной стороны.

По своему происхождению большинство междометий являются исконно татарскими. Однако в татарском языке множество междометий имеет арабское происхождение. Это объясняется тем, что татарский народ является представителем Исламской религии. Религиозный характер междометий продиктован потребностью в приобщении к духовно-культурным и языковым традициям татарского народа.

Исследование эмотивной лексики в татарском языке дает возможность дать правильную и точную характеристику состояния говорящего и окружающей его обстановки. Эмотивная лексика способна отразить репрезентацию мыслей, эмоций, чувств человека, как результат познавательной деятельности, как результат отражения реальных предметов и явлений. Таким образом, народ и его эмотивная лексика являются необходимым компонентом построения языковой картины мира. В жизни, в быту и в эмоциях татар наблюдается серьезный отпечаток традиций и канонов ислама. Использование в татарской разговорной речи междометий с религиозным содержанием, обосновывается тем, что данные единицы языка были связаны с самым разнообразным видением мира татар в далеком прошлом.

Список литературы

1. Пименова, М.В. Категоризация эмоций в наивной картине мира как отражение русской ментальности // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского/ Серия «Филология» Социальные коммуникации». 2011. Том 24 (63). №4. Часть 2. С. 352–361.
2. Салахова Р.Р. Особенности перевода татарских междометий на русский язык (на примере повести А.Еники «Медный колокольчик» // Филология и культура. – Казань: КФУ, 2014. №4 (38). С. 179–183.
3. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 397 с.
4. Татарский национальный корпус «Туган тел». URL:// http://web-corpora.net/TatarCorpus/search/index.php?interface_language=ru
5. Gabdrakhmanova F.H., Sattarova M.R., Nurmukhametova R.S. Traditions and customs as means of formation of eating behavior of tatar people // Journal of Language and Literature. 2016. Vol. 7. No. 2, P. 169–172.
6. Husnutdinov D.H., Sagdieva R.K., Sayfulina F.S., Gatin R.G., Timerkhanov A.A. Phraseological units in the tatar language containing the component of can (Küñel) (SOUL) // XLinguae. 2019. Vol.12, Is.2. P. 41–50.

10.02.19

М.В. Шурупова канд. филол. наук

Государственный гуманитарно-технологический университет,
кафедра английской филологии и переводоведения,
Орехово-Зуево МО, mar4878@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматривается специфика Интернет-коммуникации с позиции стилистической составляющей языкового наполнения высказываний коммуникантов. Автор делает акцент на сложности изучения данного вида коммуникации в связи с постоянно меняющимся информационным контентом.

Ключевые слова: *Интернет-коммуникация, сленг, социальная сеть, стилистика, эмотикон.*

Исследование свойств и характеристик социальных сетей привлекает внимание многих ученых (теоретиков и практиков), однако многие аспекты еще не получили должного освещения и трактования. Отметим, что социальная сеть – это «веб-сайт, где пользователи могут создавать персонализированные сообщества для общения друг с другом [2, р. 443]». Общие черты любых социальных сетей включают в себя настраиваемый профиль, возможность добавлять других пользователей, легкость обмена фотографиями, музыкой, текстовыми сообщениями, а также ссылками; встроенный чат и почтовые функции.

Таким образом, социальная сеть – это «структура, состоящая из пользователей (индивидуумов и групп индивидуумов), которые «существуют» в сети Интернет в рамках специально организованного и функционирующего киберпространства [5, с. 108]».

Социальные сети вносят весомый вклад не только в расширение межличностных и социальных контактов и знаний человека об окружающей его действительности, но и оказывают влияние на процесс трансляции и воспроизводства социальных норм и ценностей, правил межличностного взаимодействия и моделей социального поведения человека в социуме.

Отметим, что появление виртуальных социальных сетей основывалось на реальных социальных сообществах, и они по своей сути представляют ту же «группу людей (или организаций, или других социальных единиц), связи в которой являются социальными и могут реализоваться в дружбе, совместной деятельности или простом обмене информацией [3, р. 8]».

Пользователи социальных сетей образуют свое собственное уникальное информационно-культурное пространство, в котором создается отдельный мир межличностных и групповых отношений и формируется специфическая система мировоззрения, норм и правил, «транслируемых в глобальном масштабе [6, с. 57]».

Основной характеристикой общения в социальных сетях является сближение коммуникантов в процессе обмена информацией и, как следствие, максимальное приближение их речи к разговорной. Эта особенность и определяет стилистическую специфику коммуникации в сети Интернет.

На графическом уровне в качестве стилистических средств могут выступать эмотиконы. Графическое оформление текста обычно направлено на передачу эмоционально-оценочных оттенков, которые, согласно замыслу автора, должны быть транслированы конечному получателю информации, или эмфазы, особо подчеркивающей часть высказывания или подчеркивающей наличие подтекста [7, с. 17].

Приведем примеры эмотиконов, пользующихся наибольшей популярностью среди пользователей соцсетей:

|-D – ого-го (выражает радость) (ho ho)
'-) или ;-) – подмигиваю (winking; just kidding)
:- (– нахмуренный (frowning; sad)
:’-(– плачу (crying and very sad)
:-O – высовываю язык (sticking tongue out)
:* или (K) – целую (kiss)
((((name)))) – крепко обнимаю (hug)

К стилистическим особенностям Интернет-коммуникации на современном этапе следует отнести и широкое использование сленга.

В современном отечественном и зарубежном языкознании существует достаточно большое количество трактовок данного лингвистического явления, и, изучив наиболее распространенные, мы предлагаем свое определение понятия «сленг»: «это пласт сниженной лексики любого языка, нацеленный на внесение разнообразия в стандартную, «типизированную», шаблонную речь говорящих, придание яркой эмоционально-экспрессивной окраски устной и письменной речи и определяющей границы той или иной социальной группы (последние, однако, могут стать «размытыми» с течением времени) [8, с. 184]».

Исследование Интернет-сленга с лингвистической точки зрения представляет собой сложную задачу, так как данное языковое явление не имеет четких границ. Социальный или профессиональный критерий, на основании которого выделяют другие виды сленга (например, студенческий сленг, автомобильный сленг, сленг спортсменов, военных, музыкантов и т.п.), в данном случае не продуктивен, так как среди участников Интернет-коммуникации можно встретить представителей любой профессии практически любого возраста.

Приведем ряд примеров Интернет-сленгизмов:

BFN = bye for now (давай, до связи)
JK = just kidding (да я прикалываюсь)
TTYL = talk to you later (позже спишемся)
YNU = Yes, and you? (и ты тоже?)
RU OK = Are you OK? (ты как?)
OIC = Oh, I see (да-да, я понял) [4]

В структуре полных предложений язык Интернет-коммуникации построен на одновременной реализации следующих отличительных черт:

- использовании цифр вместо букв или сочетаний букв;
- буквенном принципе замещения полных слов;
- усечении гласных внутри слова;
- акронимах – т.е. аббревиатурах, которые образуются путем сложения начальных букв слов, входящих в состав выражения и/или произносятся как обычные слова.

My smmr hols wr CWOT. B4, we used 2go2 NY 2C my bro, his GF & thr 3 :- kids FTF. ILNY, it's a gr8 plc. – My summer hols (сокращенное – holidays) were a complete waste of time. Before, we used to go to NY (New York) to see my brother, his girlfriend and their 3 kids face to face. I love New York, it's a great place [1].

Все указанные особенности языка Интернет-коммуникации служат реализации одной из основных функций сленга в речи – функции языковой экономии, которая направлена на обеспечение наибольшей эффективности общения между коммуникантами за счет сообщения максимума информации при минимуме языковых усилий.

В качестве вывода отметим, что современный человек живет в двух мирах – в традиционном, реальном мире, и в новом, виртуальном, ставшем неотъемлемой частью облика современного участника глобального мирового сообщества. Практически непрерывное пребывание во всемирной паутине стало привычным и обыденным явлением –

современный человек здесь узнает о насущных мировых, региональных и локальных событиях, а также получает квалифицированные комментарии от экспертов, здесь же он учится, делает покупки, развлекается, общается – иными словами живет полноценной жизнью. Таким образом, очевидно, что глубинные изменения, происходящие в информационном обществе сегодня, затрагивают все аспекты жизни человека. Социальные сети представляют собой специфический сегмент Интернет-коммуникации. Изучение особенностей функционирования виртуальных соцсетей входит в круг интересов множества научных дисциплин – социологии, психологии, информатики, а также лингвистики, а точнее, ее отрасли, занимающейся изучением особенностей функционирования языка в контексте социальных взаимоотношений его носителей.

Список литературы

1. 100+ английских сокращений в переписке, или WUCIWUG, BRO! [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://corp.lingualeo.com/ru/2016/10/27/100-angliyskih-sokrashheniy-v-perepiske/> (дата обращения: 01.02.2020).
2. *Downing D.* Dictionary of Computer and Internet Terms. – New York, NY: Barron's Business Guides, 2009. – 562 p.
3. *Garton L., Haythornthwaite C., Wellman B.* Studying online social networks // *Journal of Computer-Mediated Communication*. – 1997. – V. 3. – №. 1. – P. 1–22.
4. Английский сленг в интернете: как написать сообщение и смс [Электронный ресурс]. – Режим доступа. – URL: <https://elenaruvet.com/anglijskij-sleng-v-internete-kak-napisat-soobshhenie-i-sms/> (дата обращения: 03.02.2020).
5. *Баранов А.Б.* Виртуальная коммуникация в социальной сети: основные понятия и модель взаимодействия // *Вестник Университета Российской Академии Образования*, 2012. – №1. – С. 108–111.
6. *Бокарев В.А.* Виртуальные социальные сети как пространство для удовлетворения потребностей современной молодежи // *Вопросы культурологии*, 2009. – №. 8. – С. 56–59.
7. *Громова В.М.* Конструирование идентичности в интернет-дискурсе персональных объявлений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. –Ижевск, 2007. – 19 с.
8. *Шурупова М.В.* Лексическая репрезентация концепта «уничижительное отношение к женщине» в американском сленге // *Международный научно-исследовательский журнал*. – Екатеринбург, 2016. – №9 (51). – Ч. 4. – С. 184–187.

10.02.19

Янь Кай канд. филол. наук

Университет имени Сунь Ятсена,
Школа международного перевода,
Центр Европейского исследования,
Гуанчжоу, ku_710@126.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Статья посвящена представлению истории возникновения, методологии лингвокультурологии как науки. В статье рассматривается взаимосвязь лингвокультурологии: язык – культура – человек – (языковое) сознание; выделяются подразделы лингвокультурологии: лингвокультурологическая фразеология, когнитивная лингвокультурология, теолингвокультурология, лингвокультурология эмоций и психолингвокультурология.

Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, человек, (языковое) сознание.

Лингвокультурология как самостоятельная наука возникла в русле антропоцентрической парадигмы и сформировалась в конце XX века. Однако существует и иное мнение о времени зарождения лингвокультурологии, представленное в работе [19, с. 182]. В.В. Красных считает, что первые серьезные научные исследования в данном направлении были проведены во второй половине 1980-х годов и связаны с лингвокультурологическими научными трудами В.Н. Телия. По мысли В.В. Красных, в 1990-е годы В.Н. Телия опубликовала фундаментальные работы по лингвокультурологии (см., например, [30, 32, 34]).

Лингвокультурология, по мнению В.Н. Телия, это та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры в синхронии, она исследует живые коммуникативные процессы и связь используемых в них языковых выражений с синхронно действующим менталитетом человека [34, с. 217–218]. При этом, в лингвокультурологии особый акцент делается на культурном факторе в языке и на языковом факторе в человеке. Это значит, что лингвокультурология – это наука о человеке, ядром притяжения которой является феномен культуры [Там же, с. 222]. Развивая идеи В.Н. Телия, М.Л. Ковшова говорит о том, что лингвокультурология ориентирована на переход от позитивного знания к глубинной семантике языковых единиц; в основе методологии лингвокультурологии лежит идея взаимосвязанности языка и культуры [13, с. 6]. О методологической базе лингвокультурологии также рассуждала В.Н. Телия: «Культура, равно как и язык – это формы сознания», которые отображают мировоззрение и миропонимание определённого лингвокультурного сообщества [34, с. 224]. В этом случае **методологической основой** лингвокультурологии служит «семиотическая презентация данных этого взаимодействия, рассматриваемого с учётом когнитивного содержания ментальных процедур, результатом которых и являются культурно оязыковленные ментальные структуры» [32, с. 17]. Таким образом, опираясь на идею В.Н. Телия, считаем, что центральной проблемой лингвокультурологии является взаимосвязь **язык – культура – (языковое) сознание – человек**.

С опорой на общую теоретико-методологическую базу, предмет, объект и цель лингвокультурологии лингвисты выделяют некоторые её (т.е. лингвокультурологии) основные направления (ср. с идеями В.В. Красных [19]) и И.В. Зыковой [11]:

Лингвокультурологическая фразеология (или лексикографическая лингвокультурология)

Данное направление представлено в работах В.Н. Телия, М.Л. Ковшовой и Д.Б. Гудкова (см. работы [12.13.15.16.17], [7.8]).

В.Н. Телия считает, что в задачи лингвокультурологического анализа и описания фразеологизмов входит «способность носителей языка как субъектов языка и культуры к интерпретации фразеологизмов как знаков языка культуры и к постижению и осознанию воплощенных в них установок, или прескрипций, культуры в речевой деятельности» [29, с. 20]. Развивая идеи В.Н. Телия, М.Л. Ковшова отмечает, что лингвокультурологический анализ фразеологических единиц «ориентирован на максимально допустимую эксплозию тех процессов, которые происходят в языковом сознании человека» при порождении и восприятии фразеологических единиц [13, с. 64]. Также лингвокультурологическое направление во фразеологии исследует «взаимодействие языка и культуры в диапазоне культурно-национального самосознания и его фразеологической презентации» [Там же: 69]. При этом «развивается система эталонов, стереотипов, мифологем, символов, обычаев, ритуалов и т.п.», получающая во фразеологизмах как знаках особого кода своё выражение [12, с. 484]. По М.Л. Ковшовой, лингвокультурологический аспект исследования фразеологизмов позволяет понять своеобразие фразеологизма как языкового знака, исследовать культурную знаковую функцию фразеологизма и описать участие фразеологизма в категоризации мира и развитии концептосферы культуры [Там же: 65], а также исследовать важнейшее звено культурной интерпретации фразеологизмов – соотнесение его компонентов (их совокупности) с кодами культуры [Там же].

В рамках данного направления В.В. Красных отмечает, что исследование фразеологизмов в свете лингвокультурологического подхода проводится «с опорой в первую очередь на этимологический, фольклорный, страноведческий, исторический и под. материал. В фокусе внимания находятся различные языковые единицы, которые рассматриваются сквозь призму кода культуры и той культурной информации, которая стоит за ними» [19, с. 182]. В данном случае, лингвокультурология «на современном этапе изучения языка выделяют особое – глубинное – *национальное культурное пространство*, которое называют кодами культуры» (курсив наш. – Я.К.).

Д.Б. Гудков и М.Л. Ковшова пишут, что код культуры – «вторичные знаковые системы, использующие разные материальные и формальные средства для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума» [8, с. 8].

Лингвокультурология эмоций

Лингвокультурология эмоций как особое направление выросла на плечах лингвокультурологии и лингвистики эмоций.

В.И. Шаховский, учитывая замечания В.Н. Телия о едином методологическом основании анализа взаимодействия «знака» культуры с естественным языком в современной лингвокультурологии, утверждает, что «семиотический подход к рассмотрению феномена культуры может и должен иметь в виду и эмотивную семиотику» [40, с. 81]. В данном случае В.И. Шаховский считает, что перед лингвистикой эмоций и лингвокультурологией стоит проблема развития сравнительных и сопоставительных исследований эмоций в разных языках, культурах и лингвокультурах, «зафиксированных в их национальном характере и в вербальных стереотипах», что в результате станет основой для словаря нового типа – «словаря различий в эмоциональном поведении этих языковых/коммуникативных/речевых личностей» [Там же: 293]. При этом исследователь пишет, что эмоции человека, являясь «таксоном культуры, материализуются в различных приемах и способах поведения представителей различных культур. Осознание различий между таксонами эмоций своей и чужой культуры способствует формированию особой памяти – памяти эмоциональных личностей» [41, с. 95]. Иначе говоря, полагаем, что центральной проблемой в лингвокультурологии эмоций выступает взаимосвязь *языка, культуры, «эмоций человека»* и его (языкового) *сознания*.

Теолингвокультурология

Теолингвокультурология как одно из новых направлений разрабатывается в работе В.И. Постоваловой [26]. Исследователь пишет, что в рамках трансцендентно-религиозного варианта развертывания антропоцентрической программы изучения языка возможно создание особого направления общей лингвокультурологии – конфессиональной теолингвокультурологии, «направленной на изучение взаимосвязи языка, культуры и религии, а в её составе – теолингвокультурологии православно-христианской» [Там же: 297].

В.И. Постовалова подчёркивает, что «при любом варианте реализации антропологической парадигмы в лингвокультурологии остается в силе основной методологический постулат, согласно которому все важнейшие феномены из мира существования языка и культуры должны рассматриваться не автономно, как самодостаточные величины, но в антропологической перспективе, в контексте человека и его жизненного мира. А в случае теолингвокультурологии – в трансцендентной перспективе, в максимально широком контексте взаимосвязи Бога, мира и человека» [Там же: 298]. При этом исследователь считает, что одной из сложнейших задач теолингвокультурологии как нового направления в составе лингвокультурологии является формирование метаязыка для изучения, описания и построения теолингвокультурологической реальности [Там же: 301]. С точки зрения В.И. Постоваловой, в основе современной теолингвокультурологии мысли представлены во взаимосвязи языка, культуры и религии [Там же: 302].

Когнитивная лингвокультурология

Проблематика данного направления анализируется в работах И.В. Зыковой (см. работу [10 и др.]). В.Н. Телия пишет, что «лингвокультурология, используя аппарат когнитивистики, идет дальше семантического анализа, привлекая к интерпретации смысла культурно маркированных языковых знаков категоризацию и концептуализацию, действенную для знака концептосферы культуры» [31, с. 31].

Опираясь на идеи В.Н. Телия и Е.Г. Беляевской, И.В. Зыкова предлагает в рамках лингвокультурологического направления осуществлять исследование фразеологии через разработку нового подхода к анализу значения фразеологических единиц, который послужит «теоретическим основанием для создания новых лингвокультурологических методов изучения процесса формирования фразеологических знаков под воздействием концептосферы культуры и описания фразеологизмов как культурно-языковых знаков» [10, с. 87]. Как пишет В.И. Постовалова, «лингвокультурологический анализ во фразеологии нуждается в дополнении лингвокогнитивным и другими видами анализов <...>» [25, с. 32].

В когнитивной лингвокультурологии, согласно И.В. Зыковой, фразеологическое значение формируется в отношении интеракций семиотических систем языка и культуры [12, с. 452]. По мнению И.В. Зыковой, именно **макрометафорическая концептуальная модель** становится основным фокусом в рамках исследования когнитивных механизмов фразеологической креативности [11, с. 142] (курсив наш. – Я.К.). При этом исследователь предложил поэтапное применение когнитивного метода в лингвокультурологической реконструкции фразеологизмов (возможно, и иных единиц языка): 1) **на первом этапе** производится реконструкция концептуальной структуры моделируемой области; 2) **на втором этапе** устанавливается набор семиотических областей культуры, участвующих в моделировании вербальной коммуникации; 3) **на третьем этапе** устанавливается полный набор макрометафорических концептуальных моделей, задающих основания формируемых впоследствии фразеологических образов и семантики [Там же: 143–146]. На основании анализа фразеологизмов в английском и русском языках И.В. Зыкова выработала трактовку фразеологической креативности, под которой понимается «особая форма проявления целостного явления лингвокреативности», которая «коренится в глубинных концептуальных структурах коллективного сознания – макрометафорических концептуальных моделях, возникающих как результат весьма сложного когнитивного процесса, каковым является процесс межсемиотической транспозиции» [Там же: 148–149].

Психолингвокультурология

Психолингвокультурология как новое научное направление зародилась на стыке этнопсихолингвистики и лингвокультурологии. Опираясь на методологию лингвокультурологии, В.В. Красных разрабатывает теорию лингвокультуры, под которой понимается как «воплощенная и закрепленная в знаках живого языка и проявляющаяся в языковых процессах культура, культура, явленная нам в языке и через язык» [18, с. 123]. При этом лингвокультура выступает лингвокогнитивным феноменом, т. к. формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки [Там же]. Лингвокультура обладает своим собственным словарём (единицами) и грамматикой (правилами) [20, с.: 149]. Значит, лингвокультура, как и язык и культура, – это формы сознания, которые отображают мировоззрение и миропонимание конкретного лингвокультурного сообщества [42, с. 64].

Отметим, что, по мнению В.В. Красных, психолингвокультурология выступает как наука о лингвокультуре, носителем которой является человек говорящий с учётом совокупности всех факторов, её предопределяющих и ею предопределяемых [20, с. 10]. Человек говорящий, с позиции психолингвокультурологии, – базовая категория лингвокультуры; это осуществляющий речевую деятельность и вступающий в коммуникацию носитель языка и сознания, культуры и лингвокультуры, представитель разных сообществ [Там же: 136].

Таким образом, на основании общей методологии лингвокультурологии, которую предложила В.Н. Телия, сегодня в науке появляются и активно развиваются ряды новых направлений: лингвокультурологическая фразеология (М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков); лингвокультурология эмоций (В.И. Шаховский); когнитивная лингвокультурология (И.В. Зыкова), теолингвокультурология (В.И. Постовалова) и психолингвокультурология (В.В. Красных). При этом, опираясь на идеи В.Н. Телия, подчеркнем, что центральной проблемой в лингвокультурологии выступает взаимосвязь **язык – культура – человек – (языковое) сознание**, а **человек** (точнее, *человек говорящий* – в терминологии В.В. Красных) образует ядро предлагаемой связи. Как пишет Р.М. Фрумкина, «вторая когнитивная революция началась тогда, когда открылся своего рода тупик: оказалось, что в науке о человеке нет места главному, что создало человека и его интеллект – культуре» [37, с. 104].

Данная статья подготовлена в рамках гранта (номер гранта: 19wкpy26) «Российская лингвокультурология: возникновение, состояние и перспектива» Университета имени Сунь Ятсена.

本文系2019年度中山大学高校基本科研业务费青年教师培育项目(项目号: 19wкpy26)“(俄罗斯)语言文化学研究: 形成、现状与发展”研究成果。

Список литературы

1. Гудков Д.Б. Люди и звери: русские прецедентные имена и зоонимы в национальном мифе: Лингвокультурологический словарь. М.: Ленанд, 2020. – 200 с.
2. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры. М.: Гнозис, 2008. – 288 с.
3. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015. – 380 с.
4. Зыкова И.В. Лингвокреативность с позиции лингвокультурологии: теория, метод, анализ // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016-а. – Вып. 53. С. 136 – 151.
5. Зыкова И.В. От знаков культуры к знакам языка: теоретические аспекты культурного трансфера в процессе формирования фразеологии // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технология: коллективная монография / отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016-б. С. 451 – 467.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2012. – 456 с.

7. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): дис. ... д-ра филол. наук. М.: 2009. – 654 с.
8. Ковшова М.Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Коллективная монография / Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016-б. С. 468 – 498.
9. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. М.: Гнозис, 2017. – 192 с.
10. Красных В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. 2013. № 1. С. 122-130.
11. Красных В.В. Лингвокультурология в ряду новых наук о человеке говорящем: сегодня и завтра // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016-а. – Вып. 53. С. 181 – 193.
12. Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры. Основы психоллингвокультурологии. М.: Гнозис, 2016-б. – 496 с.
13. Маслова В.А., М.В. Пименова Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. – 180 с.
14. Постовалова В.И. Лингвокультурология в свете антропологической парадигмы (к проблеме оснований и границ современной фразеологии) // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 25 – 33.
15. Постовалова В.И. Мифологема «Царство Божие» как символическая реальность в «духовном космосе» православия (теоллингвокультурологические размышления) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. серии В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2016. – Вып. 53. С. 294 – 311.
16. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 19 – 30.
17. Телия В.Н. О методологических основаниях лингвокультурологии // Логика, методология, философия науки. Тезисы докладов. М. – Обнинск: ИФ РАН, 1995. С. 102 – 104.
18. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Макс Пресс, 2005. – Вып. 30. С. 4 – 42.
19. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры / под ред. В.Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13 – 24.
20. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.
21. Фрумкина Р.М. Есть ли у современной лингвистики своя эпистемология? // Язык и наука конца XX века. М., 1995. С. 74 – 117.
22. Шаховский В.И. Лингвистика эмоций. М.: Гнозис, 2008. – 416 с.
23. Шаховский В.И. Эмоции. Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 128 с.
24. Янь К., Ван Х.В. Код культуры как объект изучения психоллингвокультурологии // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: Макс Пресс, 2015. – Вып. 52. С. 52–62.

АННОТАЦИИ
ABSTRACTS

Е.А. Ерохина

УСАДЕБНОЕ ПРОСТРАНСТВО В ПОВЕСТЯХ
И.С. ТУРГЕНЕВА 1850-1860-Х ГГ. КАК РЕСУРС
ФОРМИРОВАНИЯ «УСАДЕБНОГО МИФА»*Ключевые слова:* «усадебный миф», тоpos, хронос, функция,
«усадебная повесть».

В статье рассмотрены повести, которые можно отнести к ресурсу, сформировавшему «усадебный миф» писателя 1850-60-х годов. Центральными образами имения в текстах Тургенева становятся господский дом и сад. Также в работе анализируется время как категория, неразрывно связанная с пространством. Вместе они составляют идиллический хронотоп произведений Тургенева. Учитывая значимость образа усадьбы в творчестве писателя, можно говорить об «усадебной повести» как особом жанре с характерными чертами.

Л.А. Нигматуллина

ФОРМИРОВАНИЕ ЧИТАТЕЛЬСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ
ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕКСТОВ С
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫМ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕМ НА
ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И КУЛЬТУРЕ РЕЧИ НА
ПРИМЕРЕ РОМАНА РЭЯ ДУГЛАСА БРЕДБЕРИ
«451 ГРАДУС ПО ФАРЕНГЕЙТУ»*Ключевые слова:* интертекстуальность, лингвистика, культура речи, читательская компетенция, детальный анализ, лингвокультурология, текстовое пространство, лексика, функции речи.

В данной статье поднимается проблема особенностей современного текстового пространства, взаимодействий различных текстов между собой. Сведения подаются о малоизученном новом направлении в лингвистике – интертекстуальности на примере романа Рэя Дугласа Бредбери «451 градус по Фаренгейту».

М.С. Савина

ПОЭТИКА ТРИВИАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ У. АНДАШЕВА
«РАСТОПТАННЫЙ ЦВЕТНИК»*Ключевые слова:* массовая литература, информационное общество, книжный рынок, писательское амплуа, тривиальность, сюжет, образ, топика текста.

В статье проведен анализ художественной структуры романа У. Андашева «Растоптанный цветник». Выявлен ряд художественно-стилистических средств, использованных автором, для создания тривиального текста. Изучена символика заглавия, этимологически близкая романтическим клише, выявлена вторичность и предсказуемость сюжета, неоригинальность образной структуры, аксиологическая вторичность идейной доминанты текста. Определены основные тенденции, влияющие на формирование авторских стратегий создания текста, такие как следование ожиданиям читателей и издателей и включение писателя в экономические взаимоотношения с читателем, потребителем литературной продукции. Названы имена современных писателей Кыргызстана, которые работают в стилистике и жанровых формах массовой литературы. Обозначена новая тенденция формирования писательского амплуа «создатель литературного текста». Выводы статьи, основанные на аналитическом рассмотрении романа как продукта массовой литературы в общем контексте массовой культуры, подтверждают тезис о том, что тексты масскульты представляют собой часть общественного сознания и назрела необходимость их изучения как существенной составляющей современной культуры.

М.С. Савина

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ХХІ В. В РУССКОЯЗЫЧНОЙ
ПРОЗЕ КЫРГЫЗСТАНА: ПОЭТИКА «NON-FICTION»*Ключевые слова:* массовая литература, «non-fiction», автор, литературный продукт, прецедентный текст, стилистика, документализм.

E.A. Erokhina

MANOR SPACE IN I.S. TURGENEV'S 1850-1860-X. AS A
RESOURCE FOR FORMING A "MANOR MYTH"*Keywords:* "manor myth", topos, chronos, function, "manor story".

The article discusses stories that can be attributed to the resource that formed the "estate myth" of the writer of the 1850-60s. The central images of the estate in the texts of Turgenev are the manor house and garden. The work also analyzes time as a category inextricably linked with space. Together they make up the idyllic chronotope of Turgenev's works. Given the importance of the image of the estate in the writer's work, we can talk about the "estate story" as a special genre with characteristic features.

L.A. Nigmatullina

READING COMPETENCIES FORMATION USING
INTERTEXTUAL INTERACTION TEXTS IN RUSSIAN
LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH CLASSES WITH
THE USE OF RAY BRADBURY'S "FAHRENHEIT 451"*Keywords:* Intertextuality, linguistics, culture of speech, reading competencies, detailed analysis, linguocultural science, text space, vocabulary, speech functions

The problem of modern text space features and of multiple texts interaction is raised in this article. Information is given about a poorly studied trend within linguistics named intertextuality using Ray Bradbury's "Fahrenheit 451" novel.

M.S. Savina

THE POETICS OF THE TRIVIAL IN THE NOVEL BY
WILLIAM ANTASHEVA
"TRAMPLED THE FLOWER GARDEN"

Keywords: mass literature, the information society, the book market, the writer's role, identity, story, image, topic of the text. In the article the analysis of the artistic structure of the novel U. Antasheva "Trampled flower". A number of artistic and stylistic tools used by the author to create a trivial text are revealed. Studied the symbolism of the title, is etymologically close to romantic cliché, revealed a secondary and a predictable plot, unoriginal shaped structure, axiological secondary ideological dominants of a text. The main trends that influence the formation of author's strategies for creating text, such as following the expectations of readers and publishers and including the writer in the economic relationship with the reader, the consumer of literary products, are determined. The names of modern writers of Kyrgyzstan who work in the style and genre forms of mass literature are named. A new trend in the formation of the writer's role "Creator of a literary text" is indicated. The conclusions of the article, based on the analytical consideration of the novel as a product of mass literature in the General context of mass culture, confirm the thesis that mass culture texts are part of the public consciousness and there is a need to study them as an essential component of modern culture.

M.S. Savina

LITERARY TRENDS OF THE TWENTY-FIRST CENTURY
IN RUSSIAN-LANGUAGE PROSE IN KYRGYZSTAN:
POETICS "NON-FICTION"*Keywords:* mass literature, "non-fiction", author, literary product, precedent text, stylistics, documentalism.

В статье рассматриваются литературные тенденции русскоязычной прозы Киргизстана в информационную эпоху. Исследуется новое стилистическое направление в реализме – «проза non-fiction». «Невыдуманность» сюжетных ходов, включение прецедентных текстов и реалий узнаваемой повседневности являются одними из характерных стилистических приемов прозы «non-fiction».

А.У. Киньябулатов, С.Г. Аксёнов, В.Ф. Усманов, Р.Э. Сафаров,
Ф.Б. Рахматова, Л.Ф. Минязева, В.А. Перминова, Э.Г. Усманов,
И.Р. Юсупов

ВКЛАД В ЖУРНАЛИСТИКУ РОССИИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ (АНАЛИЗ ЭНЦИКЛОПЕДИИ «ЖУРНАЛИСТЫ РОССИИ. XX—XXI»)

Ключевые слова: журналист, энциклопедия, медицинские работники, врачи.

Справочно-энциклопедическое издание «Журналисты России. XX—XXI» (энциклопедия) — единственное издание в Российской Федерации, которая содержит биографические данные о журналистах, внесших вклад в развитие российской журналистики. 1000 страниц биографий журналистов со всей России, изданное в Издательском доме «Журналист», где наименьшее представительство среди них это медицинские работники.

О.А. Глущенко

СЕМИОТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ ДОНОРСТВА КРОВИ

Ключевые слова: креолизованный текст, социальная реклама, семантика.

В статье проанализированы структурно-семантические и прагматические особенности визуального и вербального компонентов в поликодовых текстах социальной рекламы донорства крови. Определены направления совершенствования текста в таком формате рекламы.

Н.С. Дьякова, Т.А. Маркова

МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ КОРПУС ЯЗЫКОВЫХ ОШИБОК СТУДЕНТОВ-ИНОФОНОВ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

Ключевые слова: корпусная лингвистика, электронная база языковых ошибок, вторичная языковая личность, студент-инофон.

Статья посвящена описанию возможностей применения лингвистических корпусов при решении проблем коммуникативной и академической адаптации иностранных обучающихся. Описан опыт создания как русских, так и иноязычных лингвистических корпусов. Раскрыты возможности применения корпуса языковых ошибок в процессе решения важных исследовательских и педагогических задач.

С.В. Минибаяева, А.А. Минеева

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ИМИДЖА ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН РАДИЯ ХАБИРОВА

Ключевые слова: языковая личность; речевой портрет; речевой имидж; речевое поведение; вербальный образ; политический дискурс.

В статье представлены результаты проведенного контент-анализа выступлений Главы Республики Башкортостан Радия Хабирова. В результате исследования делается вывод о дихотомичности вербального образа политика: одна сторона – политик, стремящийся к единению с народом и выполнению своих недавних обещаний, другая – хороший семьянин. При этом анализ общественно-политических речей показал, что исследуемая языковая личность является цельной, ибо реализуются стратегические образы «Человек дела» и «Руководитель команды».

Э.В. Фомин

ЧУВАШСКИЕ АНТРОПОНИМЫ РУССКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ключевые слова: личные имена, чувашский язык, русский язык, языковые контакты.

Статья посвящена изучению чувашских имен русского

The article discusses the literary trends of Russian-language prose in Kyrgyzstan in the information age. A new stylistic direction in realism – "prose non-fiction" – is being investigated. "Non-fiction" plot moves, the inclusion of precedent texts and the realities of recognizable everyday life are among the characteristic stylistic techniques of prose "non-fiction".

A.U. Kinyabulatov, S.G. Aksyonov, V.F. Usmanov, R.E. Safarov,
F.B. Rakhmatova, L.F. Minyazev, V.A. Perminova,
E.G. Usmanov, I.R. Yusupov

CONTRIBUTION TO RUSSIAN MEDICAL JOURNALISM WORKERS (ANALYSIS OF ENCYCLOPEDIA «JOURNALISTS RUSSIA. XX — XXI»)

Keywords: journalist, encyclopedia, medical workers, doctors. Reference Encyclopedic Edition "Journalists of Russia. XX — XXI" (encyclopedia) is the only publication in the Russian Federation that contains biographical data on the journalists who contributed to the development of Russian journalism. 1000 pages of biographies of journalists from all over Russia, published in the Journalist Publishing House, the smallest representation among them is medical workers.

O.A. Glushchenko

SEMIOTIC ANALYSIS OF POLYCODE TEXTS OF SOCIAL ADVERTISING OF BLOOD DONATION

Keywords: creolized text, social advertising, semantics.

The article analyzes the structural-semantic and pragmatic features of visual and verbal components in polycode texts of social advertising of blood donation. The directions of improving the text in this format of advertising are determined.

N.S. Diakova, T.A. Markova

MULTIMEDIA CORPUS OF LANGUAGE ERRORS OF STUDENTS-FOREIGNERS AS A SOURCE OF STUDYING A SECONDARY LANGUAGE PERSONALITY

Keywords: corpus linguistics, electronic database of linguistic errors, secondary linguistic personality, foreign student.

The article deals with the description of possibilities of use linguistic corpora in solving the problems of communicative and academic adaptation of foreign students. The authors describe the experience of creating both Russian and foreign language linguistic corpora. The multimedia corpus of language errors can be used in educational process. The use of linguistic corpora plays a key role in solving important research and pedagogical problems.

S.V. Minibaeva, A.A. Mineeva

FEATURES OF THE SPEECH IMAGE OF THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN RADIY KHABIROV

Keywords: linguistic personality, speech portrait, speech image, speech behavior, verbal image, political discourse.

The article presents the results of a content analysis of the speeches of the Head of the Republic of Bashkortostan Radiy Khabirova. As a result of the study, a conclusion is drawn about the dichotomy of the verbal image of a politician: one side is a politician who seeks unity with the people and fulfill his recent promises, the other is a good family man. At the same time, an analysis of socio-political speeches showed that the linguistic personality being studied is integral, for the strategic images of "The Man of Business" and "Team Leader" are realized.

E.V. Fomin

CHUVASH NAMES OF RUSSIAN ORIGIN

Keywords: anthroponyms, substitution, Chuvash language, Russian language, language contacts.

The paper considers a specific layer of Chuvash names of Russian origin, existing in a substitute form. At present, they are archaic

происхождения, существующих в фонетически адаптированном виде. В современном восприятии они являются архаичные реализации русских православных имен. Внешней основой, побудившей формирование данного пласта имен следует признать переход чувашского народа в христианство, в результате чего чувашский дохристианский именослов в полном объеме был замещен православными именами. Имена при заимствовании были подвергнуты фонетическому, словообразовательному и семантическому освоению.

О.О. Хасанова
ДЕКОНСТРУКЦИЯ СИНТАКСИСА КАК ОДИН ИЗ
ПРИЕМОВ СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЯ В РОМАНЕ
Э. ВЕРКИНА «ДРУГ-АПРЕЛЬ»

Ключевые слова: синтаксис, Эдуард Веркин, художественный текст.

В статье представлены результаты изучения синтаксиса романа Эдуарда Веркина «Друг-апрель». Использование автором конструкций нерегламентированного синтаксиса становится одним из важнейших приемов смыслопорождения художественного текста.

Р.Е. Богачев, Е.В. Шемаева, Н.Б. Кудрявцева
СИМВОЛИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ РУН И ЕГО СЕМАНТИКА
Ключевые слова: руническое письмо, символическое значение, древнеанглийский язык.

В статье рассматривается вопрос символического значения некоторых знаков рунического алфавита древних германцев. Анализируется их репрезентация в древнеанглийском, древнеисландском и древненорвежском, а так же проявление значений этих символов в русском языке.

Н.Ж. Гумерова
КОНТЕКСТ КАК УСЛОВИЕ ПОНИМАНИЯ
ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: вертикальный контекст, лингвистический контекст, экстралингвистический контекст, фоновые знания, понимание, лексическое значение.

В статье рассматривается влияние различных видов контекста на понимание художественного текста; приводятся примеры из произведений Ф.С. Фицджеральда, когда контекст влияет на интерпретацию иноязычного текста; затрагивается понятие фоновых знаний.

К.А. Журавская, А.Е. Кузнецова
РОЛЬ ПЕЙЗАЖНОЙ ДЕТАЛИ В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА
«CHEMISTRY»

Ключевые слова: английский, декодирование, философский. В работе представлены результаты изучения роли пейзажной детали в новелле «Chemistry» современного британского писателя Грэма Свифта. Сначала дается определение «детали» по Л.В. Чернец, затем – классификация по А.Б. Есину и Б.Е. Галанову. После обзора проблематики и фабулы, рассматриваются несколько трансформирующихся деталей: «the pond» → «a miniature sea» → «the Irish sea»; «the evergreen shrubs» → «dead willow leaves». Делаются выводы.

К.А. Журавская, А.Е. Кузнецова
ОБРАЗЫ РАЛЬФА И ДЕДА В НОВЕЛЛЕ ГРЭМА СВИФТА
«CHEMISTRY»

Ключевые слова: английский, декодирование, философский. В работе представлены результаты изучения образов Ральфа и Деда в новелле «Chemistry» современного английского писателя Грэма Свифта. Сначала дается определение портрету-впечатлению и психологическому портрету. Ральфа Г. Свифт рисует скорее, как хищное животное, а не как человека. Дед напоминает старика из «Шагреневой кожи» О.Бальзака или мага, имеющего власть над живыми и мертвыми, а также библейского царя Валадасара.

Ю.А. Зеремская, О.В. Солодовникова
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С ЦВЕТОВЫМ
КОМПОНЕНТОМ «КРАСНЫЙ» В СОВРЕМЕННОМ
АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

versions of codified Orthodox names. The extralinguistic basis for the existence of this kind of formation is the transition of the Chuvashes to Orthodoxy, as a result of which the Chuvash pre-Christian antroponymicon was completely replaced by the Christian one. The names due to the difference in languages were subjected to phonetic, derivational and semantic development.

O.O. Hasanova
DECONSTRUCTION OF SYNTAX
AS ONE OF THE TECHNIQUES OF MEANING
GENERATION IN E. VERKIN'S NOVEL «FRIEND-APRIL»

Keywords: syntax, Eduard Verkin, artistic text.

The article presents the results of studying the syntax of Verkin's novel «Friend-April». The author's use of non-regulated syntax constructions becomes one of the most important methods of meaning generation of an artistic text.

R.E. Bogachev, E.V. Shemaeva, N.B. Kudryavtseva
THE SYMBOLIC MEANINGS OF RUNES AND THEIR
SEMANTICS

Keywords: runic inscriptions, the symbolic meaning, the Old English language.

The article deals with the question of the symbolic meaning of some signs of the runic alphabet of the ancient Germans. The article analyzes their representation in Old English, Old Norse, as well as the manifestation of the meanings in the Russian language.

N.Zh. Gumerova
CONTEXT AS A CONDITION OF A FICTION WORK
COMPREHENSION

Keywords: vertical context, linguistic context, extralinguistic context, background knowledge, comprehension, lexical meaning. The article studies the influence of various types of context on the understanding of a literary text; provides examples from the works by F. S. Fitzgerald, when the context affects the interpretation of a foreign language text; touches upon the concept of background knowledge.

K.A. Zhuravskaya, A.Y. Kuznetsova
THE ROLE OF LANDSCAPE DETAILS IN GRAHAM
SWIFT'S «CHEMISTRY»

Keywords: English, decoding, philosophical.

The work contains the results of the study devoted to the role of landscape details in «Chemistry» written by modern British writer Graham Swift. Firstly, the «details» are defined under L.V. Chernets, and then they are classified, according to A.B. Yesin and B.Y. Galanov. After regarding the problematics and plot, several transformed details are seen: «the pond» → «a miniature sea» → «the Irish sea»; «the evergreen shrubs» → «dead willow leaves». The conclusions are drawn.

K.A. Zhuravskaya, A.Y. Kuznetsova
RALPH'S AND GRANDFATHER'S IMAGES IN GRAHAM
SWIFT'S CHEMISTRY

Keywords: English, decoding, philosophical.

The article presents the results of study of Ralph's and Grandfather's images in Chemistry written by contemporary English writer Graham Swift. Firstly, the definitions of the portrait-impression and psychological portrait are given. Ralph is portrayed as an animal rather than a human being. Grandfather reminds the elderly man from La Peau de chagrin by Honoré de Balzac or magician who has power over the alive and the dead or one of the Bible's kings.

Yu.A. Zheremskaya, O.V. Solodovnikova
PHRASEOLOGICAL UNITS WITH THE COLOR
COMPONENT «RED» IN THE MODERN ENGLISH
LANGUAGE

Ключевые слова: фразеологические единицы, цветоименование, лексема «красный», современный английский язык.

Сегодня большой интерес вызывают фразеологические единицы, содержащие в своем составе лексемы, обозначающие цвет, обладающие многозначностью по своей семантике, и благодаря этому, помогающие раскрыть менталитет и особенности духовной и культурной жизни носителей языка. В данной работе представлены результаты проведенного анализа фразеологических единиц с компонентом «red» и выявлены их структурно-грамматические особенности и семантическая слитность.

Н.А. Ладонина

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ НЕГАТИВНОЙ ВЕЖЛИВОСТИ В КОММУНИКАТИВНЫХ АКТАХ НЕСОГЛАСИЯ (НА ПРИМЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ «СТУДЕНТЫ-НОСИТЕЛИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА»)

Ключевые слова: теория вежливости, стратегия негативной вежливости, коммуникативный акт несогласия, речевая тактика, ликоугрожающий акт.

В статье рассматривается специфика реализации стратегии негативной вежливости в коммуникативных актах несогласия. Автор предпринимает попытку выяснить, какие из предложенных в теории вежливости П. Браун и С. Левинсон речевых тактик - «избегания прямолинейности», «использования вопросительных форм и языковых средств некатегоричности», «выражения почтения», «извинения», «деперсонификации высказывания» и «использования пассивных форм» - наиболее характерны для социальной группы «студенты-носители английского языка».

Л.Н. Мирошниченко, Е.Н. Мусаелян,
О.Н. Ярыгина, А.В. Марков

ЗАИМСТВОВАНИЕ КАК СПОСОБ ТЕРМИНООБРАЗОВАНИЯ В СПОРТИВНОЙ ОБЛАСТИ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Ключевые слова: терминологическое заимствование, когнитивное терминоведение, спортивная лексика.

В статье рассматриваются когнитивные основы заимствования как одного из способа терминологического заимствования. На материале спортивных терминов, заимствованных в немецкий язык, анализируются различные модели формирования профессиональных концептов, для актуализации которых используются как иноязычные вербализаторы, так и собственные языковые единицы.

З.А. Мотыгуллина, Л.А. Нургалиева, Э.А. Хабибуллина,
А.Ю. Гиниятуллина

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ УДАРЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Ключевые слова: язык, лингвистика, лексическая единица, сопоставительное языкознание, фонетика, культура, ударение. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу ударения в типологически неродственных языках, а именно английском и татарском, так как наиболее ценные результаты исследования обнаруживаются при сопоставлении языков. Целью данной статьи является выявление как различий, так и общих черт ударения в рассматриваемых языках. Данная статья рассматривает различные виды ударения в английском и татарском языках. Материалы могут быть полезны фонетистам, лингвистам для изучения истории языков и языкового взгляда на мир.

ВАРИАНТЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОНЕТА ГЕНРИ ГОВАРДА "BRITTLE BEAUTY"

Ключевые слова: сонет, лингвокультурологическая поэтика, красота.

Keywords: phraseological units, colour terms, colour component "red", modern English

Nowadays phraseological units containing lexemes denoting color are of great importance. Due to their semantics they help to reveal the mentality and features of the spiritual and cultural life of native speakers. This paper presents the results of the analysis of phraseological units with the "red" component and reveals their structural and grammatical features and semantic cohesion.

N.A. Ladonina

PARTICULAR FEATURES OF REALIZATION OF THE NEGATIVE POLITENESS STRATEGY IN THE COMMUNICATIVE ACTS OF DISAGREEMENT (WITHIN THE SOCIAL GROUP OF STUDENTS-NATIVE SPEAKERS OF ENGLISH)

Keywords: politeness theory, negative politeness strategy, communicative act of disagreement, speech tactics, face-threatening act.

The article deals with the strategy of negative politeness implementation in the communicative acts of disagreement. The author attempts to find out which of the speech tactics proposed in the theory of politeness by P. Brown and S. Levinson – "being indirect", "using hedges or questions", "showing deference", "being apologetic", "using plural pronouns" and "using obviating structures and passives" - are the most typical for the social group of students - native speakers of English.

L.N. Miroshnichenko, E.N. Musaelian,
O.N. Yarygina, A.V. Markov

LINGUISTIC BORROWING AS MEANS OF TERM FORMATION IN SPORTS AREA OF THE GERMAN LANGUAGE

Keywords: term formation, terminological borrowing, cognitive terminology, sports lexis.

The research paper dwells upon the cognitive basics of linguistic borrowing considered as one of the term formation methods. Based on the sports terms naturalized in the German language, the article analyses various models of the formation of professional concepts, the actualization of which is carried out through the usage of both non-native verbalizers and proper linguistic units.

Z.A. Motygullina, L.A. Nurgalieva, E.A. Khabibullina,
A.Y. Giniyatullina

TPOLOGY OF THE WORD STRESS IN THE ENGLISH AND TATAR LANGUAGES

Keywords: language, linguistics, lexical unit, definition, comparative linguistics, Phonetics, culture, stress.

The paper is devoted to the comparative typological analysis of the word stress in the systematically different English and Tatar languages, as the most valuable results of the research are found in the comparison of the languages. The goal of this article is to find out both the differences and common features of the word stress in the English and Tatar languages. The main approach of the research is interdisciplinary which requires the usage of such sciences as, History of languages, Social studies, Ethics, Grammar, Phonetics etc. The given article includes the nucleus and perinuclear definitions of the word stress in the compared languages. The materials can be useful for phoneticians, graduate students, scientific workers, linguists to study the History of languages and the linguistic view of the world.

THE INTERPRETATIONAL VARIANTS OF HENRY HOWARD'S SONNET "BRITTLE BEAUTY"

Keywords: sonnet, linguocultural poetics, beauty. The purpose of this article is to study authorial intentions

Цель настоящей статьи состоит в исследовании авторских интенций, заложенных в текст сонета Генри Говарда "Brittle Beauty". В результате анализа сонета с учетом культурных ценностей эпохи Ренессанса были выявлены языковые средства, структурирующие смысловое пространство текста и определены его интерпретационные рамки. Авторы приходят к выводу, что правильное истолкование художественного текста невозможно без погружения текста в контекст породившей его культуры.

А.В. Семкова, В.А. Войтов
ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМОВ В
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ ПО ГОРНОМУ ДЕЛУ)

Ключевые слова: интернационализмы, межъязыковые омонимы, ложные друзья переводчика.

В работе представлены результаты исследования значений интернационализмов в технической литературе на горную тематику. Исследуются «ложные друзья переводчика» и анализируются наиболее типичные ошибки при их переводе. Выясняются причины некорректного перевода.

Сунь Е
КОНЦЕПЦИЯ «ТРАДИЦИЯ» Ю.Н. ТЫНЯНОВА

Ключевые слова: литературная традиция Ю.Н. Тынянова, преемственность, борьба, сдвиг, система, литературная эволюция.

Статья посвящена изучению концепции литературной традиции Ю.Н. Тынянова. В статье прослеживается как данная концепция оказала влияние на становление идеи эволюции в литературной теории Ю.Н. Тынянова. В статье предпринята попытка проследить взгляды учёного на проблему традиции в его работах разного периода. В ходе исследования обнаруживаются различия смысловых нагрузок традиции в работах разного периода, что свидетельствует о противоречивости (диалектичности) теоретического подхода учёного и показывает процесс возникновения и созревания идеи эволюции литературной теории. Автор статьи доказывает, что «традиция» как теоретическая основа претерпела некоторые изменения, и автор предлагает воспринимать «традицию» в контексте научного дискурса Ю.Н. Тынянова.

Л.А. Алиева, Л.Г. Гаджиева, Ю.А. Лагутина
ИНТЕРФЕРЕНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АНГЛИЙСКОМ
ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОИЗНОШЕНИИ У УЧАЩИХСЯ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЫ

Ключевые слова: звуковая интерференция, билингвы, родной язык, иностранный (английский) язык, произношение, национальная школа.

В данной статье предпринята попытка раскрыть некоторые из основных причин интерференции родного языка (или родных языков, если учащиеся билингвы, трилингвы) в английском произношении в национальной школе. Основное содержание исследования составляет анализ фонологических и фонетических ошибок на синтагматическом и парадигматическом уровнях языка.

В.В. Батицкая, Е.П. Игнатиева
ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО
АНТРОПОНИМА КАК ЗНАКА КУЛЬТУРЫ В
СЕМИОТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ключевые слова: семиотическое пространство, энциклопедический антропоним, знак культуры.

В работе энциклопедический антропоним рассматривается как знак культуры, функционирующий в семиотическом пространстве. На материале примеров из энциклопедий доказываются, что ценностные характеристики энциклопедического антропонима могут подвергаться изменению при определённых преобразованиях в жизни общества.

embedded in Henry Howard's sonnet "Brittle beauty". The study has been conducted with due regard for the cultural value set of the Renaissance epoch. As a result of this study language units, which establish the coherent continuity within the text, have been identified, as well as the text's interpretational framework. The authors conclude that the appropriate interpretation of the literary work cannot proceed independent of the culture it comes from.

A.V. Semkova, V.A. Voytov
TRANSLATION PECULIARITIES OF INTERNATIONAL
WORDS IN SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS (ON THE
MATERIAL OF TEXTS OF MINING)

Keywords: international words, cross-language homonym, false translator's friends.

The paper presents the results of study the meanings of international words in scientific and technical texts devoted to mining. Cross-language homonyms or false translator's friends are investigated and the most typical mistakes in their translation are analyzed. The reasons for their incorrect translation are clarified.

Sun Ye
Y. TYNANOV'S CONCEPT OF TRADITION

Keywords: literary tradition of Y.N. Tynyanov, continuity, fight, shift, system, literary evolution.

The article is devoted to the study of the concept of literary tradition of Y.N. Tynyanov. The author attempts to reveal Tynyanov's view on the problem of tradition in his theoretical studies of different periods, and how this concept influenced the formation of his thought on evolution. The article analyses differences in the semantic loads of tradition in different texts, which indicates the inconsistency (dialecticity) of Tynyanov's theoretical approach and shows the process of the emergence and maturation of the idea of literary evolution. The author argues that the "tradition" as a theoretical basis has undergone some changes, and suggests perceiving the term of "tradition" according to the contextual theoretical discourse of Tynyanov.

L.A. Alieva, L.G. Gadzieva, Yu.A. Lagutina
INTERFERING PHENOMENA IN TEACHING ENGLISH
LITERARY PRONUNCIATION IN A NATIONAL SCHOOL
Keywords: sound interference, bilingual, native language, foreign (English) language, pronunciation, national school.

The article analyses some main reasons of the native language (or native languages, if students are bilingual) interference while teaching English pronunciation in a national school. The main concern of the study is phonological and phonetic mispronunciation at the syntagmatic and paradigmatic language levels. The characteristic features of interference in the system of vowels and consonants of the native and foreign (English) languages are highlighted and described.

V.V. Batitskaya, E.P. Ignatieva
FUNCTIONING OF ENCYCLOPEDIA ANTHROPONYM AS
A SIGN OF CULTURE IN SEMIOTIC SPACE

Keywords: semiotic space, encyclopedic anthroponym, sign of culture.

The article treats the encyclopedic anthroponym as a sign of culture operating in the semiotic space. Using examples from the encyclopedia the study demonstrates the changes in the value characteristics of the encyclopedic anthroponym caused by certain time-determined transformations in the life of society.

Т.Н. Боргоякова, К.Н. Бурнакова
УПОТРЕБЛЕНИЕ ФОРМЫ НА -ИР И ЕЁ СОЧЕТАНИЯ
В ФУНКЦИИ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: глагольная форма, формант, настоящее время, современный хакасский язык

Данная статья посвящена малоизученной хакасской форме на -ир, относящаяся к периферии поля настоящего времени, которая до сих пор не была предметом специального научного исследования. Результаты лингвистического анализа показали, что ограниченность употребления формы на -ир только лишь с глаголами пар- и кил- фундаментально меняется, когда они начинают функционировать как вспомогательные глаголы, тем самым открывая уникальную их способность сочетаться с любыми глаголами разной семантики в поле настоящего времени современного хакасского языка.

Л.И. Василькова
МАНИПУЛЯТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПОЛИТИЧЕСКИХ
ЭВФЕМИЗМОВ КАК ВЕРБАЛЬНОГО СРЕДСТВА
РЕАЛИЗАЦИИ ПОЛИТИКИ «ДВОЙНЫХ СТАНДАРТОВ»
(НА МАТЕРИАЛЕ УКРАИНОЯЗЫЧНЫХ СМИ)

Ключевые слова: политические эвфемизмы, политический дискурс, манипуляция, политика «двойных стандартов».

Статья посвящена изучению манипулятивного воздействия политических эвфемизмов, которые используются в качестве вербального средства реализации политики «двойных стандартов» в тексте новостных сообщений. Материалом для исследования послужили тексты украиноязычных СМИ.

Л.Г. Гаджиева, Л.А. Алиева, Ю.А. Лагутина
МАСДАР В ЛАКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ
С АНГЛИЙСКИМ GERUNДИЕМ

Ключевые слова: масдар, герундий, категориальные признаки, категория временной отнесенности.

В статье сопоставляются особенности функционирования масдара в лакском языке и герундия в английском языке. Масдар и герундий в рассматриваемых языках включены в глагольную систему, но проявляют существенные различия в категориальных признаках. Масдару присущи признаки грамматического класса, числа, вида, не представленные в английском герундии. Выявлены также различия в именных свойствах масдара и герундия. Именные признаки масдара проявляются в его изменении по падежам, а у герундия – в его левосторонней дистрибуции и синтаксических функциях.

Д.Р. Гилязова, А.С. Титлова
МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ И
КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ ПОЛИКОДОВОГО
ИНТЕРНЕТ-ТЕКСТА

Ключевые слова: манипуляция, конфликт, воздействие, фрустрация.

В статье представлен обзор определений понятия манипуляция, большое внимание уделено основным характеристикам, признакам и манипулятивным тактикам, которые нередко приводят к конфликтам. Далее представлен результат исследования восприятия и понимания поликодовых текстов. Результаты исследования дают почву для продолжения исследований в этой области.

Е.А. Должич, С.В. Дмитриченкова
АКТУАЛИЗАЦИЯ КАТЕГОРИИ АДРЕСОВАННОСТИ В
НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Ключевые слова: адресованность, автор, испанский научный текст, коммуникация.

Категориальный аппарат лингвистики текста постоянно расширяется в связи с развитием существующих научных знаний, а также появлением новых категориальных характеристик. Актуальность данного исследования определяется необходимостью систематизации средств выражения коммуникативно-прагматической текстовой категории адресованности в научной коммуникации. Цель исследования состоит в изучении и описании актуализации категории адресованности в испанских научных текстах.

T.N. Borgoyakova, K.N. Burnakova
USE OF THE FORM FOR -IR AND ITS COMBINATIONS
IN THE FUNCTION OF THE PRESENT TENSE

Keywords: verb form, formant, present tense, the modern Khakass language.

This article is devoted to the poorly studied Khakass form on -ir, related to the periphery of the present tense, which has not been the subject of special scientific research until now. The results of linguistic analysis showed that the limited use of the -ir form only with the verbs par- and kil- fundamentally changes when they begin to function as auxiliary verbs, thereby opening up their unique ability to combine with any verbs of different semantics in the present tense of the modern Khakass language.

L.I. Vasilkova
MANIPULATIVE POTENTIAL OF POLITICAL
EUPHEMISMS AS A VERBAL TOOL OF
IMPLEMENTATION OF THE POLICY OF “DOUBLE
STANDARDS” (ON THE EXAMPLE OF THE UKRAINIAN
MEDIA)

Keywords: political euphemisms, political discourse, manipulation, the policy of “double standards”.

The article is devoted to the study of manipulation impact of political euphemisms as a verbal tool of implementation of the policy of “double standards” in news reports in the Ukrainian media.

L.G. Gadzhieva, L.A. Alieva, Yu.A. Lagutina
THE MASDAR IN THE LAK LANGUAGE VERSUS THE
ENGLISH GERUND

Keywords: masdar, gerund, category features, category of time correlation.

The article presents a comparative analysis of functioning of the masdar (verbal noun) in the Lak language and the gerund in English. The masdar and the gerund in the languages under study are verbals but their category features differ significantly. The masdar distinguishes the categories of grammatical class, number, and aspect but the gerund in English does not have these distinctions. Differences in the nominal properties of the masdar and the gerund have been revealed. The nominal features of masdar are involved in its case distinctions, while those of the gerund are involved in its left-side distribution and syntactic functions.

D.R. Gilyazova, A.S. Titlova
MANIPULATIVE INFLUENCE AND CONFLICTOGENITY
OF POLYCODED INTERNET TEXT

Keywords: manipulations, conflict, impact, frustration.

This paper provides an overview of the definitions of the concept of manipulation, much attention is paid to the main characteristics, attributes and manipulative tactic, which often lead to conflicts. The following is the result of the study of perception and understanding of polycoded texts. The results of the study provide the basis for further research in this area.

E.A. Dolzhich, S.V. Dmitrichenkova
ACTUALIZATION OF ADDRESS CATEGORY IN
SCIENTIFIC COMMUNICATION

Keywords: addressing, author, Spanish scientific text, communication.

The categorical apparatus of text linguistics is constantly expanding in connection with evolution of scientific knowledge and emergence of new categorical characteristics. The relevance of this paper is determined by the need to systematize the means that serve to express the communicative-pragmatic textual address category in scientific communication. The article aims to study and describe the actualization of the address category in Spanish scientific texts.

Е.И. Кривошеева

ПРОБЛЕМА ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ
ЭКВИВАЛЕНТНОСТИ В ПРОЦЕССЕ АДАПТАЦИИ
ЯПОНСКИХ ТЕКСТОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК*Ключевые слова: японский язык, семантическая
эквивалентность, перевод, адаптация,
лингвокультурологическая эквивалентность.*

В статье рассматриваются особенности лингвокультурологического аспекта при осуществлении переводов с японского на русский язык. На материале текстов о сотрудничестве в политической и аэрокосмической сферах показываются способы поиска адекватных решений с учетом проблемы семантической эквивалентности в контексте культурного багажа России и Японии.

Д.Ц. Очиржапова, Н.Г. Пушкарёва, Л.Д. Раднаева,
Н.С. Талдыкина

ФОНЕТИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА АНГЛИЙСКИХ ГЛАСНЫХ

*Ключевые слова: английский язык, гласные, формантная
структура, транскрипция.*

Статья посвящена изучению фонетических свойств гласных английского языка на примере их эталонных реализаций из произносительного словаря [1] и гласных, реализованных носителями русского языка. Рассматривается формантная структура английских гласных /i:/, /ɪ/, /e/, /æ/ в составе односложных и двусложных словоформ. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [2].

С.Е. Писаренкова, А.А. Писаренков

«СЕМЕЙНЫЕ ЦЕННОСТИ» И ИДЕОЛОГИЯ:
МЕТАФОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ СЕМЬИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ И
КОНСЕРВАТИВНОЙ КАРТИНЕ МИРА*Ключевые слова: фрейм, метафора, общественно-
политический дискурс, идеология.*

В статье рассматриваются способы метафорического описания взаимоотношений между государством и обществом с точки зрения либеральной и консервативной идеологии. Целью статьи является анализ механизма воздействия определенной идеологии на формирование личностной картины мира и способов её метафорического описания в либеральном и консервативном общественно-политическом дискурсе.

А.С. Писарихина

ВИДЫ МОДАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ
НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ*Ключевые слова: модальность, модус, диктум, эксплицитный,
имплицитный.*

В специальной литературе, занимающейся вопросом модальности как с точки зрения морфологически и синтаксически закодированного залога, так и с точки зрения модальных глаголов, модальных наречий, модального сказуемого и модальных частиц, выделяют различные виды модальности. Данная статья посвящена вопросу модальности, который продолжает вызывать живой интерес лингвистов ввиду разногласий вокруг видов модальности, а также способов их употребления.

Л.Д. Раднаева, Б.В. Соктоева, С.Д. Цыренжапова,
Е.А. ШаглановаКАЧЕСТВЕННЫЕ И КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ЗВУКОВ. АКУСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ*Ключевые слова: иностранный язык, артикуляторная
классификация, акустические свойства, транскрипция.*

В статье рассматривается проблема изучения артикуляторно-акустических свойств звуков изучаемого иностранного языка. На примере разных языков представляются фонетико-фонологические особенности звуковой структуры языков. Особое внимание уделяется изучению акустического аспекта. Для транскрипции используются символы международного фонетического алфавита [1].

E.I. Krivosheeva

THE PROBLEM OF LINGUOCULTURAL EQUIVALENCE IN
THE PROCESS OF ADAPTATION OF JAPANESE TEXTS IN
THE RUSSIAN LANGUAGE*Keywords: Japanese, linguocultural equivalence, translation,
adaptation.*

This article discusses the features of the linguocultural aspect while translating from Japanese into Russian. Based on the texts on cooperation between Russia and Japan in the political and aerospace spheres there have been offered some adequate translating solutions in relation to the problem of semantic equivalence in the context of the cultural baggage of Russia and Japan.

D.Ts. Ochirzhapova, N.G. Pushkar'ova, L.D. Radnaeva,
N.S. Taldykina

PHONETIC PROPERTIES OF ENGLISH VOWELS

Keywords: English language, vowels, formants, transcription.

The article is devoted to the study of the phonetic properties of vowels of the English language as an example of their reference realizations from pronunciation dictionary and vowels realized by native speakers of the Russian language. Formant structure of vowels in the composition of monosyllabic and two-syllable word forms is considered. Symbols of the international phonetic alphabet are used for transcription.

S.E. Pisarenkova, A.A. Pisarenkov

"FAMILY VALUES" AND IDEOLOGY: FAMILY AS A
METAPHORICAL MODEL IN LIBERAL AND
CONSERVATIVE WORLD VIEW*Keywords: frame, metaphor, social and political discourse,
ideology.*

The article discusses the ways of metaphorical description of the relationship between the state and society in liberal and conservative ideologies. The purpose of the article is to analyze the mechanism of the definite ideological influences on the personal world view formation and the ways of its metaphorical description in liberal and conservative social and political discourse.

A.S. Pisarikhina

TYPES OF MODALITY IN THE MODERN
GERMAN LANGUAGE*Keywords: modality, modus, dictum, explicit, implicit.*

In the special literature dealing with the issue of modality, both from the point of view of morphologically and syntactically encoded voice, and from the point of view of modal verbs, modal adverbs, modal predicate and modal particles, various types of modality are distinguished. This article is devoted to the issue of modality, which continues to provoke keen interest of linguists due to disagreements around the types of modality, as well as the ways of usage.

L.D. Radnaeva, B.V. Socktoeva, S.D. Tsyrenzhapova,
E.A. ShaglanovaQUALITATIVE AND QUANTITATIVE SOUND
CHARACTERISTICS. ACOUSTIC ASPECT*Keywords: foreign language, articulatory classification, acoustic
properties, transcription.*

The article discusses the problem of studying the articulatory-acoustic properties of sounds of a studied foreign language. On the example of different languages, phonetic-phonological features of the sound structure of languages are presented. Particular attention is paid to the study of the acoustic aspect. Symbols of the international phonetic alphabet are used for transcription.

Р.Н. Сафин, В.С. Маркелов
ЛИНГВОЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
КАЗАНСКОЙ ЯЧЕЙКИ ПАРТИИ ИСЛАМСКОГО
ОСВОБОЖДЕНИЯ «ХИЗБ УТ-ТАХРИР АЛ-ИСЛАМИ»

Ключевые слова: судебная лингвистическая экспертиза, устное общение, понятийный аппарат закрытого сообщества, особенности словоупотребления.

Статья посвящена исследованию лексических особенности устного общения членов запрещенной религиозной панисламистской партии «Хизб ут-Тахрир Ал-Ислами». Источником языкового материала являются диалоги – устное общение рядовых членов партии и кандидатов в партию на просветительских партийных семинарах. Исследование речи членов закрытого сообщества позволяет выделить присущие только этому сообществу особенности словоупотребления.

Н.А. Сидорова
ЦЕННОСТИ КАК ОРИЕНТИР КОММУНИКАТИВНЫХ
ДЕЙСТВИЙ

Ключевые слова: речевая коммуникация, ценности, коммуникант, коммуникативные действия, детерминация речи. В статье проводится идея проблематичности установления истинных мотивов коммуникативных действий. Предлагается решение проблемы в выявлении и распознавании ценностей участников общения, поскольку ценности или представления о них свидетельствуют о предпочтениях личности, реализуются в речи и детерминируют ее. Автор выводит закон, обуславливающий коммуникативные действия участников речевого взаимодействия.

Д.Х. Хуснутдинов, Р.К. Сагдиева, И.С. Насипов,
Г.Г. Асхадуллина

ЭМОТИВНАЯ ФУНКЦИЯ МЕЖДОМЕТИЙ ТАТАРСКОГО
ЯЗЫКА В СОЗДАНИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА
Ключевые слова: междометия, эмотивность, экспрессивность, эмотивная лексика, национальная картина мира.

В последнее время в области исследования картины мира усиливается интерес к национальному своеобразие восприятия действительности, национальной специфике отражения в языке картины мира. В данной статье делается попытка раскрытия национального своеобразия эмоциональных переживаний татарского народа. Предметом исследования является эмотивная лексика татарского языка, которая дает возможность сформировать и дать оценку представленной картине и концептуализации окружающего мира татар.

М.В. Шурупова
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКА ИНТЕРНЕТ-
КОММУНИКАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, сленг, социальная сеть, стилистика, эмотикон.

В статье рассматривается специфика Интернет-коммуникации с позиции стилистической составляющей языкового наполнения высказываний коммуникантов. Автор делает акцент на сложности изучения данного вида коммуникации в связи с постоянно меняющимся информационным контентом.

Янь Кай

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ
Ключевые слова: лингвокультурология, язык, культура, человек, (языковое) сознание.

Статья посвящена представлению истории возникновения, методологии лингвокультурологии как науки. В статье рассматривается взаимосвязь лингвокультурологии: язык – культура – человек – (языковое) сознание; выделяются подразделы лингвокультурологии: лингвокультурологическая фразеология, когнитивная лингвокультурология, теоллингвокультурология, лингвокультурология эмоций и психоллингвокультурология.

R.N. Safin, V.S. Markelov
CONCLUSIONS OF LINGUISTIC EXPERTISE ON THE
ACTIVITIES OF THE KAZAN CELL OF THE PARTY OF
THE ISLAMIC LIBERATION
“HIZB UT-TAKHRIR AL-ISLAMI”

Keywords: forensic linguistic examination, oral communication, conceptual apparatus of a closed community, features of word use.

The paper considers the lexical features of oral communication of members of the banned religious pan-Islamist party Hizb ut-Tahrir Al-Islami. The source of the language material is dialogs – oral communication between ordinary party members and party candidates at educational party seminars. A study of the speech of members of a closed community makes it possible to single out the peculiarities of usage inherent only to this community.

N.A. Sidorova
VALUES AS A REFERENCE POINT FOR
COMMUNICATIVE ACTIONS

Keywords: speech communication, values, communicant, communicative actions, speech determination.

The article deals with the idea of the establishing the true motives problem of communicative actions. We propose a solution to the problem of identifying and recognizing the values of participants in communication, since values or ideas about them indicate personal preferences, are implemented in speech and determine it. The author deduces the law that determines the communicative actions of participants in speech interaction.

D.H. Husnutdinov, R.K. Sagdieva, I.S. Nasipov,
G.G. Askhadullina

EMOTIVE FUNCTION OF TATAR LANGUAGE IN
CREATION OF A NATIONAL PICTURE OF THE WORLD
Keywords: interjection, emotiveness, expressiveness, emotive vocabulary, national picture of the world.

Recently, in the field of studying the picture of the world, interest has been growing in the national originality of the perception of reality, the national specificity of reflection in the language of the picture of the world. This article attempts to reveal the national identity of the emotional experiences of the Tatar people. The subject of the study is the emotive vocabulary of the Tatar language, which makes it possible to formulate and evaluate the presented picture and conceptualization of the surrounding world of the Tatars.

M.V. Shurupova
ON THE SPECIFICITY OF INTERNET COMMUNICATION
LANGUAGE

Keywords: Internet communication, slang, social network, stylistics, emoticon.

The article deals with Internet communication specificity from the viewpoint of stylistics of utterances. The author highlights the difficulty in studying such kind of communication due to the constantly changing information contents of speech.

Yan Kai

THE MAIN AREAS OF LINGUISTICS
Keywords: linguistic Culturology, language, culture, people (linguistic) consciousness.

The article is devoted to the history of the origin, methodology, goals and objectives of linguoculturology as a science. The article discusses the Central problem of linguistics: the relationship language – culture – human (linguistic) consciousness; distinguished subsections linguistics: Ling-okulturenija phraseology (or lexicographic linguatula rologia), cognitive cultural linguistics, feelingsaboutpeace, Ling-okulturenija the emotions and psycholinguistically.

Публичный лицензионный договор-оферта

Редакция журнала «Казанская наука» предлагает Вам присылать свои статьи для публикации на страницах журнала, а также на сайте Научной электронной библиотеки (НЭБ). Предоставление Автором своего произведения является полным и безоговорочным акцептом, т.е. данный договор считается заключенным с соблюдением письменной формы. Присылая для публикации произведение, Автор также предоставляет Редакции журнала права на использование произведения и гарантирует, что он обладает достаточным объемом прав на передаваемое произведение. Также Автор предоставляет редакции журнала право переуступить на договорных условиях частично или полностью полученные по настоящему Договору права третьим лицам без выплаты Автору вознаграждения. Все авторские права регулируются в соответствии с действующим законодательством России.

Договор публичной оферты по обработке персональных данных

В процессе осуществления выпуска журнала «Казанская наука» ООО «Рашин Сайнс» осуществляется обработка персональных данных, предоставленных авторами статей в рамках сообщения своих регистрационных данных для осуществления публикации в журнале (имя, фамилия, отчество, адрес автора, контактный телефон и e-mail приводятся в регистрационной форме, заполняемой авторами при отправке статьи в журнал). Обработка осуществляется редакцией журнала для целей надлежащей отправки журнала автору и возможности связи с автором лиц, заинтересованных в результатах труда автора статьи. Под обработкой персональных данных в контексте настоящего согласия понимаются действия редакции по сбору, систематизации, накоплению, хранению, использованию, распространению, уничтожению персональных данных, а также действия по их дальнейшей обработке с помощью автоматизированных систем управления базами данных, и иных программных средств, используемых редакцией журнала. Настоящее согласие автора на обработку персональных данных является бессрочным и может быть отозвано в любой момент путем отказа автора от получения журнала и дальнейшей обработки его персональных данных.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

КАЗАНСКАЯ НАУКА

№2 2020

www.kazanscience.ru

Реестровая запись от 08.05.2019 серия ПИ № ФС 77 - 75730

Подписано в печать 12.03.2020

Формат А4. Печать цифровая.

Дата выхода в свет 12.03.2020

13,5 усл.печ.л. 14,8 уч.изд.л. Тираж 500 экз. Заказ 3290.

Учредитель: ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Адрес редакции, издательства, типографии – ООО "Рашин Сайнс":

420111, г. Казань, ул. Университетская, 22, помещение 23.

Цена - договорная

© Рашин Сайнс

тел.(843) 216-30-35

Отпечатано с готового оригинал-макета

ООО «Рашин Сайнс»